
Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 5 (118). Август, 2011

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

Н. В. Доршакова, доктор медицинских наук, профессор

Э. К. Зильбер, доктор медицинских наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук,
ответственный секретарь журнала

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале,
без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)	ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (г. Йоенсуу, Финляндия)
И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)	И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)	Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)
А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)	СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор (г. Оулу, Финляндия)
Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)	Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук, профессор (Москва)
И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)	А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)	МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (г. Белград, Сербия)
	Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

В. Б. АКУЛОВ
доктор экономических наук, профессор (Петрозаводск)	А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук,
профессор (Санкт-Петербург)	Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)	В. С. МАКСИМОВА
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
С. Г. ВЕРИГИН
кандидат исторических наук (Петрозаводск)	Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск)	А. М. ПАШКОВ
кандидат исторических наук (Петрозаводск)
РИХО ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (г. Хельсинки, Финляндия)	В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук, профессор (Петрозаводск)
П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)	С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук, профессор (Петрозаводск)
С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)	М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

ISSN 1998-5053

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 5 (118). August, 2011

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Natalia V. Dorshakova, Doctor of Medical Sciences, Professor

Elmira K. Zilber, Doctor of Medical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)	PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences, Professor (Joensuu, Finland)
I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)	I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)	E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)
A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)	HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)
N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)	L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)
I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
V. ORPHINSKY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)	M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)
	R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series «Social Sciences & Humanities»

V. AKULOV
Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)	A. KUNIL'SKII
Doctor of Philological Sciences,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)	T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)
T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Petrozavodsk)	V. MAXIMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. VERIGIN
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)	N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)	A. PASHKOV
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)
R. GRYŮNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)	V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)
P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)	S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)	M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Сенявская Е. С.*
Участие Финляндии во Второй мировой войне в отражении финской и советской пропаганды и в исторической памяти7
- Голубев А. А.*
Мурманская железная дорога на переломном этапе истории (1917–1918)14
- Паишников А. М.*
Литературно-музыкальный вечер в Петрозаводске 5 июня 1863 года (опыт исследования по микроистории)19
- Шафранская К. В.*
Краеведческий опыт развития туризма в Карелии в 1920–1930-е годы.24

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Пивоева М. В.*
Телесное и духовное в шаманизме 28

ПЕДАГОГИКА

- Бабакова Т. А., Кремнева В. Н.*
Педагогическое сопровождение процесса внедрения инновационных педагогических технологий в Петрозаводском госуниверситете33
- Колесникова И. Л., Викулина О. В.*
Характеристика и структура иноязычной профессиональной коммуникации специалистов юридического профиля39
- Гаврилова А. Н.*
Формирование иноязычной письменноречевой аргументативной компетенции студентов неязыкового вуза (результаты экспериментального обучения)43
- Попова С. И.*
Освоение учителем процесса педагогического регулирования через систему повышения квалификации47

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Грохотов А. В.*
Организационные аспекты образования политических партий в современной России.53
- Еришов О. В.*
Россия и Латвия: от конфликта к сотрудничеству?57

СОЦИОЛОГИЯ

- Сорокин Г. Г.*
Геронтообразование в России глазами экспертов62

ФИЛОЛОГИЯ

- Баланчук О. Е.*
Диалогия Н. Г. Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов»: жанровое и идейно-тематическое своеобразие65
- Сузи В. Н.*
О жанре «Моцарта и Сальери» А. С. Пушкина.71

- Бабалык М. Г.*
К вопросу об источниках апокрифа «Беседа трех святителей»75
- Кунильский Д. А.*
Первые произведения Достоевского в славянофильской критике78
- Миронова В. П.*
Система стихосложения южнокарельских эпических песен (на примере руны о сватовстве)82
- Дундукова А. М.*
Лексико-семантическая подгруппа «Водоплавающие птицы» в «Онежских былинах» А. Ф. Гильфердинга.85

ФИЛОСОФИЯ

- Кабанова Л. И.*
Отношение к феномену нигилизма в отечественной культуре конца XIX – начала XX столетия89
- Коткин К. Я.*
Некоторые аспекты взаимосвязи личностного и социального начал в философской проблематике памяти94

ЭКОНОМИКА

- Козырева Г. Б.*
Проблемы формирования современной модели собственности (на примере приграничного сырьевого региона России)98
- Одлис Д. Б., Рудаков М. Н.*
Реструктуризация российских предприятий: сущность и выбор стратегии, региональная практика (на примере машиностроения)104
- Белоусов А. С., Винокурова С. А.*
Методические подходы к финансовому анализу деятельности коммерческого банка108

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Жилина Ю. А.*
Профессиональная подготовка чинов сыскной полиции России в начале XX века: цели, средства и результаты112

РЕЦЕНЗИИ

- Леонтьева С. Г., Маслинский К. А.*
Рец. на кн.: Илюха О. П. Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX века / Очерки. Документы. Материалы116

ДИСКУССИИ

- Ефимова В. В.*
«О бедном рецензенте замолвите слово...» ...118

Научная информация121

Contents122

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Требования к оформлению статей см.:

<http://uchzap.petrSU.ru/files/req.pdf>

Учредитель ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Л. Л. Лангинен.

Подписано в печать 17.08.2011. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.

10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 125 экз.). Изд. № 180

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-37987

от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ЕЛЕНА СПАРТАКОВНА СЕНЯВСКАЯ

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт российской истории РАН (г. Москва)
senyavsky@mtu-net.ru

УЧАСТИЕ ФИНЛЯДИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В ОТРАЖЕНИИ ФИНСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ И В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В статье рассматриваются официальные идеологические установки финского руководства на участие Финляндии в войне против СССР в 1941 году и пропагандистское обоснование ее выхода из войны в 1944 году. На основе архивных документов и источников личного происхождения показано отношение советских военнослужащих к финскому противнику на разных этапах противостояния, а также влияние военного прошлого на взаимовосприятие народов двух стран.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Финляндия, СССР, Карельский фронт, идеологическое обоснование войны, пропаганда и общественное сознание, историческая память

Любая война сопровождается комплексом пропагандистских акций с обеих сторон, которые не только отражают официальную точку зрения на мотивацию ведения боевых действий, подчеркивают справедливый характер ведения войны своей стороной, но и стараются опираться на психологию общества, на массовые настроения, в значительной мере влияя на них.

Хорошо известно пропагандистское обоснование начала «войны-продолжения» со стороны Финляндии, отраженное прежде всего в приказе главнокомандующего финской армией К. Г. Маннергейма от 27 июня 1941 года о начале военных действий вместе с германской армией против СССР. Главным лейтмотивом этого документа была реваншистская установка, направленная на пересмотр итогов «Зимней» войны 1939–1940 годов. Маннергейм называет СССР врагом и обвиняет в том, что он «с самого начала не считал мир постоянным», что Финляндия являлась «объектом беззастенчивых угроз», а целью СССР было «уничтожение наших жилищ, нашей веры и нашего Отечества... порабощение нашего народа». «Заклученный мир, – провозглашает Маннергейм, – был лишь перемирием, которое теперь закончилось. ...Призываю Вас на священную войну с врагом нашей нации. ...Мы вместе с мощными военными силами Германии как братья по оружию с решительностью отправляемся в крестовый поход против врага, чтобы обеспечить Финляндии надежное будущее» [6; 60]. В том же приказе содержится намек на это будущее – на Великую Финляндию вплоть до Уральских гор, хотя здесь пока как объект притязаний выступает только Карелия. «Следуйте за мной еще последний раз, – призывает Маннергейм, – теперь, когда снова поднимается народ Карелии и для Финляндии наступает новый расцвет» [6; 60]. А в июльском приказе он уже прямо заявляет: «Свободная Карелия и Великая Фин-

ляндия мерцают перед нами в огромном водовороте всемирно-исторических событий» [6; 70].

Официальные установки финского руководства о справедливости участия в войне полностью согласовывались с общественной атмосферой. Вот как вспоминает бывший финский офицер И. Виролайнен о настроениях общественности Финляндии в связи с началом войны против СССР: «Возник некий большой национальный подъем и появилась вера, что наступило время исправить нанесенную нам несправедливость. Все забыли, что получить возмещение (за поражение в “Зимней” войне. – Е. С.) мы хотели от соседней сверхдержавы... с помощью другой сверхдержавы. Это, конечно, было большой ошибкой... Нас история ничему не научила, если мы надеялись, что сможем изменить геополитическое положение Финляндии... Тогда успехи Германии настолько нас ослепили, что все финны от края до края потеряли рассудок... Редко кто хотел даже слушать какие-либо доводы: Гитлер начал войну и уже этим был прав. Теперь сосед почувствует то же самое, что чувствовали мы осенью 1939 г. и зимой 1940 г. ...В июне 1941 г. настроение в стране было настолько воодушевленным и бурным, что каким бы ни было правительство, ему было бы очень трудно удержать страну от войны» [6; 67–68]. В целом общественные настроения в Финляндии того времени можно определить как азарт и ослепление.

Естественно, что в советской пропаганде доминировали убедительные доводы справедливой оборонительной войны, так как в 1941 году Финляндия в союзе с фашистской Германией выступила в роли прямого агрессора, претендующего на продвижение своих границ «на восток до Урала, на всю свою историческую территорию» [6; 261]. Великой и Отечественной война 1941–1945 годов была для советских солдат независимо от того, на каком фронте и против какого кон-

кретного противника они сражались. Участники боевых действий с советской стороны имели достаточно оснований, чтобы видеть в финнах жестокого, коварного и опасного врага, преследующего агрессивные аннексионистские цели, попирающего нормы международного права и относящегося к «инородцам» как к «недочеловекам», о чем свидетельствовала проводимая им политика геноцида против русского населения в оккупированных областях [6; 156–169, 184–186, 191–193, 198–199, 206–208, 242, 248, 250–251, 259, 264–266]. Поэтому многие ключевые оценки противника, звучавшие в советской пропаганде, полностью соответствовали настроениям сражающейся с ним армии.

Три года продолжались бои на Севере между советскими и финскими войсками – до сентября 1944 года, когда Финляндия вышла из войны, заключив перемирие с СССР и Великобританией и объявив войну бывшему союзнику – Германии. Этому событию предшествовали крупные успехи советских войск по всему советско-германскому фронту, в том числе наступление на Карельском фронте в июне – августе 1944 года, в результате которого они вышли к государственной границе, а финское правительство обратилось к Советскому Союзу с предложением начать переговоры. Радикальное изменение хода войны и очевидность ее перспектив к 1944 году вынудили финнов к поиску такого мира, который бы не закончился для них национальной катастрофой и оккупацией. Разумеется, выход Финляндии из войны сопровождался определенными пропагандистскими акциями с обеих сторон. Для Финляндии он был вынужденным, осуществленным в результате побед Красной армии над Германией и ее союзниками, под угрозой бомбардировок финских городов и советского наступления на финскую территорию. Финнам пришлось принять ряд предварительных условий, в том числе о разрыве отношений с Германией, выводе или интернировании немецких войск, отводе финской армии к границам 1940 года и ряд других.

Показательно, что мотивация вступления в войну и выхода из нее была практически противоположной. В 1941 году фельдмаршал Маннергейм вдохновлял финнов планами создания Великой Финляндии и клялся, что не вложит меч в ножны, пока не дойдет до Урала, а в сентябре 1944-го оправдывался перед своим союзником А. Гитлером за то, что вынужден вывести «маленькую Финляндию» из войны: «...я пришел к убеждению, что спасение моего народа обязывает меня найти путь быстрого выхода из войны. Общее неблагоприятное развитие военной обстановки все более ограничивает возможности Германии предоставлять нам в нужный момент своевременную и достаточную помощь... Мы, финны, уже даже физически неспособны продолжать войну... Предпринятое русскими в июне

большое наступление опустошило все наши резервы. Мы не можем больше позволить себе такого кровопролития, которое подвергло бы опасности дальнейшее существование маленькой Финляндии... Если этот четырехмиллионный народ будет сломлен в войне, не вызывает сомнения, он обречен на вымирание. Не могу подвергнуть свой народ такой угрозе» [16; 480–481].

Угроза поражения и его последствий для Финляндии явились важным мотивом и в официальной мотивации выхода страны из войны, адресованной населению, хотя в пропагандистских акциях акценты были явно переставлены. Мотивируя выход из войны поражениями, с одной стороны, Германии и ее союзников на всех фронтах, а с другой стороны – июньским прорывом своей обороны на Карельском перешейке, премьер-министр Финляндии Хаккелль в своей речи по радио 3 сентября 1944 года по вопросу о перемирии между СССР и Финляндией подчеркнул, что Финляндия «осталась одна против во много раз превосходящего в военной мощи врага. В течение трех лет мы честно несли бремя братства по оружию с Германией, поскольку доблестная военная борьба отвечала до определенного момента интересам обороны нашей страны» [6; 526–527]. Таким образом, именно изменение международной обстановки и положения на театре военных действий признавалось финским руководством как главная причина выхода из войны. Вместе с тем в эту мотивацию для «массового потребления» вносились и определенные коррективы. В частности, провозглашалось «большое стремление нашего народа к миру» [6; 527]. В своем приказе в связи с прекращением военных действий и готовностью Финляндии начать мирные переговоры с СССР от 7 сентября 1944 года, Маннергейм заявляет, что «народ Финляндии может сохранить свою независимость и обеспечить свое будущее только при том условии, что будет стремиться к искренним и доверительным отношениям с соседними странами» [6; 532]. В действительности Финляндия в сентябре 1944 года фактически приняла ультиматум – либо согласиться на все советские требования, впрочем, весьма умеренные, хотя и включавшие территориальные уступки, либо столкнуться с неизбежной оккупацией страны. Как вспоминал премьер-министр Финляндии Э. Линкомиес, «сразу было ясно, что уже нет другой возможности, как только согласиться с условиями, какими бы тяжелыми они не представлялись» [6; 557]. В своей телеграмме от 18 сентября 1944 года правительству Финляндии о ходе советско-финляндских мирных переговоров в Москве финский министр иностранных дел К. Энкель сообщил позицию Молотова: «...если мы не подпишем документы, то можем возвращаться. Непосредственным последствием этого будет оккупация всей страны. Возможностей для возме-

ния не было» [6; 557]. Таким образом, отказ Финляндии от неоднократных, начиная с 1942 года, советских предложений о выходе из войны в иной военно-политической ситуации и на самых благоприятных для нее условиях осенью 1944 года привел к фактическому принятию ультиматума под давлением военной силы. Попытки финской стороны завуалировать этот вынужденный характер перемирия выглядели весьма неубедительными хотя бы потому, что правительство Финляндии приняло все предварительные условия советского руководства. Восстанавливалось действие Мирного договора между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 года с изменениями, вытекавшими из Соглашения о перемирии [1; 215–220].

Военные поражения Германии и ее сателлитов к лету 1944 года вызвали «падение морального духа как на фронте, так и в тылу Финляндии» [3; 85–86], о чем свидетельствовали захваченные советской военной разведкой письма финских военнослужащих. Такие выводы содержатся, например, в Информационном докладе начальника штаба УК БТ МВ 32-й армии Карельского фронта подполковника Киселева за июль 1944 года, где целый раздел посвящен анализу «политико-морального состояния войск противника». Вместе с тем в том же документе отмечалось, что «хотя в финских войсках в последнее время и наблюдается значительное снижение политико-морального состояния, в результате чего увеличилось дезертирство и факты неподчинения приказам командиров, часть из солдатских писем, а также ряда показаний военнопленных говорят о том, что моральный дух финских войск еще не сломлен, многие продолжают верить в победу Финляндии. Сохранению боеготовности способствует также боязнь того, что русские, мол, варвары, которые стремятся к физическому уничтожению финского народа и его порабощению» [3; 85]. Во многом это состояние финских войск являлось результатом длительной и интенсивной антисоветской и антирусской пропаганды, внушения страха перед «варварами», опасения, что «если Германия и Финляндия проиграют войну, финский народ ожидает физическое истребление».

Не случайно летом 1944 года аналитические и разведывательные службы советской армии на всех уровнях приходили к выводу, что «в результате наступательных действий советских войск политико-моральное состояние финских войск значительно снизилось... Несмотря на это, боевой дух финских частей продолжает оставаться на достаточно высоком уровне, чтобы оказать упорное сопротивление наступлению наших частей» [3; 86]. Таким образом, принимая решение о перемирии с Финляндией на довольно мягких для нее условиях (как бы ни оценивали их сами финны), советское правительство избежало ог-

ромных жертв в случае продолжения войны с ней и необходимости оккупации этой страны.

В то же время проводилась определенная пропагандистская подготовка в связи с возможным вступлением советских войск на финскую территорию. Такое вступление предполагалось в случае необходимости «помочь» Финляндии интернировать находящиеся там немецкие войска. Главной установкой при этом для советских солдат и офицеров было «всегда помнить, что это не освобождение Украины и Белоруссии, где наши войска встречал наш освобожденный из-под ига советский народ, а это жители Финляндии, которая ведет против нас не первую войну», быть бдительными, «держаться с достоинством и честью, как воины армии-победительницы», помнить, что «мы не оккупируем Финляндию, а уничтожаем немцев вместе с финской армией. А поскольку бьем немцев вместе – не допускать столкновений с финской армией, держаться с достоинством, подчеркивать свое превосходство. Не допускать братания, покончить с добродушием» [2; 306–307]. Однако данный документ является лишь рукописным проектом директивы, которая официально не была утверждена и применена, и отражает возможные, но так и не реализованные планы, которые вместе с тем характеризуют позицию армейских партийно-политических органов в контексте конкретной ситуации сентября 1944 года.

В воспоминаниях о Великой Отечественной войне часто встречаются попытки сравнить поведение финнов в период Зимней войны и в ходе боевых действий на Карельском фронте. Очень показательны в этом плане фронтовые записки К. Симонова о наступлении советских войск на Карельском перешейке летом 1944 года. Рассказывая о стремительном взятии Выборга («В сороковом году, во время финской войны, на все это понадобилось три месяца боев с тяжелейшими жертвами, а теперь всего одиннадцать суток со сравнительно небольшими потерями с нашей стороны...»), он отмечает: «Надо отдать должное финнам – они не переменились, остались такими же стойкими солдатами, какими были. Просто мы научились воевать» [19; 385]. И здесь же упоминает свои беседы с фронтовиками: «Один из офицеров говорит, что финны не привыкли воевать летом. Начинается спор про финнов – те они или не те, какие были тогда. Один говорит, что совсем не те, что были, другой – тоже участник финской войны – говорит, что те же самые, ничуть не хуже воюют, все дело не в них, а в нас. Наверное, правильно...» [19; 389]. Затем К. Симонов приводит мнение генерала Н. Г. Лященко, который «говорит про финнов, что вояки они, как и были, так и есть, храбрые. Но в этих боях выяснилось, что они исключительно чувствительны к обходам. Как проткнул, вышел им в тыл – теряются!» [19; 390].

Но даже эта, отмеченная многими «растерянность», «с каждым днем все большая ошеломленность происходящим» [19; 390], охватившая финскую армию в период успешного советского наступления, не делала финнов менее серьезным противником. По свидетельству Ю. П. Шарапова, в конце июля 1944 года, когда наши войска вышли к государственной границе и перешли ее, углубившись на финскую территорию до 25 км, они получили шифровку Генерального штаба с приказом немедленно возвращаться, так как уже начались переговоры о выходе Финляндии из войны. Но пробиваться обратно им пришлось с упорными боями, так как финны не собирались их выпускать. Сравнивая эту ситуацию с положением на других фронтах, ходом освободительной миссии и последующим насаждением социализма в странах Восточной Европы, Ю. П. Шарапов отмечает: «Мы, те, кто воевал на Севере, относились к этому по-другому. Как только пришла шифровка не пускать нас в Финляндию, мы сразу поняли, что дело пахнет керосином, что нечего нам там делать, – потому что там была бы война до самого Хельсинки. Уж если они в лесу воюют, и надо было стрелять в затылок, чтобы финн из-за этого валуна перестал стрелять, то можете представить, что было бы, когда бы мы шли дальше и прошли еще 240 километров. Тут и Сталин, и его окружение понимали, что с кем с кем, а с финнами связываться не надо. Это не немцы, не румыны, не болгары и не поляки...» [5].

О том, как воспринимали соглашение о перемирии с Финляндией советские военнослужащие, свидетельствуют донесения политотдела 19-й армии Карельского фронта от 25 и 28 сентября 1944 года, где приводятся многочисленные высказывания бойцов на эту тему. Вот наиболее типичные: «Удары Красной Армии заставили финских “завоевателей” сложить оружие», «Финны мечтали о “Великой Финляндии”, но они просчитались и получили по заслугам», «Больше не захотят пожиться за счет русской земли», «Для Финляндии это великодушное соглашение», «Финны слишком медлят и с разоружением немецких войск провозятся долго», «В список преступников надо первым внести Маннергейма, который в начале войны говорил, что не вложит меча в ножны, пока не дойдет до Урала» [7; 174, 176]. Анализируя их, политотдел сделал вывод, что «соглашение с Финляндией вызвало всеобщее одобрение личного состава и расценивается как еще одна большая победа мудрой сталинской политики и показатель мощи Красной армии», что при проведении бесед и политинформаций, а также в частных беседах советские военнослужащие «выражают правильное понимание текущих событий» [7; 174].

Противоречивость ситуации выхода Финляндии из войны, когда эта страна из противника превращалась в нейтральное для СССР государст-

во (а в плане интернирования немецких войск – с элементами союзных отношений), отразилась и в пропагандистском ее освещении, и в восприятии массового сознания. На уровне общественных настроений финны оставались враждебны «Советам», да и русским вообще прежде всего вследствие многолетней и интенсивной пропагандистской обработки населения. И факт очередного поражения в войне далеко не сразу привел финское массовое сознание к пересмотру оценок в отношениях с восточным соседом если не в сторону дружелюбия, то хотя бы в сторону реалистичности. Тем более этого невозможно было достичь в ходе непосредственных боевых действий, даже под влиянием очевидного поражения. Такой «трезвый» и вынужденный поворот смогла сделать лишь финская элита. Однако, как впоследствии признавал в своих мемуарах К. Г. Маннергейм, к 1944 году «народ Финляндии... научился думать реалистически. На своем опыте он смог убедиться, что и наша страна была пешкой в политической игре великих государств и что ни одно великое государство не побрезгало использовать малую страну в своих интересах» [16; 482]. Ход и исход войны заставили финнов умерить амбиции и по-иному взглянуть на свое место и роль в мировой геополитике. Однако реваншистские настроения, в 1941 году приведшие Финляндию к союзу с Гитлером, а позднее к вынужденному выходу из Второй мировой войны, сохранились в финском обществе в течение всех послевоенных десятилетий, несмотря на дружественные отношения с СССР на государственном уровне. Явно или косвенно этому явлению способствовала и пропаганда, в том числе в контексте литературы, искусства и кинематографа.

Драматический опыт военного противостояния СССР и Финляндии в ходе Второй мировой войны весьма существенно повлиял на массовое сознание народов двух стран в контексте их взаимовосприятия. Однако в отношении русских к финнам – и это весьма интересный социально-психологический феномен – никогда не было той массовой ненависти, которая характерна для отношения к немцам в период Второй мировой войны и еще многие годы после ее окончания. Показательно, что из всех союзников Германии, граничивших с СССР, лишь Финляндия не подверглась советской оккупации и «советизации», приобретя уникальный статус «нейтрально-дружественного» государства (в сфере советского влияния) на многие десятилетия холодной войны. И данный статус послевоенной Финляндии, который поддерживался советской пропагандой, оказал сильное воздействие на восприятие в СССР этой страны и ее народа в последующие годы.

Известно, что образ восприятия другой страны существует на нескольких уровнях: официально-пропагандистском, служебно-аналитическом, художественно-обобщенном, личностно-бытовом

и др. Пропаганда и средства массовой информации играют весьма существенную роль в формировании этого образа в исторической памяти. Основную информацию о Финляндии простой советский (а позднее российский) человек получал главным образом из учебников, прессы, телевидения, произведений искусства. При этом в послевоенном СССР в учебной литературе и в СМИ эпизоды военного противостояния с Финляндией занимали крайне незначительное место, а то и вовсе замалчивались в угоду политической конъюнктуры, а именно официально дружественному отношению двух стран. Так что для обывденного сознания людей основным источником более адекватной информации по этому вопросу оставались воспоминания непосредственных участников и свидетелей событий — субъектов индивидуальной и коллективной исторической памяти. К ним относились ветераны боевых действий в период Зимней войны и на Карельском фронте, а также жители приграничных территорий, подвергшихся финской оккупации. Именно от них до массового сознания доходили сведения об особой жестокости финнов по отношению к пленным и к гражданскому русскому населению оккупированных областей, об их оккупационной политике, носившей характер геноцида. То есть личностно-бытовой образ оказывался куда более адекватным для формирования исторической памяти о противнике из соседней страны, нежели официально-пропагандистский. Однако доступен он был весьма немногим: лишь незначительная часть людей, преимущественно живших в приграничных районах, была причастна к источникам непосредственной исторической памяти (современники и участники событий и общавшиеся с ними люди). Что касается художественно-обобщенного образа войн с Финляндией, то он в нашей стране фактически так и не был сформирован. Поэтому в советском массовом сознании на протяжении четырех послевоенных десятилетий доминировал официально-пропагандистский образ.

В период перестройки в контексте разоблачения «преступлений сталинского режима» впервые в фокусе внимания историков и публицистов оказалась и «незнаменитая» Советско-финляндская война 1939–1940 годов, при этом основной акцент в ее освещении был сделан на негативных для советской стороны аспектах этого события (якобы немотивированная агрессия великой державы против маленького соседа; неудачное ведение боевых действий и неоправданно высокие потери советской стороны; репрессии против вернувшихся из финского плена красноармейцев и т. д.). Лишь в последние годы акценты в изучении и освещении этого события постепенно смещаются в сторону объективных оценок, а не сосредоточения на внешних его сторонах. Более полно и разносторонне освещается

ход войны на Карельском фронте в 1941–1944 годах, роль Финляндии в блокаде Ленинграда и военные преступления финских оккупантов на территории Карелии. Однако и это раскрытие исторической правды не ведет к разжиганию антифинских настроений в российском обществе.

Иначе формировался образ России в послевоенном финском обществе. Об этом свидетельствует и сравнительный анализ «образа врага», отраженного в финском и российском кинематографе о Второй мировой войне [18]. В Финляндии, несмотря на все договоры о дружбе и сотрудничестве, весьма сильны антирусские и реваншистские настроения, которые на протяжении многих десятилетий активно подогревались пропагандистскими средствами, в том числе кинематографом. Если в СССР образ Финляндии как противника создавался средствами киноискусства лишь в контексте военного противостояния (непосредственно в годы войны), причем это отношение не распространялось на финскую нацию, то в Финляндии образ России-врага культивировался все послевоенные десятилетия, при этом в качестве врага воспринималось не только соседнее государство («исконный враг!»), но и весь русский народ — по своей «низкой природе». В сознании финнов средствами киноискусства закладывалась мысль о «естественных правах» на соседние территории не только потому, что на некоторых из них проживают «родственные» угрофинские народы, прежде всего карелы, но и по причине «природного превосходства» цивилизованных, высокоразвитых финнов над «этими отсталыми, жалкими и презренными русскими». Даже в период официальной «крепкой советско-финляндской дружбы» в финской литературе и искусстве проскальзывали откровенные антирусские настроения, а также сожаления о том, что экспансионистские планы по созданию Великой Финляндии провалились.

Финский социолог Й. Бэкман, исследовавший общественные настроения в Финляндии, утверждает, что «у русских сформировался слишком положительный образ финнов и политики Финляндии. Во времена советской пропаганды Финляндия представлялась как доброжелательная страна. Но каждый, кто жил в Финляндии в 1990-х, знает, что атмосфера в Финляндии антирусская. Финские реваншистские настроения имеют скрытый характер, финны знают, что русским не стоит открыто угрожать». Однако «многие представители финской элиты ждут развала России и возвращения Финляндии карельских территорий», на которых планируется провести этнические чистки [8]. В своем выступлении весной 2002 года на военно-историческом сборе в Суоярви, посвященном годовщине окончания Советско-финляндской войны 1939–1940 годов, Й. Бэкман заявил, что «МИД Финляндии начал огромную пропагандистскую кампанию по ускорению

возвращения Карелии Финляндии», а сотрудники его российского отдела пишут в своих отчетах о генетической неполноценности русских [22].

Историческая память о Второй мировой войне и участии в ней Финляндии на протяжении ряда десятилетий подвергается вполне сознательному искажению как в публичных оценках правящих кругов этой страны, так и в высказываниях многих представителей ее интеллектуальной элиты, что, безусловно, влияет на массовое сознание финского народа в целом. При этом характерно, что событиям 1939–1940 и 1941–1944 годов, в масштабах мировой войны игравшим мало значимую роль на второстепенном театре боевых действий, в Финляндии придается судьбоносное значение не только для национальной истории этой маленькой северной страны, но и для всей «западной цивилизации и демократии», причем государство, воевавшее на стороне гитлеровской Германии и проигравшее войну, предстает едва ли не как победитель и «спаситель Европы от большевизма». Более того, неуклюже отрицается сам факт, что Финляндия во Второй мировой войне являлась союзницей фашистской Германии: она якобы была всего лишь «военной соратницей». Однако подобная словесная эквилибристика может обмануть лишь тех, кто сам желает обмануться: совместный характер целей и действий, согласованность планов двух «соратников», в том числе по послевоенному разделу СССР, широко известны.

Тем не менее попытки «переписать историю» вопреки очевидным фактам продолжают. Так, 1 марта 2005 года во время официального визита во Францию президент Финляндии Т. Халонен выступила во Французском институте международных отношений, где «познакомила слушателей с финским взглядом на Вторую мировую войну, в основе которого тезис о том, что для Финляндии мировая война означала отдельную войну против Советского Союза, в ходе которой финны сумели сохранить свою независимость и отстоять демократический политический строй». МИД России вынужден был прокомментировать это выступление руководителя соседней страны, отметив, что «эта трактовка истории получила распространение в Финляндии, особенно в последнее десятилетие», но что «вряд ли есть основания вносить по всему миру коррективы в учебники истории, стирая упоминания о том, что в годы Второй мировой войны Финляндия была в числе союзников гитлеровской Германии, воевала на ее стороне и, соответственно, несет свою долю ответственности за эту войну». Для напоминания президенту Финляндии об исторической правде МИД России предложил ей «открыть преамбулу Парижского мирного договора 1947 года, заключенного с Финляндией “Союзными и Соединенными Державами”» [4]. Вместе с тем не только финские политики, но и

ряд историков придерживаются этой скользкой позиции [9], [10].

Однако в последние годы «неудобные» для финской стороны темы преступлений гитлеровского союзника все больше становятся достоянием как научного сообщества, так и общественности. Среди них – не только крайняя жестокость и бесчеловечность обращения с советскими военнопленными, но и общая политика финского оккупационного режима на занятых советских территориях с откровенно расистскими установками в отношении русского населения и ориентация на его истребление. Сегодня опубликовано немало материалов с документальными свидетельствами жертв финских оккупантов, в том числе малолетних узников концентрационных лагерей [11; 14], [13; 47–56], [14; 41–43], [15], [17], [20], [21], [23; 142–151], [24], [25; 37–46], [26; 345–351]. Однако – в отличие от правительства современной Германии – официальная позиция финской стороны состоит в том, чтобы не признавать эти действия своей армии и оккупационной администрации в качестве преступлений против человечности, а концлагеря в оценках финской историографии предстают едва ли не санаториями.

И вот, наконец, последние новости с «поля битвы» за историческую память. «Граждане Финляндии – особенно старшего поколения – испытывают сейчас настоящий шок, – отмечает в “Независимом военном обозрении” Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР и РФ, руководитель Центра Северной Европы Института Европы РАН Ю. С. Дерябин. – 28 из 37 финских профессоров-историков, опрошенных недавно крупнейшей газетой страны “Хельсингин Саномат”, пришли к выводу, что война 1941–1944 годов против Советского Союза, развязанная тогдашними правителями Суоми, отнюдь не была “войной-продолжением” (Зимней войны 1939–1940 годов) или “отдельной” (от Гитлера) войной, как до сих пор утверждало большинство финских историков и политиков, в том числе нынешний президент республики Тарья Халонен» [12]. И приводит прозвучавшие в ходе опроса мнения: «Профессор Тоомас Хейккиля: “На практике Финляндия была союзницей Германии”. Профессор Пертти Хаапала: “Общественность и политики не готовы рассматривать Вторую мировую войну такой, какой она была на самом деле”. Профессор Юха Силтала: “Общепринятая версия политической, бюрократической и деловой элиты поставлена под вопрос”. Депутат парламента, бывший министр иностранных дел Эрки Туомиоя (социал-демократ): “Говорить о войне продолжения – напрасное дело”» [12]. И хотя позиции сторонников официальной версии о роли Финляндии во Второй мировой войне продолжают оставаться достаточно сильными, голоса тех, кто не боится исторической правды, звучат все более смело. В какой мере выводы специалистов смогут по-

влиять на историческую память граждан Финляндии о Второй мировой войне, формировавшуюся на протяжении многих десятилетий под мощным воздействием пропаганды, начиная со школьных учебников истории, станет известно позднее: процесс переосмысления прошлого в

массовом общественном сознании требует значительного времени.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-01-00363а.

ИСТОЧНИКИ

1. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы, 1 января – 31 декабря 1944 г. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1946. 684 с.
2. Выводы Политотдела 19-й армии о партийно-политической работе в войсках в связи с предстоящим вступлением на вражескую территорию. Сентябрь 1944 г. // Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 372. Оп. 6570. Д. 58.
3. Информационный доклад о боевом использовании противником мотомехвойск и организации противотанковой обороны перед фронтом 32-й армии за июль месяц 1944 г. // ЦАМО РФ. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 17.
4. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с вопросом СМИ относительно трактовки Президентом Финляндии Т. Халонен характера Второй мировой войны. 408-03-03-2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.in.mid.ru/btrp_4.nsf/sps/EC2527949C2E95BDC3256FB9005F21FD
5. Личный архив автора. Интервью с Ю. П. Шараповым от 17 мая 1995 г.
6. По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы / Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН; Науч. ред. В. Г. Макуров. Петрозаводск: Карелия, 1995. 636 с.
7. Политдонесение политотдела 19-й армии от 25.09.1944 и 28.09.1944 г. // ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

8. Бэкман Й. Финляндия без маски [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://whiteworld.ruweb.info/rubriki/000108/006/02051703.htm>
9. Ви́хавайне́н Т. Пропаганда и контроль общественного мнения в Финляндии во время войны 1939–1944 годов: Доклад на XVII финско-российском симпозиуме историков. Институт Ренволл, Хельсинкский университет. 25–26 мая 2001 г.
10. Ви́хавайне́н Т. Пропаганда во время войны-продолжения: Доклад на Финляндско-российском семинаре «Война-продолжение 1941–44 гг. Взгляд по обе стороны фронта». Институт Финляндии в Санкт-Петербурге, 25 мая 2005 г.
11. Гу́щин Б. Колочая провокация нашего детства // Лицей. 2002. № 10. С. 14.
12. Де́рьябин Ю. С. Давний миф наконец-то лопнул (Финские историки признали соучастие Хельсинки в гитлеровской агрессии против СССР) // Независимое военное обозрение. 2008. 21 ноября.
13. Ко́стин И. А. Воспоминания о жизни в оккупированном Заонежье // Карелия в Великой Отечественной войне. 1941–1945: Материалы конф. Петрозаводск, 2001. С. 47–56.
14. Ла́йне А. Гражданское население восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне // Карелия, Заполярье и Финляндия в годы Второй мировой войны. Петрозаводск, 1994. С. 41–43.
15. Лу́кьянов В. Трагическое Заонежье. Документальная повесть. Петрозаводск: Тип. им. П. Ф. Анохина, 2004. 252 с.
16. Ма́ннергейм К. Г. Мемуары. М.: Вагриус, 2000. 507 с.
17. Плененное детство: сборник воспоминаний бывших малолетних узников. Петрозаводск: Фолиум, 2005. 104 с.
18. Се́нявская Е. С. Русские и финны глазами друг друга: «образ врага» в кинематографе о Второй мировой войне // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2005. № 4. С. 13–19.
19. Си́монов К. Разные дни войны. Дневник писателя: В 2 т. Т. 2: 1942–1945 годы. М.: Мол. гвардия, 1977. 781 с.
20. Судьба. Сборник воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей / Ред.-сост. И. А. Костин. Петрозаводск: ГУ КРБС, 1999. 74 с.
21. Су́лимин С., Тру́скинов И., Ши́тов Н. Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР: Сб. документов и материалов. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1945. 304 с.
22. Фа́рутин А. «Карельский вопрос» под прицелом новых «кукушек» // Независимая газета. 2003. 28 января.
23. Чу́маков Г. В. Финские концентрационные лагеря для гражданского населения Петрозаводска в 1941–1944 гг. // Вопросы истории Европейского Севера (Народ и власть: проблемы взаимоотношений. 80-е гг. XVIII–XX вв.): Сб. науч. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 142–151.
24. Ша́дрова Л. В. Горечь детства, горечь смерти. Книга памяти. Война, плен, концлагеря // Карелия 1941–1944 гг. Подпорожье: Свирские огни, 1998.
25. Шля́хтенкова Т. В., Ве́ригин С. Г. Концлагеря в системе оккупационной политики Финляндии в Карелии 1941–1944 гг. // Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Материалы республиканской науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2001. С. 37–46.
26. Юсу́пова Л. Н. Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М.: РОССПЭН, 2004. С. 345–351.

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ ГОЛУБЕВ

кандидат исторических наук, доцент, директор Петрозаводского филиала, Петербургский государственный университет путей сообщения
pfp@pups@onego.ru

МУРМАНСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА НА ПЕРЕЛОМНОМ ЭТАПЕ ИСТОРИИ (1917–1918)

Статья посвящена завершению строительства и началу эксплуатации Мурманской железной дороги; выкупу частной Олонецкой железной дороги и объединению ее с Мурманской в единую государственную магистраль. Показано решение организационно-управленческих проблем.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, дистанция пути, эксплуатация дороги, инфраструктура, циркуляр управления, акционерное общество, Народный комиссариат путей сообщения

Официальной датой открытия сквозного движения на Мурманской магистрали считается 3 ноября 1916 года. В этот день две группы рабочих, идя навстречу друг другу с севера и с юга, завершили укладку последнего, центрального, участка дороги протяженностью в 371 версту от Сороки (Беломорск) до Кандалакши. Соединение произошло на 637-й версте от Петрозаводска и 440-й версте от Романова на Мурмане (с 1917 года – Мурманск). Присутствовали рабочие, служащие, инженеры, руководители строительства, представители министерств путей сообщения и финансов. Среди официальных лиц на церемонии находился представитель императорского двора князь А. И. Багратион-Мухранский, который ранее неоднократно посещал район строительства и оказывал всемерную поддержку в реализации этого проекта. На месте соединения был установлен обелиск с памятной доской, на которой написано: «3.XI.1916. На этом месте пик. 618, вер. 637 от Петрозаводска в присутствии генерал-майора князя Багратион-Мухранского сомкнута линия Великого Северного пути» [2; 71–77].

Большинство публикаций по истории железнодорожного транспорта носит общий характер. В них раскрывается динамика развития в стране этого вида транспорта, а также исследуются отдельные проблемы, обусловленные социально-экономическими и политическими переменами [14], [15], [16], [19], [20]. В контексте общих проблем управления железнодорожным транспортом в работе А. Е. Красковского и В. В. Фортунатова раскрываются значение и место Мурманской магистрали, построенной в условиях военного времени [16]. Непосредственно Мурманской железной дороге в переломный период российской истории посвящены работы по проблемам сооружения линии, представлена политическая борьба железнодорожников, показана реорганизация управления и начало эксплуатации дороги [13], [17], [18], [21].

Усилиями многих тысяч строителей, инженеров и техников завершился важный этап соору-

жения Мурманской магистрали. В ходе строительства было перемещено более 1,5 млн кубических саженей земли, уложено 1077 верст рельсового пути, прорыто около 200 тыс. погонных саженей мелиорационных каналов для осушки болот, построено 9913 квадратных саженей гражданских сооружений и более сотни станционных зданий. Основные задачи начального периода функционирования Мурманской железной дороги состояли в окончательном завершении строительных работ и подготовке магистрали к пуску в полную эксплуатацию, а также в формировании инфраструктуры. Предстояло произвести выкуп Олонецкой частной железной дороги в казну, объединить ее с Мурманской в единую магистраль и решить организационные вопросы по передаче управления дорогой центральным органам государственной власти.

Открытие временного движения позволило перебросить все силы строителей на завершение работ на отдельных участках линии и на дооборудование станций. С открытием временного рабочего движения на отдельных участках, а затем и на всей магистрали первоначально был создан отдел временной эксплуатации дороги, который обеспечивал управление перевозкой грузов и пассажиров. В южном направлении следовали военные грузы, поступавшие в порты Мурман и Белого моря. В северном направлении перевозились материалы для достройки железнодорожной линии, а также грузы местного значения. В отделе временной эксплуатации Мурманской железной дороги функционировали службы пути, тяги, движения и телеграфа. К началу 1917 года штат всех служб был полностью укомплектован и составил 16,5 тыс. рабочих и служащих [5; 102].

К началу временной эксплуатации на железной дороге оставалось множество дефектов, которые предстояло устранить в кратчайшие сроки. В конце 1916 года для ликвидации недоделок и подготовки всей линии к постоянному движению было создано Управление по достройке Мурманской железной дороги. На строительных

участках были организованы специальные подкомиссии по выявлению размеров недоделок.

Основным недостатком линии железной дороги была некачественная укладка пути. На отдельных участках возведенные насыпи позволяли уложить рельсы только с нарушениями установленных требований. При пуске в полную эксплуатацию такие дефекты могли привести к авариям и катастрофам.

В целях обеспечения безопасности движения проводились работы по совершенствованию главного пути и строительству запасных путей, а также по замене деревянных мостов на железобетонные и металлические. На станциях оборудовались приспособления для приема и отправления грузов и пассажиров. В этот же период были достроены депо в Петрозаводске, Медвежьей Горе, Надвоицах, Кемь и Мурманске. Завершилось возведение системы водоснабжения станций: были построены водонапорные башни, проложены десятки километров труб.

Работы по достройке в основном велись на участке Кемь – Мурманск, так как именно на этом объекте было выявлено наибольшее количество недоделок. Для ликвидации недоделок пришлось даже временно останавливать движение на данном участке. Так, 17 мая 1917 года было полностью закрыто грузовое сообщение для проведения первой очереди работ по достройке. К осени 1917 года на Мурманской магистрали был проведен огромный объем работ, что позволило с 15 ноября перевести ее в ведение эксплуатационного управления. Однако из-за имевшихся дефектов магистраль еще не обеспечивала проектной мощности. Под особый контроль эксплуатационного отдела были взяты проводимые в ноябре – декабре работы по приведению в безопасное состояние всей линии железной дороги.

Временная эксплуатация железнодорожной линии Петрозаводск – Мурманск положила начало прямым перевозкам воинских и других грузов из портов Мурманского побережья Баренцева моря и западного побережья Белого моря. В организации перевозок возникали определенные сложности, так как единый железнодорожный путь находился в разном подчинении. В государственном подчинении была линия Петроград – Званка (Волховстрой), а также вступившая в эксплуатацию линия Петрозаводск – Мурманск. Одновременно Акционерному обществу принадлежала Олонецкая железная дорога (Званка – Петрозаводск). Это усложняло организацию движения на всем протяжении дороги, удорожало перевозки и увеличивало сроки доставки грузов. При переходе с одной линии на другую из-за несогласованности между отделом временной эксплуатации Мурманской железной дороги и Акционерным обществом Олонецкой железной дороги возникали проблемы передачи грузов, вагонов и др.

Правительство было заинтересовано в более эффективной работе магистрали, в увеличении грузовых потоков, а Акционерное общество не имело на это технических возможностей. Стала очевидной неспособность Общества обеспечить бесперебойность движения грузов. Все это обусловило необходимость объединения линий магистрали от Званки до Мурманска под общим управлением. Способно на эту организаторскую работу было только государство в лице Министерства путей сообщения.

Первым шагом к объединению был досрочный выкуп в казну Олонецкой железной дороги. Вопрос о досрочном выкупе был поставлен еще 27 августа 1916 года в письме за номером 116508/14029 начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева председателю Совета министров В. В. Штюрмеру. В сентябре 1916 года этот вопрос был рассмотрен Особым совещанием по мероприятиям для снабжения армии, флота и организации работы тыла. На нем была обоснована необходимость выкупа Олонецкой дороги в казну [4; 36].

После согласования данного вопроса с министрами финансов и путей сообщения Департамент железнодорожных дел предложил Обществу Олонецкой железной дороги созвать общее собрание акционеров для решения вопроса о полномочиях Правления на переговоры с правительством об условиях выкупа. Совет министров провел переговоры с представителями Акционерного общества. Министерство путей сообщения высказалось за выкуп Олонецкой железной дороги с уплатой выкупного вознаграждения в размере 165 руб. за акцию 100-рублевого достоинства. Министерство финансов предложило Обществу 100 руб. за акцию [4; 36–37]. Эти переговоры закончились безрезультатно.

Пришедшее к власти в России в марте 1917 года Временное правительство, возглавляемое князем Г. Е. Львовым, предоставило министру финансов право приобретать акции Общества 100-рублевого достоинства по цене 160 руб. за акцию. Для выкупа акций министру финансов было выделено 3,7 млн руб. Правительство брало обязательства по погашению облигационного долга Общества в сумме 31,2 млн руб. Кроме того, служащим, которые в результате ликвидации Общества оказывались без работы, предусматривалась выплата вознаграждения из государственной казны в размере трехмесячного оклада. По постановлению Временного правительства, с 1 апреля 1917 года Олонецкая железная дорога передавалась государству [6; 31].

Правительственная межведомственная комиссия провела оформление документов, передачу имущества Общества Олонецкой железной дороге государству, реорганизацию управления Мурманской железной дорогой и подбор штата рабочих и служащих для обслуживания сквозного

движения. Общая стоимость имущества Олонецкой железной дороги, включенного в единую магистраль, составила 40 млн руб. Все организационные расходы по ликвидации Акционерного общества были оплачены правительством в сентябре – октябре 1917 года.

Управление эксплуатацией Олонецкой линии было подчинено Управлению Мурманской железной дороги и получило статус местного линейного управления во главе с В. А. Скрыбиным, который стал помощником начальника Мурманской железной дороги. Одновременно проводилась работа по кадровому обеспечению линии. Большинство рабочих и служащих Акционерного общества, около 4 тыс. человек, были оставлены на своих рабочих местах.

В результате реорганизации была сохранена структура Мурманской и Олонецкой железных дорог, сформировавшаяся в период строительства. 8 участков были разделены на 14 дистанций пути. Железная дорога от Званки до Кемь включала 12 станций, 12 разъездов и 21 пост. Первым начальником Мурманской железной дороги 15 апреля был назначен Г. С. Истомина. Для осуществления конкретного руководства отделами были созданы 5 служб. Службу пути возглавил М. Ф. Передольский, службу тяги – А. В. Головкин, работу службы по организации движения – М. И. Мануилов, службу материального обеспечения – А. Н. Гнуздев, работу службы телеграфа – Д. С. Пашенцев.

При Управлении Мурманской железной дороги в мае 1917 года был образован отдел освещения дороги. Одновременно началось объединение телеграфной линии. Единым органом организации связи стала служба телеграфа Управления дороги. Работа по объединению телеграфной линии продолжалась до апреля 1918 года. Такой длительный период реорганизации телеграфа был обусловлен не техническими проблемами, а политической ситуацией в стране. Линия вступила в полную эксплуатацию еще в 1916 году. В развернувшейся в 1917 году борьбе за власть все существовавшие тогда средства связи являлись важным оружием в руках противоборствующих сторон. Велась борьба за средства передачи информации для влияния на массы. Только с установлением на Северо-Западе России советской власти создались условия для объединения всех разрозненных телеграфных линий в одну.

Мощности дороги было недостаточно для обеспечения перевозки всего объема необходимых грузов. Пропускная способность открытого временного движения составляла всего 3 пары поездов в сутки при нормативе в 21 пару. Кроме того, из-за слабости полотна вагоны и платформы недогружались на 20 %. Это обстоятельство требовало ускорить введение железной дороги в полную эксплуатацию и завершить объединение всех составляющих магистрали.

Активная деятельность по объединению Мурманской железной дороги на всем протяжении сопровождалась развитием соответствующей инфраструктуры. Проводилась работа по обустройству участков дороги. Об этом свидетельствует распространенный 27 июня 1917 года на всей линии, от Званки до Мурманска, циркуляр Управления Мурманской железной дороги «Об организации работы по устройству поселков при станциях Мурманской железной дороги, в удобных местах» [1; 321–322]. В соответствии с этим циркуляром строились жилые дома для работников дороги, бани, магазины, складские помещения. На крупных станциях, таких как Петрозаводск, Кемь, Кандалакша и Мурманск, были сооружены клубы железнодорожников. Однако эта работа из-за финансовых проблем в условиях начавшейся Гражданской войны и иностранной интервенции не была завершена.

С присоединением к единой железнодорожной магистрали самого северного участка Кемь – Мурманск в сентябре – декабре 1917 года все отделы строительного и эксплуатационного участков включались в состав Управления эксплуатацией Мурманской железной дороги. В России вступила в эксплуатацию еще одна железнодорожная магистраль, сыгравшая важную роль в экономическом и социально-политическом развитии Карелии, Кольского полуострова, Северо-Запада и всей территории страны. Мурманская железнодорожная магистраль включала 5 линий: Олонецкую (Званка – Петрозаводск, 264 версты), Сорокскую (Петрозаводск – Сорока, 356 верст), Кемскую (Сорока – Кемь, 52 версты), Кандалакшскую (Кемь – Кандалакша, 319 верст), Мурманскую (Кандалакша – Мурманск, 260 верст).

Строительство дороги и ввод во временную эксплуатацию осуществляло Министерство путей сообщения Российской империи. В этот период министерство возглавляли: с 1915 по 1916 год – Александр Федорович Трепов (1862–1928); с 28 декабря 1916 по 28 февраля 1917 года – Эдуард Брониславович Кригер-Войновский (1864–1933). С 1 марта по 25 октября 1917 года руководство эксплуатацией железной дороги осуществляло Министерство путей сообщения под контролем Временного правительства. Возглавляли министерство: со 2 марта по 2 июля 1917 года – Николай Виссарионович Некрасов (1879–1940); с 11 по 24 июля 1917 года – Георгий Степанович Тахтамышев (1874–1930); с 24 июля по 31 августа 1917 года – Петр Петрович Юренев (1874–1943); с 31 августа по 25 октября 1917 года – Александр Васильевич Ливеровский (1867–1951). Реальная же власть на железных дорогах после Февральской революции была у рабочих организаций.

На Втором Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов было принято обращение «Ко всем железнодорожникам», в котором съезд призывал к порядку на железных до-

рогах страны. Однако при формировании первого Советского правительства (Совнаркома) о назначении главы Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) было сказано: «...пост народного комиссара по делам железнодорожным временно остается незамещенным» [12; 10–11].

Совнарком, по сути, в сложившейся ситуации управлением делами железнодорожного транспорта не занимался, принимая лишь отдельные решения по доставке железными дорогами продуктов питания, топлива и т. д. От Совнаркома руководил транспортным ведомством с 8 (21) ноября 1917 года по февраль 1918-го в должности исполняющего обязанности заместителя Народного комиссара путей сообщения Марк Тимофеевич Елизаров (1863–1919). Практическое руководство железными дорогами России в период с ноября 1917 по февраль 1918 года взял на себя находившийся в оппозиции к Совнаркому Исполнительный комитет Всероссийского союза железнодорожных рабочих и служащих (Викжель). Он был избран на состоявшемся в середине июля 1917 года в Москве Всероссийском учредительном съезде железнодорожников.

Викжель не был естественным преемником Министерства путей сообщения России, поэтому он не имел достаточной базы для эффективного руководства всей сетью железных дорог страны. Это был профсоюзный орган, который опирался в большей степени на местные органы власти в лице губернских Советов и на Временные исполнительные комитеты железнодорожников, которые были созданы при каждой железной дороге. Влияние Викжеля распространялось только на те железнодорожные линии, которые поддерживали политическую позицию этой организации.

На Чрезвычайном Всероссийском съезде железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих в феврале 1918 года было принято положение об управлении железнодорожным транспортом и избран центральный орган железнодорожного союза – Всероссийский исполнительный комитет железнодорожных депутатов (Викжедор). В его составе была создана коллегия НКПС, утвержденная Всероссийским центральным исполнительным комитетом (ВЦИК). Наркомом путей сообщения был назначен Алексей Гаврилович Рогов (1886–1950), который занимал этот пост с февраля по май 1918 года. Далее НКПС возглавляли: с мая по июль 1918 года – Петр Алексеевич Кобозев (1878–1941), с июля 1918 по март 1919 года – Владимир Иванович Невский (1876–1937).

Ситуация в отрасли отразилась и на управлении Мурманской железной дорогой. На общем собрании железнодорожников, состоявшемся в Петрозаводске 24 марта 1917 года, был образован Временный центральный комитет рабочих и служащих строительства и эксплуатации Мурманской железной дороги (Совжелдор). В состав

исполнительного комитета вошли 30 человек. Председателем исполкома Совжелдора был избран инженер Л. В. Никольский [7; 2, 5].

Совжелдор с 22 июня по 10 июля 1917 года проводил в Петрозаводске Первый делегатский съезд рабочих и служащих Мурманской железной дороги, который оказал доверие Временному правительству. Съезд избрал руководящие органы Союза железнодорожников Мурманской дороги: Главный дорожный комитет, Главный продовольственный комитет, Главную примирительную комиссию, Главный дисциплинарный суд и Ревизионную комиссию. На съезде был также принят устав Союза железнодорожников Мурманской магистрали [9; 87].

Поскольку Совжелдор не имел полного представительства от всех участков, он не мог влиять на деятельность всей магистрали от Званки до Мурманска. В работе съезда не участвовали делегаты северных участков дороги от станции Сорока до Мурманска. Альтернативные съезды были проведены в Кеми и Кандалакше. В Кеми 7 мая состоялся свой съезд делегатов рабочих и служащих участка дороги от Сороки до Кандалакши. Решения этого съезда противоречили позиции Совжелдора, так как поддерживали лозунг «Вся власть Советам» [10; 45]. В Кандалакше с 23 по 28 июля проходил съезд железнодорожников северного участка дороги от Кандалакши до Мурманска, который оказал доверие Временному правительству, но не согласился подчиняться Совжелдору по территориальному принципу. Однако следует признать, что отсутствие политического единства в среде железнодорожников не препятствовало решению общетехнических проблем дороги. В решении этих вопросов Управление дороги и руководство отдельных участков подчинялись Совжелдору.

После событий 25–26 октября в Петрограде в Петрозаводске состоялось расширенное заседание Олонецкого губернского Совета, Совжелдора и представителей воинских частей Петрозаводского гарнизона, на котором было принято решение о непризнании советской власти и поддерживался лозунг созыва Учредительного собрания [8; 112]. С этого момента Временный центральный комитет рабочих и служащих Мурманской железной дороги стал проводить политику Викжеля, беспрекословно подчинялся всем его директивам. В итоге завершающий этап сдачи в полную эксплуатацию объединенной Мурманской железной дороги в декабре 1917 года проходил под руководством Викжеля и Совжелдора. Они завершили организационную работу, проводимую еще с весны 1917 года, и своими директивами утвердили факт юридического объединения всей линии от Званки до Мурманска.

В подчинении Викжеля и Совжелдора Мурманская дорога находилась до середины января 1918 года. Открывшийся 6 января Второй деле-

гатский съезд рабочих и служащих Мурманской железной дороги выразил недоверие Викжелю, принял решение поддержать советскую власть и подчиняться Совнаркому. Съезд переизбрал состав Совжелдора. Председателем исполкома был вновь избран Л. В. Никольский. Первым комиссаром Мурманской железной дороги в апреле 1918 года был назначен И. А. Житков. С этого времени Мурманская железнодорожная магистраль стала подчиняться коллегии НКПС.

В последующий период под руководством НКПС велись работы по совершенствованию деятельности Мурманской железной дороги. Однако начавшиеся Гражданская война и иностранная интервенция не позволили окончательно завершить работы на линии и пустить ее в полную эксплуатацию к концу 1918 года, как предполагалось советским правительством. С осени 1918 года работы были приостановлены и возобновились летом 1919 года. Полное завершение работ было проведено только в начале 1921 года. В мае этого же года Комиссия НКПС по осмотру железных дорог РСФСР признала, что Мурманская железная дорога готова к полной и безопасной эксплуатации на всем протяжении [11; 2–4].

В 1917–1918 годах Мурманская железная дорога была достроена и подготовлена к пуску в полную эксплуатацию. В процессе этой работы было произведено огосударствление частной Оло-

нецкой железной дороги, которая влилась в единую магистраль, и создан аппарат управления дорогой, подчиненный центральным органам государственной власти. В итоге были созданы условия для дальнейшего развития Великого северного пути.

Ввод в строй Мурманской железной дороги был осуществлен в сложный, переломный исторический период. В результате двух революций центральный аппарат власти был ликвидирован, а новые органы управления только формировались. Всю практическую работу по вводу в эксплуатацию Мурманской железной дороги осуществил Всероссийский союз железнодорожных рабочих и служащих и завершил Народный комиссариат путей сообщения. В период ввода в строй Мурманской магистрали государство решило задачу соединения Петрограда с Мурманским океанским побережьем линией железной дороги. История железнодорожного строительства России обогатилась опытом ввода в эксплуатацию линии железной дороги в специфических социально-политических условиях. Мурманская магистраль, построенная ценой огромных усилий рабочих и служащих, инженеров и предпринимателей, официальных лиц государственных и общественных структур, как важная транспортная артерия была органично вплетена в нить железных дорог России.

ИСТОЧНИКИ

1. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 320. Оп. 3. Д. 1.
2. НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 5.
3. НА РК. Ф. 722. Оп. 1. Д. 14.
4. НА РК. Ф. 722. Оп. 1. Д. 16.
5. НА РК. Ф. 722. Оп. 1. Д. 18.
6. НА РК. Ф. 722. Оп. 2. Д. 9.
7. НА РК. Ф. 1710. Оп. 1. Д. 12.
8. НА РК. Ф. 1710. Оп. 1. Д. 23.
9. НА РК. Ф. 1710. Оп. 1. Д. 34.
10. НА РК. Ф. 1722. Оп. 1. Д. 10.
11. НА РК. Ф. 1726. Оп. 1. Д. 14.
12. Декреты советской власти. М.: Госполитиздат, 1957.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

13. Жилин Г. М. На рельсах истории. Петрозаводск: Карелия, 1967.
14. Зензинов Н. А. От Петербург-Московской до Байкало-Амурской магистрали. М.: Транспорт, 1986. 216 с.
15. История железнодорожного транспорта России: В 2 т. СПб.: АООТ «Иван Федоров», 1994–1997.
16. Красковский А. Е., Фортунатов В. В. Принятие управленческих решений на железнодорожном транспорте: история и современность. СПб.: ПГУПС, 2009.
17. Мурманская железная дорога: Краткий очерк постройки железной дороги на Мурмане с описанием ее района. Пг., 1916.
18. Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Путевые очерки. Гельсингфорс, 1917.
19. Оппенгейм К. А. Общие сведения о железных дорогах. М., 1922.
20. Сотников Е. А. История и перспективы мирового и российского железнодорожного транспорта. 1800–2100 годы. М.: Транспорт, 2005. 348 с.
21. Чиркин Г. Ф. Колонизация севера и пути сообщения. Пг., 1920.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории дореволюционной России исторического факультета, Петрозаводский государственный университет
pashkov@psu.karelia.ru

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР В ПЕТРОЗАВОДСКЕ 5 ИЮНЯ 1863 ГОДА (опыт исследования по микроистории)

Статья посвящена небольшому эпизоду из истории Олонецкой губернии в период реформ Александра II – литературно-музыкальному вечеру, состоявшемуся в Петрозаводске 5 июня 1863 года, в котором участвовали как местные чиновники и учителя (Ю. К. Арсеньев, Д. В. Поленов, И. П. Хрущов и др.), так и политические ссыльные (П. Н. Рыбников, П. В. Завадский и др.). На вечере исполнялись стихи оппозиционно настроенных поэтов Т. Г. Шевченко и Н. А. Некрасова. Вечер являлся попыткой консолидировать образованную элиту Петрозаводска в связи с проводимыми в стране реформами.

Ключевые слова: реформы Александра II, общественная жизнь в провинции, политическая ссылка, микроистория

В данной статье будет сделана попытка показать, какой была социокультурная обстановка во многих губерниях России (или, как сейчас выражаются московские чиновники, «на местах») в период реализации крестьянской реформы 1861 года, на примере небольшого события, состоявшегося в Петрозаводске 5 июня 1863 года.

В этот день в Петрозаводске в переполненном зале губернаторского дома прошел литературно-музыкальный вечер. Все вырученные от проведения вечера средства были направлены в помощь бедным учащимся. Программа вечера состояла из трех отделений и 14 номеров. С чтением стихов выступали учитель русской словесности петрозаводской гимназии И. П. Хрущов и чиновники из ссыльных – П. В. Завадский и П. Н. Рыбников. П. Н. Рыбников исполнил былинку из своего сборника и стихотворение А. С. Хомякова, И. П. Хрущов – стихотворения Н. А. Некрасова и В. С. Курочкина и первый акт комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», П. В. Завадский – стихотворение Т. Г. Шевченко. Губернатор Ю. К. Арсеньев тоже принял участие в вечере и сыграл «Мазурку Контского» [17].

Крайне интересные фигуры главных участников вечера – Ю. К. Арсеньева, П. Н. Рыбникова, П. В. Завадского и И. П. Хрущова.

Во-первых, показательно, что одним из организаторов и активных участников вечера был губернатор Ю. К. Арсеньев (1818–1871). Он был сыном известного ученого, академика К. И. Арсеньева (1789–1865) и внуком сельского священника Костромской губернии. В 1821 году профессор К. И. Арсеньев был исключен из Санкт-Петербургского университета за свои либеральные взгляды и только благодаря покровительству великого князя Николая Павловича (будущего царя Николая I) остался на службе. В 1845 году К. И. Арсеньев стал одним из учредителей Русского географического общества. Последние месяцы своей жизни (с июля 1864 по ноябрь 1865 го-

да) престарелый академик прожил у сына в Петрозаводске и был похоронен под сводами петрозаводской Зарецкой Крестовоздвиженской церкви.

В 1838 году Ю. К. Арсеньев окончил Царско-сельский лицей, несколько лет служил чиновником на Кавказе, где познакомился с М. Ю. Лермонтовым, затем служил в разных центральных и высших учреждениях. В июне 1862 года Ю. К. Арсеньева назначили исполняющим должность смоленского губернатора (утвержден в ней в январе 1862 года), а в сентябре того же года перевели на должность олонекского губернатора, в которую он вступил 27 октября. Таким образом, именно Ю. К. Арсеньев занимался реализацией в Олонецкой губернии крестьянской реформы. К марту 1863 года были освобождены все крепостные мастеровые Олонецких горных заводов. Тогда же, в марте, должны были быть освобождены и приписные крестьяне (53 тысячи душ), но из-за противодействия горного начальника Н. А. Фелькнера их освобождение произошло только в марте 1864 года. В июле 1867 года было создано Олонецкое губернское земство. В мае 1870 года Ю. К. Арсеньев был назначен тульским губернатором и покинул Петрозаводск.

Ю. К. Арсеньев был членом Русского географического общества и членом-корреспондентом Вольного экономического общества. Его младший брат, известный юрист К. К. Арсеньев, один из лидеров земской либеральной оппозиции.

Итак, Ю. К. Арсеньев был активным и деятельным чиновником с либеральными взглядами, которого можно считать одним из представителей либеральной бюрократии. Можно предположить, что рьяная служба в Олонецкой губернии подорвала его здоровье, он прослужил в Туле менее трех лет и скончался там 4 марта 1873 года в возрасте 55 лет [26; 66–69], [27; 156–163].

Не менее интересна и личность другого организатора вечера П. Н. Рыбникова (1831–1885) [25; 8–49], [34; 650–655], [3; 317–324], [30; 43–74, 130–

133, 138], [31; 9–43], [32, 46–54]. Он родился в Москве, в купеческой семье. Его предки были купцами-старообрядцами, но по документам он считался «православного вероисповедания».

Павел Рыбников окончил с серебряной медалью гимназию и в 1854 году поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В годы учебы он участвовал в студенческом кружке «Вертеп», был знаком с известным славянофилом А. С. Хомяковым. Участники кружка обсуждали новейшие философские и социальные теории. Постепенно П. Н. Рыбников сформировался как сторонник революционно-демократической идеологии, выражавшейся в стремлении «к изучению народной жизни и к служению самому народу». При этом П. Н. Рыбников был чужд революционного радикализма, скорее его можно назвать человеком с умеренно демократическими взглядами. Определенное влияние на него оказывали старообрядческий менталитет и теории славянофилов.

В 1858 году П. Н. Рыбников окончил университет и летом отправился в Черниговскую губернию для сбора фольклора и посещения старообрядческих поселений, но был арестован жандармами и отправлен в ссылку в Петрозаводск, куда и был доставлен в марте 1859 года.

На это событие откликнулся А. И. Герцен, издававший в Лондоне газету «Колокол». В номере «Колокола» от 1 сентября 1859 года (№ 51) появилась небольшая заметка: «Мы были бы очень благодарны, если б нам сообщили подробности, за что сослан в Петрозаводск Рыбников. Нам пишут, что он сослан за то, что, изучая в Черниговской губернии промышленность, он ходил в русском, а не в иноземном платье – и это не при Бироне, не при Николае...» [6; 422].

После прибытия в Петрозаводск П. Н. Рыбников два месяца был не у дел, но затем его судьба решилась. 10 июня П. Н. Рыбников был определен в штат канцелярии олонекского губернатора¹. Его служебная деятельность была активной и многогранной. С 1 августа 1859 года он стал членом-делопроизводителем Олонекского губернского статистического комитета (далее – ОГСК), 30 ноября был произведен со старшинством с 10 июня 1859 года в коллежские секретари (чин, равный штабс-капитану), с 12 сентября 1860 года был определен младшим помощником правителя канцелярии губернатора с оставлением в звании члена-делопроизводителя ОГСК, с 14 марта по 4 апреля 1861 года исправлял должность секретаря Олонекского губернского присутствия по крестьянскому делу, с 15 мая стал секретарем ОГСК, а с 1 июня кроме этой должности стал младшим чиновником особых поручений при губернаторе, 12 марта 1862 года произведен «по сокращенному сроку, за службу в губернских местах» со старшинством с 10 июня 1861 года в титулярные советники (чин, равный капитану) [20],

с 7 июля 1862 года «согласно прошению» перемещен в штат Олонекской губернской палаты государственных имуществ. С 21 сентября «согласно прошению» был определен бухгалтером в Олонекское питейно-акцизное управление и, наконец, с 15 ноября «согласно прошению» был определен старшим чиновником особых поручений при губернаторе с оставлением в звании секретаря ОГСК, с 6 февраля по 2 июня 1863 года «исправлял должность» неперменного члена приказа общественного призрения, со 2 июня определен советником Олонекского губернского правления, 21 июня произведен со старшинством с 7 июня 1863 года в коллежские асессоры (чин, равный майору).

В декабре 1863 года П. Н. Рыбников одновременно был советником губернского правления с жалованьем 560 руб. в год, старшим чиновником особых поручений при губернаторе (бесплатно) и секретарем ОГСК с жалованьем 750 руб. в год. Кроме того, он получал 340 руб. «столовых»; таким образом, его годовой доход составлял 1650 руб.

В апреле 1864 года П. Н. Рыбников был освобожден от полицейского надзора и ссылки «с разрешением ему повсеместного пребывания в России, кроме столиц и столичных губерний». Но, вероятно, по просьбе Ю. К. Арсеньева он продолжал служить в Петрозаводске и уехал отсюда только в декабре 1866 года.

Для понимания эволюции, происходившей в поведении и взглядах П. Н. Рыбникова в период петрозаводской ссылки, большое значение имеет факт его женитьбы на дочери крупного петрозаводского чиновника, председателя Олонекской казенной палаты и действительного статского советника, лютеранке Анжелике-Аполлонии-Ольге Леопольдовне фон-Штемпель [22; 21]. Этот факт почему-то замалчивался всеми советскими биографами знаменитого фольклориста. 30 сентября 1862 года у них родилась дочь Евгения. Женитьба, имевшая место, вероятно, в конце 1861 года, подтверждает вывод о том, что П. Н. Рыбников уже в начале ссылки отказался от какого-либо активного участия в революционном движении, видя смысл дальнейшего существования в том, чтобы войти в круг местного чиновничества, заслужить уважение окружающих добросовестной службой и научными занятиями и жить спокойной, обеспеченной и размеренной жизнью. Это не исключало, впрочем, горячего сочувствия тяжелому положению простого народа, активного участия в просветительной и общественной жизни и поддержки проводимых в стране реформ.

В годы петрозаводской ссылки П. Н. Рыбникова наибольшее значение имела его деятельность как фольклориста. В 1861–1867 годах им были изданы четыре тома знаменитых «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым» [16].

П. Н. Рыбников оказывал большое воздействие на жизнь петрозаводского общества. При его

активном участии в Петрозаводске в начале 1860 года возникла Публичная библиотека. Газета «Олонецкие губернские ведомости» («ОГВ») по этому поводу сообщала: «Из русских журналов в Публичную библиотеку выписываются в 1860 году: 1) Современник (2 экз.), 2) Отечественные записки (2 экз.), 3) Русский вестник (1 экз.), 4) Библиотека для чтения, 5) Светоч, 6) Семейный круг, 7) Рассвет». Кроме того, библиотека выписала 15 газет, а также три серийных издания на русском языке и несколько газет и журналов на иностранных языках (2 на французском, 4 на немецком и 1 на польском) [19].

Показательно, что среди выписанных изданий первым назван революционно-демократический журнал Н. А. Некрасова, Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского «Современник», известный своей резкой критикой крепостнического характера готовившейся крестьянской реформы и находившийся тогда на пике популярности. Среди других изданий организаторы библиотеки явно выделяли либеральный журнал «Отечественные записки», активно обсуждавший подготовку крестьянской реформы, и популярный умеренно-либеральный журнал М. Н. Каткова «Русский вестник», выступавший в поддержку готовящейся крестьянской реформы. Следует отметить, что среди выписанных изданий присутствовал и сатирический журнал революционно-демократического направления «Искра». Можно считать, что симпатии устроителей библиотеки были целиком на стороне либеральных и революционно-демократических изданий. Но в 1862 году библиотека прекратила свое существование [11]. Можно предположить, что на закрытие Публичной библиотеки оказали воздействие такие события лета 1862 года, как закрытие властями в июне на 8 месяцев журналов «Современник» и «Русское слово» и арест в июле Н. Г. Чернышевского и Д. И. Писарева.

Третий участник вечера И. П. Хрущов (1841–1904) был близким знакомым известного литературного критика и публициста Д. И. Писарева², находившегося с июля 1862 по ноябрь 1866 года в заключении в Петропавловской крепости. С ноября 1862 по сентябрь 1864 года И. П. Хрущов был преподавателем словесности в петрозаводской гимназии [21; 5], затем перевелся в Новгородскую гимназию [15], а впоследствии стал чиновником особых поручений при министре народного просвещения.

Сын сельского священника Хорольского уезда Полтавской губернии и студент Харьковского университета П. В. Завадский (род. в 1835 году) был сослан в июне 1860 года за «вредный образ мыслей и другие неблагонамеренные поступки» под надзор полиции в Каргополь [8; 56 об.]. В январе 1862 года он был переведен на службу в Петрозаводск [4; 106], где с апреля стал помощником редактора «ОГВ» [14] и изредка помещал

в этой газете свои заметки [5], но в июне 1862 года был арестован, отправлен в Петербург, где содержался в Петропавловской крепости до января 1863 года, а затем возвращен в Петрозаводск, где стал помощником контролера приказа общественного призрения. В ссылке он вел себя спокойно, в 1864 году женился на дочери директора петрозаводской гимназии Ф. Н. Фортунатова, в ноябре 1864 года даже был взят на службу в канцелярию губернатора. В январе 1867 года его освободили из ссылки, и в феврале он уехал из Петрозаводска³. Еще на Украине П. В. Завадский соблазнил жену помещика М. Е. Гаршина Екатерину Степановну, которая бросила мужа, переехала в Петербург и каждое лето приезжала к П. В. Завадскому в Петрозаводск. Дважды она брала с собой своего младшего сына Всеволода, впоследствии известного русского писателя В. М. Гаршина⁴. В «Автобиографии» В. М. Гаршин писал о событиях своего детства: «Во время освобождения крестьян отец участвовал в харьковском комитете... Я в это время выучился читать. Выучил меня по старой книжке “Современника” (статьи не помню) наш домашний учитель П. В. Завадский, впоследствии сосланный за беспорядки в Харьковском университете в Петрозаводск и теперь уже давно умерший». В августе 1863 года мать забрала Всеволода в Петербург, сам он вспоминал: «Два года провел у П. В. Завадского в Петрозаводске» [4; 21–22]. Можно согласиться с М. М. Гином, что приезды В. М. Гаршина в Петрозаводск состоялись в 1864 и 1865 годах [24; 214].

Не менее интересным был и состав слушателей литературно-музыкального вечера. Среди не менее чем 85 участников вечера были вице-губернатор А. В. Виноградский, жандармский начальник генерал-майор князь А. А. Мышецкий, Д. В. Поленов⁵, вероятно, с семьей, горный начальник Н. А. Фелькнер, недавно ушедший в отставку директор гимназии Ф. Н. Фортунатов с семьей, чиновник казенной палаты Н. Х. Эюс, представители известной петрозаводской купеческой семьи Пименовы и купец 2-й гильдии Н. И. Сераго, а также ссыльные студенты Е. П. Михаэлис и К. А. Ген. Дворянин Е. П. Михаэлис (1841–1913), родившийся в Петербурге, был исключен с III курса Петербургского университета и в декабре 1861 года выслан в Пудож «за распространение прокламации “К молодому поколению” и участие в студенческих волнениях» [2; 159]. Сын главного лесничего Олонецкой губернии К. А. Ген также был исключен из Петербургского университета и в декабре 1861 года выслан в Повенец «как избалованный дознанием в действиях, обнаруживавших намерения не исполнять предписаний начальства», и за участие в беспорядках, происходивших между студентами Петербургского университета [1; 161]. В ноябре 1862 года оба добились перевода в Петрозаводск, но нена-

долго. В августе 1863 года за самовольную отлучку из Петрозаводска их выслали под полицейский надзор еще дальше: Е. П. Михаэлиса в Тару Тобольской губернии, а К. А. Гена – в Царево-Санчурск Вятской губернии⁶. Среди участников вечера отмечен и студент Петербургского университета Н. В. Рейнгардт (род. в 1842 году), высланный по месту жительства отца, в Петрозаводск, в сентябре 1862 года «за распространение возмутительных воззваний» [9; 302 об.–303]. В Петрозаводске он занимал должность столоначальника в Олонецком губернском правлении. В 1865 году Н. В. Рейнгардт выехал в Харьков, где окончил университет, в 1867-м он был освобожден от надзора полиции, но в 1871-м у него был сделан обыск в связи с тем, что его брат В. В. Рейнгардт в 1869 году создал тайный революционный кружок в Петрозаводске и в 1871-м пытался поднять крестьян Каргопольского уезда на выступление против налогов и повинностей.

Итак, организаторами этого литературного вечера были Ю. К. Арсеньев, П. Н. Рыбников, П. В. Завадский, И. П. Хрущов и еще несколько молодых чиновников. Литературно-музыкальный вечер представлял собой удивительное событие: под аккомпанемент исполняемой губернатором мазурки, в присутствии начальника жандармского управления, высших губернских чиновников и богатейших купцов шла открытая пропаганда демократических идей. И эта пропаганда, учитывая судьбу В. В. Рейнгардта, имела отклик среди петрозаводской молодежи. Вырученные от вечера деньги в сумме 134 руб. 75 коп. были разделены на три части: 75 руб. выделили трем бедным выпускникам гимназии для поступления в университет, 25 руб. передали в бесплатную школу «для первоначального обучения детей недостаточных родителей» на приобретение учебных пособий, а остальные деньги были вручены И. П. Хрущову для раздачи «беднейшим и достойнейшим ученикам старших классов здешней гимназии, по указанию их товарищей» [10]. Даже в распределении вырученных средств мы ощущаем дух 1860-х годов с присущими ему тягой к высшему образованию, горячим сочувствием простому народу и демократизму в отношениях между собой. Показательно, что вопрос о распределении денег между бедными гимназистами решали не устроители вечера, а сами гимназисты!

Вероятно, после проведения этого литературно-музыкального вечера с явным демократическим направлением в присутствии всего губернского начальства, к тому же получившего подробное освещение в местной газете, власти сделали соответствующие выводы. Следующая информация о литературном вечере в Петрозаводске появилась только через полтора года, в декабре 1864-го.

Возможно, Ю. К. Арсеньев негласно запретил проведение подобных вечеров и их подробное описание в печати. Так, о вечере в зале благородного собрания, состоявшемся 18 декабря 1864 года «в пользу двух бедных семейств», сообщалось очень кратко, без описания программы вечера и упоминания фамилий выступавших [10]. Следующий литературно-музыкальный вечер состоялся 20 января 1865 года в зале губернской гимназии «в пользу бедных учеников гимназии». В газетной заметке снова не упоминались ни имена выступавших, ни названия произведений. Говорилось только, что «выбор пьес для пения и музыки, сочинений для чтения и самое исполнение не заставляют желать ничего лучшего» [18]. В другой заметке, посвященной этому вечеру, говорилось, что от его проведения был получен 91 руб. 50 коп. [12].

Анализируя причины проведения литературно-музыкального вечера, состоявшегося в Петрозаводске 5 июня 1863 года, и его результаты, можно предположить, что губернатор Ю. К. Арсеньев дал согласие на его проведение (к тому же в зале губернаторского дома), чтобы попытаться консолидировать образованную элиту Петрозаводска, разделенную на две группы – чиновники и ссыльные. Это было необходимо ему для того, чтобы лучше знать и контролировать ссыльных, чтобы показать отсутствие у местных властей какой-либо подозрительности и предвзятости, напротив, готовность к проведению в их отношении самого либерального курса. Вероятно, важную роль в проведении этого вечера сыграл П. Н. Рыбников, который по своему положению (и ссыльный, и крупный чиновник одновременно) мог быть посредником в организации вечера между губернатором Ю. К. Арсеньевым и группой ссыльных студентов.

В этом деле был и субъективный момент. 14 июня 1863 года в Петрозаводск должен был прийти цесаревич великий князь Николай Александрович. Естественно, губернатор Ю. К. Арсеньев был заинтересован, чтобы высочайший визит прошел на высшем уровне, без каких-либо эксцессов, а потенциальным источником возможных беспорядков были ссыльные. Надо отметить, что эта ближайшая задача была им успешно решена.

Что касается более отдаленных последствий, то надежды губернатора на взаимопонимание со ссыльными не оправдались. Уже в августе 1863 года из Петрозаводска пришлось выслать К. А. Гена и Е. П. Михаэлиса. Выстрел Д. В. Каракозова в Александра II 4 апреля 1866 года окончательно похоронил возможность сотрудничества власти и общественности. В России победило консервативное направление во внутренней политике, а ответом общественности стало усиление революционного радикализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сведения о служебной деятельности П. Н. Рыбникова в годы ссылки заимствованы из его формулярного списка, составленного в декабре 1863 года [5; 20–23]. Эти же данные частично отражены в некрологе П. Н. Рыбникова [21].
- ² Об отношениях И. П. Хрущова и Д. И. Писарева см. [28; 97–102, 115, 116, 121, 122, 133, 134, 138, 142, 160, 168, 177, 191, 226–229 и др.].
- ³ Подробнее о П. В. Завадском, его пребывании в ссылке в Олонецкой губернии и отношениях с П. Н. Рыбниковым см. [1; 212], [33; 10–11], [30; 50–53].
- ⁴ Подробнее о пребывании В. М. Гаршина в Петрозаводске см. [29; 527].
- ⁵ Д. В. Поленов – известный палеограф, археограф и летописец, в Петрозаводск приехал в марте 1861 года, поскольку, будучи одним из крупнейших помещиков Олонецкой губернии, был назначен постоянным членом от правительства в Олонецкое губернское по крестьянским делам присутствие. В Петрозаводск Д. В. Поленов приехал со всей семьей. Его сын В. Д. Поленов, впоследствии известный художник, окончил здесь гимназию, а дочь Вера вышла замуж за преподавателя гимназии И. П. Хрущова. Весной 1863 года Д. В. Поленов вернулся в Петербург. О его жизни в Петрозаводске см. [23; 36–43].
- ⁶ Подробнее о петрозаводской ссылке Е. П. Михаэлиса и К. А. Гена см. [24; 204–224].

ИСТОЧНИКИ

1. Виноградов Н. Н. Биографии политических ссыльных Олонецкой губернии. Т. 1. А – И // Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 18.
2. Виноградов Н. Н. Биографии политических ссыльных Олонецкой губернии. Т. 2. К – П // Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 19.
3. Виноградов С. Н. Материалы для биографии П. Н. Рыбникова. 1. П. Н. Рыбников в ссылке // Советский фольклор. № 2–3. 1936. С. 317–324.
4. Гаршин В. М. Автобиография // Гаршин В. М. Сочинения. М.: Худож. лит., 1983. С. 21–29.
5. Завадский П. Обучение грамоте // Олонецкие губернские ведомости. 1862. № 12–13, 16, 19–21.
6. Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Факсимильное издание. Вып. 2. 1859 год. М.: Наука, 1962.
7. Литературный вечер в пользу бедных // Олонецкие губернские ведомости. 1864. № 51.
8. О лицах, состоящих под надзором полиции за 1860 год // НА РК. Ф. 1. Оп. 33. Д. 7/12.
9. О лицах, состоящих под надзором полиции за 1862 год // НА РК. Ф. 1. Оп. 33. Д. 10/23.
10. Об употреблении суммы, вырученной на литературно-музыкальном вечере // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 23.
11. Отчет библиотеки петрозаводского уездного училища // Олонецкие губернские ведомости. 1865. № 17.
12. Отчет по литературно-музыкальному вечеру // Олонецкие губернские ведомости. 1865. № 5.
13. П. Н. Рыбникова [Некролог] // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 93.
14. Перемены по службе чиновников Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1862. № 15.
15. Перемены по службе чиновников Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1864. № 48.
16. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 1. М., 1861; Ч. 2. М., 1862; Ч. 3. Петрозаводск, 1864; Ч. 4. СПб., 1867.
17. Петрозаводск // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 22.
18. Петрозаводск // Олонецкие губернские ведомости. 1865. № 3.
19. Петрозаводская публичная библиотека // Олонецкие губернские ведомости. 1860. № 5.
20. Производство в чины // Олонецкие губернские ведомости. 1862. № 15.
21. Список лиц, служивших в Олонецкой гимназии со времени ее открытия // 9. Отчет о состоянии Олонецкой гимназии за 1872–1873 год. Петрозаводск, 1873. С. 1–10.
22. Формулярный список о службе советника Олонецкого губернского правления коллежского асессора Рыбникова // НА РК. Ф. 2. Оп. 70. Д. 3/22. Л. 20–23.
23. Хрущов И. П. Очерк жизни и деятельности Д. В. Поленова. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1879. 66 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

24. Гин М. М. Шестидесятые годы и шестидесятники в Карелии // Гин М. М. Литература и время. Петрозаводск: Карелия, 1969. С. 204–224.
25. Грузинский А. Е. П. Н. Рыбников // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е. М. 1. М., 1909. С. VII–XLIX.
26. Корблев Н. А., Мошина Т. А. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы. Биографический справочник. Петрозаводск: Паритет, 2006. 100 с.
27. Корблев Н. А., Мошина Т. А. Олонецкие губернаторы эпохи Великих реформ // Российская история. 2009. № 3. С. 156–163.
28. Коротков Ю. Н. Писарев. М.: Молодая гвардия, 1976. 368 с.
29. Латынина А. Н. Гаршин Всеволод Михайлович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. С. 527–529.
30. Разумова А. П. Из истории русской фольклористики. П. Н. Рыбников. П. С. Ефименко. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 142 с.
31. Разумова И. А. П. Н. Рыбников // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 9–43.
32. Разумова И. А. Научно-общественная деятельность П. Н. Рыбникова в Олонецкой губернии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1991. С. 46–54.
33. Шумилов М. И. За счастье народное. Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1967. 167 с.
34. Яковлев Н. Рыбников Павел Николаевич // Русский биографический словарь. Пг., 1918. С. 650–655.

КСЕНИЯ ВАЛЕРИЕВНА ШАФРАНСКАЯ

старший преподаватель кафедры туризма, Петрозаводский
государственный университет
*shafranskaya_ks@mail.ru***КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В КАРЕЛИИ В 1920–30-е ГОДЫ**

В статье исследуется краеведческий опыт развития туристской сферы в Карелии в 1920–30-е годы. Становление туризма в Карелии началось на волне национального подъема после образования АКССР и сопровождалось активным краеведческим изучением Карелии. Обосновывается целесообразность обращения к краеведческому опыту для повышения эффективности реализации туристского потенциала Карелии на современном этапе.

Ключевые слова: образование Автономной Карельской Советской Социалистической Республики, краеведческое движение, индустриализация как фактор развития туризма, формирование массовых туров по Карелии и Петрозаводску

Современная Республика Карелия представляет огромный потенциал для развития всепогодного, международного туризма. Европейские туристы называют Карелию «прекрасной страной», отдых в которой ассоциируется с живописными ландшафтами, практически нетронутой цивилизацией природой, самобытной культурой, сложившейся в результате взаимодействия русского и финно-угорского этносов [21; 11].

С 2000 года туризм признан перспективным направлением экономики Карелии, ориентиром республиканского развития, способным создать не только прямой доход, но и дополнительные выгоды по целому комплексу вовлеченных в обслуживание туризма отраслей [23; 116], [25]. Вместе с тем возникает вопрос: насколько полно реализуется туристский потенциал края? В 2009 году суммарный объем туристско-экскурсионных и гостиничных услуг по республике составил 580 млн руб. [17]. В 2011 году бюджет Карелии насчитывает порядка 21 млрд руб. Применяя упрощенную систему налогообложения – 6 % от полученных 580 млн руб., можно предположить, что доход от сферы туризма в республиканский бюджет находится на уровне 1 %.

Таким образом, вклад туризма в бюджет Карелии можно охарактеризовать как незначительный. Давно назрела необходимость научного изучения туризма в Карелии, на основе которого можно создать уникальную рекламно-информационную среду края, модернизировать достопримечательности и найти новые маршруты, способные увеличить пребывание туристов, а значит, и финансовые выгоды местной экономики.

В этой связи актуальным представляется обращение к краеведческому опыту развития туризма в Карелии в 1920–30-е годы, когда Карелия впервые стала позиционироваться как регион качественного отдыха на внутреннем рынке туристских услуг.

1920-е годы, ознаменованные созданием Автономной Карельской Советской Социалистиче-

ской Республики (АКССР), в Карелии характеризовались ярким политическим, социально-экономическим и культурным подъемом, на фоне которого началось создание туристской отрасли.

В дореволюционный период в крае не было массовых туристских маршрутов. Обширный комплекс природных и культурно-исторических памятников находился на периферии научного и общественного интереса. Языческие древности Карелии, ставшие сегодня привычными образами края (петроглифы, сейды, северные лабиринты), до середины 1920-х – начала 1930-х годов наукой практически не изучались.

После революции 1917 года Карелия в связи с геополитическим положением и статусом национальной автономии приобрела стратегическое значение «советских ворот на Запад» [3]. Автономная республика должна была стать уникальной и образцовой территорией развития социализма под руководством правительства, сформированного из среды финляндских революционеров-эмигрантов. Туризм способствовал формированию репрезентативного образа республики, пропаганде благополучия и широких возможностей населения советской Карелии [6; 36]. В то же время туризм рассматривался как инструмент общегражданской подготовки к реалиям военного времени [18; 7].

В первое послереволюционное десятилетие огромную роль в становлении туризма в АКССР сыграло активное краеведческое движение. Краеведы заложили традицию познавательности, комплексности, разнообразия объектов показа, всепогодности и привлекательности туров для разных групп населения [7; 18]. В. И. Крылов, Л. Г. Гершанович, С. А. Макарьев, Е. Ф. Бартольд, Н. А. Левин и другие краеведы, действуя через центральные краеведческие организации республики (Карельский музей, Общество изучения Карелии, сеть краеведческих бюро, кружков и ячеек), вели разработку маршрутов по Карелии, а в отдельных случаях и по соседней Финляндии [19; 20–24].

Создание маршрутов производилось с расчетом на массовость, следовательно, сопровождалось организацией необходимой инфраструктуры. Популярный маршрут, именуемый в современном туризме «дестинацией», включал достопримечательность, инфраструктуру, доступность для туристов и местного населения, рекламно-информационную среду [20; 9]. В этой связи на формирование туристских дестинаций большое позитивное влияние оказало начало индустриализации в СССР [5; 424].

Главной задачей краеведов стало создание актуального туристского продукта, отвечающего требованиям времени и ориентированного на массового потребителя [7; 18]. Активно развивалось новое направление – «производственный туризм», нацеленное на создание рекламно-информационной среды для ведущих производств истроек края и формирование привлекательного образа индустриальной сферы занятости.

За годы первой пятилетки индустриализации (1928–1933) область туристских маршрутов по АКССР значительно расширилась за счет включения в нее объектов «производственного туризма». Экскурсии на стройки, наиболее грандиозной из которых был Беломорско-Балтийский канал, производства, рыболовецкие хозяйства, лесозаготовки, посещение научно-исследовательских станций – Бородинской биологической станции, Карельской научно-исследовательской рыбо-хозяйственной станции (КНИРС), Морской станции в Кандалакше – демонстрировали достижения советской власти в сфере народного хозяйства, успешное использование лесных, водных, минеральных и рыбных богатств края [3; 2].

К середине 1920-х годов относится выпуск первых путеводителей по Карелии, составленных краеведами В. А. Никитиным, Е. Ф. Бартольд, В. К. Звеневым, С. А. Макарьевым, а также публикация книги М. А. Гудожникова «Петрозаводск: культурно-исторический очерк» [2].

Авторы стремились сформировать у туристов привлекательный образ края, акцентируя внимание гостей на самых выигрышных сторонах, например живописных ландшафтах «страны лесов, озер и водопадов» [9]. Привлекая фольклор и используя сюжеты и идеи знаменитой «Калевалы», краеведы добавляли элемент интриги к обычным, на первый взгляд, путешествиям. Так, при составлении первых советских экскурсионных маршрутов по Мурманской железной дороге мурманское направление художественно сравнивалось с мистическим путем в «седое царство Похьелы» [16].

Разработка туристских маршрутов Карелии велась при республиканском правительстве в специально созданном структурном подразделении – экскурсионном бюро Наркомата просвещения АКССР (далее НКП). Бюро возглавлял ведущий краевед, с 1928 года – директор Карельского

музея Степан Андреевич Макарьев (1895–1937), являвшийся вдохновителем и создателем первых туристских и экскурсионных маршрутов по республике [10].

Экскурсионное бюро пропагандировало поездки в Карелию, ставя их в один ряд с популярными в то время турами в Крым, на Кавказ и по Уралу. Поездки в Карелию заманчиво рекламировались в периодической печати, а редакция «Карело-Мурманского края» приглашала всех желающих делиться впечатлениями от поездок по Карелии в виде очерков, стихов, зарисовок и фотографий, размещаемых в специальной графе «Отклики экскурсанта» [1; 21].

Экскурсии, создаваемые карельскими краеведами, различались по профилям – для учащихся, для рабочих и служащих, для «лиц со значительными денежными средствами», в эту категорию входили частные предприниматели эпохи нэпа, а также «спортивно-краеведческие» туры для любителей рыбной ловли и охоты. Туристские маршруты по срокам проведения подразделялись на кратковременные – до 3 дней, и длительные – от 1 недели до 1 месяца [10; 45]. Отправным пунктом всех маршрутов был Петрозаводск – административный и культурный центр республики. Вниманию туристов предлагались и экскурсионные маршруты по Петрозаводску, разработанные в Карельском музее под руководством краеведа, директора музея Виктора Ивановича Крылова (1874–1928).

В столице Карелии туристы знакомились с двумя десятками современных объектов, характеризующих жизнь города и республики в целом. Экскурсия начиналась с Карельского музея, представлявшего многовековую историю края. Далее экскурсанты получали возможность посетить разнообразные объекты города: Онежский металлургический и механический завод, радиостанцию, телеграф, электростанцию, рентгеновский кабинет Мурманской железной дороги, типографию имени Анохина, столоярную фабрику, пивоваренный завод, Дворец труда, Публичную библиотеку, места дислокации егерского батальона [8; 51]. Приезжим предлагали за небольшую плату, в размере 30 коп. в сутки, размещение в помещении школы № 3 и педагогического техникума с «предоставлением бесплатной постели и кипятка» [8; 52].

Основные проблемы при приеме больших групп въездных туристов состояли в отсутствии или недостаточном качестве инфраструктуры – питание, размещение, доставка до места назначения. Данные недостатки приводили к уменьшению или даже срыву некоторых экскурсий, к примеру, в 1927 году В. И. Крылов отмечал, что «неорганизованность привела к таким печальным последствиям, как отказ ленинградских рабочих от массовых поездок на наши озера и водопады прошлым летом» [6; 36].

В то же время благодаря деятельности краеведов и большому личному вкладу С. А. Макарьева количество комбинированных, всесезонных туров по республике увеличивалось. На рубеже 1920–30-х годов появилось более десяти новых маршрутов по Карелии, охватывающих крупные природные, промышленные, хозяйственные, а также культурно-исторические объекты: Кондопожская ГЭС и бумажная фабрика, поселок Шала, знаменитый льняным производством, рыболовецкие колхозы Шальского устья, старинный Муромский Свято-Успенский мужской монастырь, закрытый после 1917 года, острова Гольцы, где производилась добыча серого гранита, Тивдийские мраморные разработки, Кончезерская биологическая станция и др. [7; 18].

Экскурсии охватывали ближайшие пригороды Петрозаводска – Соломенное, Чертов Стул, Шуя, Ялгуба, Суйсарь, Деревянное, Сенная Губа, Повенец, Медвежья Гора, водопады Кивач, Гирвас, Пор-Порог. Для перемещения экскурсий использовались моторные лодки спасательной базы «Спартак», а также пароходы «Роза Люксембург» и «Кудом», предоставлявшие льготный проезд для экскурсий численностью более 10 человек [8; 52].

Положительное влияние на туристскую сферу оказывало развитие транспортной и дорожной инфраструктуры в республике, активизировавшееся в рамках индустриализации и в связи с прокладкой автомобильных дорог по стратегически важным направлениям [24]. Так, установилось постоянное автомобильное сообщение по маршруту Петрозаводск – Кивач. С помощью Онегзавода на этот популярный маршрут были поставлены две машины вместимостью 10 человек, стоимость проезда в оба конца составляла 5 руб. [6; 36].

К 1927 году на территории, прилегающей к водопаду, завершилось строительство гостиницы с буфетом, а также барака, предназначенного для отдыха и ночлега экскурсантов со скромным достатком [13; 27]. К сожалению, в настоящее время государственный природный заповедник «Кивач» данными объектами инфраструктуры не располагает.

К концу 1920-х годов количественные показатели экскурсионного движения по Карелии были следующими: в 1928 году состоялась 101 экскурсия, из них 50 профсоюзных и 36 школьных. Наиболее высокий рост продемонстрировал внутренний туризм: более 600 жителей республики посетили г. Петрозаводск и совершили поездки по другим маршрутам Карелии. За период 1927–1928 годов общее количество экскурсантов возросло с 1389 до 3433 человек [4; 49].

Туристы ориентировались на летние месяцы, наибольшее количество прибытий отмечалось в июне и июле. В 1928 году была проведена 1 зимняя экскурсия для жителей Карелии и 6 для при-

езжих (общее количество экскурсантов – 117) [4; 49]. На рубеже 1920–30-х годов в Карелию приезжали туристы преимущественно из Ленинграда, Ленинградской области и Москвы. Свыше 55 % от общего числа экскурсантов составляли работники различных профсоюзов: просвещенцев, строителей, коммунальщиков, советоргслужажих, Медицинско-санитарного союза и других [14; 52].

Важным фактором продуктивного развертывания экскурсионной деятельности в АКССР стало разграничение функций и закрепление курирования над разными видами экскурсий между экскурсионным бюро и Карельским советом профессиональных союзов. В организации доставки туристов этим ведомствам содействовали учреждения Госречпароходства и Мурманская железная дорога, то есть организации, заинтересованные в интенсивном пассажирском движении [15]. Под руководством экскурсионного бюро Мурманской железной дороги состоялось издание одного из первых советских туристических путеводителей по Карелии – «Спутник экскурсанта по Карело-Мурманскому краю» [16].

У туристов оставались незабываемые впечатления от поездки в Карелию. Людей удивляла красота северной природы и культура северян [12; 27]. В экскурсии часто внедрялись передовые элементы интерактивности, благодаря чему туристы получали возможность не только ознакомиться, например, с деревенским бытом, но и поучаствовать в подготовленных фольклорно-этнографических вечерах: «По случаю нашего приезда создали деревенскую молодежь и устроили бал. Девушки танцевали вальс и кадрили, пришедший куплетист декламировал с большим пафосом и непринужденностью чисто городские стихи» [12; 28].

Помимо непосредственного развития инфраструктуры туризма, правительство АКССР стремилось повысить интерес к республике за ее пределами, привлечь научные и производственные кадры, модернизировать сферу культуры [11], [13]. Краеведы являлись инициаторами или активными участниками важных социально-культурных мероприятий: реорганизации Карельского музея, создания комиссии по охране культурно-исторических памятников, а также историко-партийной комиссии, занимавшейся сбором материалов о революционном движении в крае.

В 1931 году в республике открылся комплексный научно-исследовательский институт (КНИИ), положивший начало самостоятельным научным исследованиям на карельской земле. Институт стал ведущим центром краеведения первой половины 1930-х годов, при котором действовал созданный по инициативе правительства АКССР государственный заповедник «Кивач», являющийся по настоящее время одним из наиболее привлекательных объектов туристского показа [22].

Таким образом, необходимо еще раз выделить ряд факторов, оказавших большое влияние на успешное развитие туристской сферы в Карелии в 1920–30-е годы: 1) экономическая, политико-идеологическая и социально-культурная заинтересованность республиканских властей в развитии туризма; 2) включенность туризма в процесс индустриализации АКССР и использование достижений индустриализации в интересах туризма; 3) расцвет краеведческого движения в республике, генерирующего осмысление дестинации на концептуальном уровне и рекламно-информационное обеспечение туризма; 4) широкое вовлечение профсоюзов, создающее масштабные туристские потоки. В соответствии с этим сфор-

мировались характерные качества туристского продукта Карелии тех лет, к которым относятся: широкая география маршрутов, возрастная и социальная разнонаправленность, всесезонность, разнообразие и комплексность объектов показа, творческий подход к организации экскурсий, высокая познавательность и актуальность.

Конечно, не все перечисленные факторы могут оказывать существенное влияние на развитие туризма в современной Карелии. Тем не менее сделанные нами наблюдения позволяют выразить уверенность в необходимости обращения к краеведческому опыту развития туризма в АКССР в 1920–30-е годы при планировании туристской сферы Карелии на современном этапе.

ИСТОЧНИКИ

1. Вестник Карело-Мурманского края. 1929. № 20–21.
2. Гудожников М. А. Петрозаводск: культурно-исторический очерк. Петрозаводск, 1926. 55 с.
3. Доклад Карельского правительства на заседании Президиума Совета национальностей ЦИК СССР июнь 1927 г. // НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 9/65. Л. 2.
4. Количество экскурсий и экскурсантов, обслуженных Экскурсионным бюро НКП за 1928/29 гг. // НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 50/414. Л. 49.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 3. 1922–1925. 9-е изд., доп. и испр. М., 1984. С. 424–489.
6. Крылов В. И. Экскурсионное дело в Карелии // Карело-Мурманский край. 1927. № 4. С. 36.
7. Макарьев С. А. Экскурсионный вопрос в Карелии // Карело-Мурманский край. 1928. № 9. С. 17–18.
8. Маршруты экскурсий по г. Петрозаводску в 1927 г. // НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 36/305. Л. 51–52.
9. Никитин В. А. В стране лесов, озер и водопадов: путеводитель по Карелии. М.; Л., 1930. 128 с.
10. Отчет Карельского государственного музея за 1928–1929 гг. // НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 50/414. Л. 1–47.
11. Отчет старшего научного сотрудника КНИИ Линева А. М. о работе павильона КАССР на выставке науки, техники и культуры в Ленинграде (август – сентябрь 1934 г.) // НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 121. Л. 1–29.
12. Петрозаводск-Кивач-Мурманск // Карело-Мурманский край. 1927. № 3. С. 27–28.
13. Постановление СНК АКССР № 466 «Об организации отдела Карелии в государственном Русском музее в Ленинграде» (1933 г.) // НА РК. Ф. Р-690. Оп. 3. Д. 52/432. Л. 35.
14. Распределение экскурсантов по Союзам // НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 50/414. Л. 51–52.
15. Сведения об экскурсантах, отправленных Экскурсионным бюро НКП за пределы Карелии (1929 г.) // НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 50/414. Л. 50.
16. Спутник экскурсанта по Карело-Мурманскому краю. Петрозаводск, 1925. 45 с.
17. Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/Legislation/lawbase.html?lid=2216>
18. Туризм и оборона Советского Союза // Карело-Мурманский край. 1928. № 12. С. 7.
19. Шеманский А. Д. Рыболовный спорт на реке Кемь-Русской и Кемь-Финской. Очерк по спортивному краеведению // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 5. С. 20–24.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

20. Зорин И. В. Дестинация как константа культурного и природного наследия // Северные туристские дестинации как доминанта развития туризма Северо-Западного региона: Труды II междунар. науч.-практ. конф. (10–11 ноября 2009 г.) / Карельский институт туризма – филиал РМАТ. Петрозаводск, 2009. С. 9.
21. Из дальних странствий // Ваш досуг. 2008. № 11 (56). С. 11.
22. История образования заповедника Кивач [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zapktivach.ru/history.html>
23. История экономики Карелии: В 3 кн. Кн. 3: Экономика Карелии в переходный период (1991–2006) / В. Г. Богданов, П. В. Дружинин, А. С. Колесов и др. Петрозаводск, 2006. 200 с.
24. Клинин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920–1941. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 275 с.
25. Социально-экономическое положение Республики Карелия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nordl.ru/karinvest.htm>

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА ПИВОВА

преподаватель кафедры культурологии, Петрозаводский
государственный университет
m.pivoyeva@mail.ru

ТЕЛЕСНОЕ И ДУХОВНОЕ В ШАМАНИЗМЕ

Статья посвящена выяснению возможностей реального магического воздействия шаманской магической духовной энергии на тело больного соплеменника.

Ключевые слова: телесное, материальное, духовное, энергия, шаман, духовное рождение, дисгармония, лиминальность

Проблема соотношения материального и духовного сегодня приобретает особый смысл в свете пересмотра методологических оснований современной философии и после отказа от доминирования марксистского стереотипа о противопоставлении материального и идеального. Конечно, существуют попытки материалистов пересмотреть концепцию материального и расширить понятие материальности до бесконечности, включая в него все существующее, вплоть до сознания и субъективного мира ощущений и представлений. Такие попытки возможны, но не плодотворны. Разумнее ограничить представления о материальности сферой вещественного и телесного. Именно такое представление и лежит в основе нашего исследования, в котором ставится задача рассмотреть соотношение телесного (материального) и духовного в мифологической и магической практике шаманов.

С точки зрения материализма все, о чем рассказывают шаманы, является вымышленным и якобы никак не подтверждается на практике. Однако реальная лечебная практика показывает (если считать практику критерием истинности и достоверности), что во многих случаях шаманское лечение обеспечивает действительное выздоровление больных, причем именно в результате лечения практикующим шаманом. Это говорит о том, что духовная энергия шамана воздействует на душу и тело больного и помогает исцелению. Выяснить, как и почему такое возможно, а также приблизиться к пониманию существа духовной энергии – наша задача.

Интерес к шаманизму появился у ученых уже в XIX веке и продолжился в XX веке, когда сведения о быте, обрядах и культуре племенных народов и их шаманов стали собирать и накапливать этнографы и антропологи [2], [4], [6], [8], [14], [16], [20], [21]. В XX веке изучение практики шаманов приняло несколько другой оборот: она стала объектом исследования психологов и психиатров. Примером здесь могут служить исследования измененных состояний сознания представителями гуманистической и трансперсональной психологии [1], [3], [12], [13], [15], [18]. В деятельности древних и современных народных целителей психологи и психиатры увидели не просто

проявление культуры, особенностей религиозных верований того или иного общества (которые, кстати, удивительно схожи во всем мире), но и реальные эффективные медицинские приемы.

Подъем интереса к шаманизму под углом зрения психологии и философии связан с более глубоким изучением различных состояний сознания, а также с изучением и интересом к восточным философским практикам – йоге, медитации и т. д. Психологи обнаружили, что многие шаманские приемы и техники можно взять на вооружение и эффективно использовать для лечения психически больных людей, а также для обогащения духовного и телесного опыта здоровых людей.

Основываясь на личном опыте работы с шаманами, работах К. Г. Юнга, К. Кастанеды и на собственной практике психотерапии, А. Минделл создал процессуальную терапию. В своей работе «Тело шамана» [9] он говорит о пробуждении «сновидящего тела» – внутреннего духа, «второго Я», мудреца и целителя, что возможно для каждого человека. Под «сновидящим телом» (В. М. Пивоев называет это «ночным сознанием» [11]) здесь понимается особое внимание к своему телу, его инстинктам и импульсам, следование им и достижение гармонии между телесными желаниями и душой человека. Такое «пробуждение» может помочь человеку преодолеть страхи и эмоциональные кризисы, освободиться от нереализованных ожиданий, комплексов и ограничений, чтобы обрести целостность [9]. Минделл, таким образом, сочетает древний шаманизм с современной психологией. Как и М. Харнер, который, используя современные научные подходы, стремится объяснить шаманское знание [19], Минделл пытается соединить научное и вненаучное знание, мифологические верования и психологические приемы.

Шаман – от тунгусского слова «саман» («тот, кто возбужден, движется, поднимается») – это маг, целитель, человек, который обладает большим потенциалом знаний и духовной энергии.

Роджер Уолш, один из виднейших трансперсональных психологов современности, дает следующее определение шаманизму в своей работе «Дух шаманизма»: это «совокупность традиций, в которых те, кто его (этот дух. – М. П.) практи-

куют, добровольно входят в измененные состояния сознания и ощущают себя или свой дух путешествующими в иных пространствах и взаимодействующими с иными сущностями в интересах своей общины» [18; 21]. Таким образом, шаман входит в особое состояние, чтобы его душа могла отправиться в другие миры для общения с духами этих миров, предками, душами умерших людей, для получения силы и знаний, которые шаман в будущем использует для помощи своим соплеменникам.

Можно пока отвлечься от вопроса о том, реальными или воображаемыми являются эти путешествия и общение с духами. Речь здесь идет о субъективной реальности, в которой достоверность событий не может проверяться критериями привычного рационального естественно-научного знания. Можно учесть точку зрения прагматизма, сторонники которого считают истинным то, что приносит реальную пользу [10].

Телесное и духовное начала тесно переплетены в шаманизме, поскольку для духовной деятельности шамана очень важна работа с телом, особое управление физическими и физиологическими процессами. Происходит постоянное соприкосновение ординарного и неординарного, внешнего и внутреннего, телесного и духовного. Шаман является проводником, связующим звеном между внешним и внутренними мирами, поэтому он проходит обучение также с двух сторон – снаружи, работая с телом и познавая шаманские традиции и техники (с помощью учителя-наставника, опытного шамана – «традиционное наставление»), и внутри, работая со своими видениями, снами, фантазиями, трансами (при помощи духов-помощников и через углубление в себя – «экстатическое наставление») [21].

Сначала будущий шаман испытывает «кризис посвящения» – атаку очень сильных психологических переживаний, которые нарушают психическое равновесие, привычный образ жизни и требуют перестройки, создания нового. Затем он принимает «зов» и начинает работать над тем, чтобы стать шаманом («визионерский поиск») [18; 47–48].

Чтобы стать настоящим магом, будущему шаману предстоит пройти испытания и «экстатические переживания» по традиционной схеме, которую В. Тэрнер называет «лиминальностью»: страдания, смерть, воскрешение [17]. Так, избранный для шаманской деятельности проходит во время своего «визионерского поиска» через телесные страдания, ограничения, отстраняется от нужд своего тела через пост, диету и даже длительное голодание, воздействие холодом, уединение и другие аскетические практики. Очень важным является также углубление в свой внутренний мир во время уединения, чтобы «отвлечь внимание от предметов внешнего мира и направить его к духовному началу» [18; 55]. С помощью

этих практик шаман должен укрепить свою волю, силу духа и тем самым приобрести силу и сосредоточие ума, поэтому страдания всегда рассматриваются как источник приобретения сил. Помимо этого, наедине с собой он должен научиться успокаивать свой ум и желания, разобратся в себе, найти свое истинное Я.

Шаману также необходимо научиться концентрации, чтобы усилием своей воли входить в транс и изменять состояние сознания. Есть племена, которые для шаманских практик используют специальные галлюциногенные вещества – напиток из лиан растения аяхуаска (индейцы Конибо на Амазонке), сок растения маикуа, табачную воду, сок растения «пирипири» (индейцы Хиваро, Эквадорские Анды). Об этих племенах и их культуре пишет американский антрополог М. Харнер. Но есть много таких шаманов, которым для своей деятельности не требуется дополнительных веществ. Физиологи выяснили, что в головном мозге человека уже есть вещества, которые могут изменять сознание, в том числе путем выработки такого галлюциногена, как диметилтриптамин [19; 410]. Поэтому достаточно привести свои тело и мозг в подобное состояние, и мозг сам начнет активировать свои внутренние ресурсы, изменять восприятие человеком действительности, усиливать чувства.

Важную роль играет духовная «смерть» шамана, являющаяся средством его очищения и преобразования. Она происходит за счет освобождения от физического тела, которое символически выражается в представлении человеком своего расчленения и видении своего скелета. Будущему шаману кажется, что плоть и кровь умирают и остается только скелет, наиболее долговечный из элементов тела. Вместе с внешними оболочками умирают предрассудки, переживания и интересы, связанные с внешним миром, стирается «личная история». У некоторых народов это событие может представляться будущему шаману как «поедание» частей его тела духами или животными или «варение» его в котле, а затем отращивание новых частей тела. Человек ощущает эту «смерть» как подобие реальной. Потом он «возрождается» (духовное рождение), получает новое тело (обновленные внутренние органы), заодно очистившись духовно от «мертвых» мыслей и переживаний. Шаман достигает просветления – ощущает внутри себя невидимый для обычных людей, но видимый духам и другим магам яркий свет.

Пройдя все подготовительные этапы, затем посвящение и став шаманом, целитель может управлять не только своим телом, но и состояниями своего сознания. Он по собственному желанию перемещается между разными состояниями: ординарным (дневным) и шаманским (измененным, ночным). Для входа в шаманское состояние желательно ночное время (в темноте ординарная

реальность меньше отвлекает), особые, влияющие на сознание движения и звуки – монотонный успокаивающий остигательный звук бубна особого ритма, а также пение и пляски.

О. Е. Кодола и В. Н. Сочеванов предложили интересную гипотезу об использовании древними людьми (особенно шаманами и колдунами) для своей деятельности особых мест, обладающих сильным энергетическим потенциалом. По их мнению, древние люди обладали естественной способностью взаимодействовать с полевыми энергетическими структурами и энергиями космоса. На таких местах они ставили свои святыни – пирамиды, храмы, лабиринты и другие знаки. Эти места помогали шаману переходить в измененное состояние сознания, «заряжали» его особой энергетикой [5].

Перейдя в измененное состояние сознания, шаман отправляется в духовное путешествие в подземный мир мертвых, в небесный мир или другие миры, соединенные общей мировой осью. Душа шамана через особый вход (реальное углубление в полу хижины или же воспроизведенное в памяти ранее увиденное место – пещера, нора животного, дупло дерева) по мировой оси, по туннелю переходила в иные миры, где общалась с духами этих миров. В связи с этим Мирча Элиаде, один из величайших религиоведов и мифологов XX века, определяет шаманизм как технику экстаза [18; 20].

Цель путешествия – получение сведений о мирах, о своем существовании, о душах, о болезнях души и тела и способах их лечения. После пребывания в другом мире шаман возвращается обратно в ординарное состояние сознания и знает, как помочь обратившимся к нему людям.

В своей работе шаманы пользуются не только знаниями и действиями в другой реальности, но и материальными предметами нашего обыденного мира, совершают видимые окружающим людям движения и действия: особые танцы, песни, игру в бубен. Индейцы Хиваро в Америке собирают «ценцаки» – «магические иглы» – непременные атрибуты шаманской деятельности этого племени. Когда шаман заканчивает свои действия, направленные на помощь пациенту, выходит из измененного состояния сознания, он может предъявить окружающим реальный предмет, «ценцак» (червя, окровавленный пучок пуха или что-то еще), который он заранее спрятал во рту, сказав, что «высосал» болезнь из тела больного. Если бы зрители заметили такую уловку, они могли бы уличить шамана в шарлатанстве, но все его хитрости наполнены смыслом. С одной стороны, они усиливают эффект его деятельности в глазах публики, не только символизируя, но и опредмечивая духовную реальность, перенося внимание на манипуляции с реальными материальными объектами. Это поддерживает веру в способности шамана и вызывает у его пациен-

тов плацебо-отклик. С другой стороны, в измененном состоянии сознания шаман ощущает или даже видит, как болезнь покидает страдающего человека и переходит в выбранный шаманом предмет, поэтому для шамана в его действиях никакого обмана нет [19; 410].

Символическая «смерть» шамана, которую он пережил во время своего посвящения, происходит в определенной мере в начале каждого нового шаманского сеанса. Шаману нужно отстраниться от ординарной реальности, от своего человеческого состояния, покинуть свое тело, то есть как бы «умереть» самому, стать духом, чтобы отправляться в другие миры. Один из способов достижения этого состояния – «превращение» в животное: шаман одевает маску животного, наряд с перьями и другими элементами природного мира, имитирует язык животных (особенно пение птиц, также лай собак, вой и т. д.) и их движения. С древних времен животные считались проводниками душ умерших или формой умершего человека, сосудами душ. Они всегда символизируют связь с потусторонним миром. С другой стороны, овладение языком животных и имитация их поведения символизируют овладение тайнами природы, получение новых способностей. Человек уподобляет себя животному, символу умершего, духу и может перемещаться в другие миры как дух. Он преодолевает состояние простого смертного. Как отмечает М. Элиаде, «речь идет в некотором смысле о периодическом повторении (то есть возобновлении в начале каждого сеанса) смерти и воскрешения шамана; экстаз является лишь конкретным переживанием ритуальной смерти» [21].

Многие исследователи феномена шаманизма отмечают важность различения шамана и больного человека – эпилептика, психически неуравновешенного (истерика, невротика, шизофреника) или одержимого. Кризис посвящения и путешествия шамана особенно часто трактуются как патологические проявления. Во время посвящения у будущего шамана усиливаются болезненные симптомы и появляются сильные необычные переживания. Духовные путешествия шамана, в свою очередь, проходят при измененном состоянии сознания и сопровождаются видением духов и верой человека в абсолютную реальность своих видений. Здесь мы видим столкновение мифологического (иррационального, «ночного») сознания шамана и рационального («дневного») сознания тех антропологов, психологов и психиатров, которые пытаются поставить медицинский диагноз шаманам. Люди, обладающие мифологическим сознанием, не видят четкой границы между видениями, снами и реальностью, не видят границ между Я и всем сущим (характерная черта мистического переживания), в то время как для людей, не обладающих таким сознанием, в силу культурных предубеждений вера в духов

будет симптомом душевно неуравновешенного человека, психотика [18; 76–77].

Важную роль для более точной интерпретации шаманской деятельности играет также личный опыт измененного состояния сознания. Только тот, кто пробовал изменить состояние своего сознания и знает уровни измененных состояний и их значение, может дать должную оценку действиям шамана. В XX веке изучение йоги, медитации и религиозных традиций Востока, сильно отличающихся от западных, дало психологам и психоаналитикам больше сведений о разнообразии состояний сознания.

В некоторых племенах старые шаманы выбирают наследников, будущих шаманов, из тех детей, которые подвержены эпилепсии и нервным припадкам. Однако, в отличие от шамана, эпилептик не может по собственной воле вызывать транс и измененное состояние сознания. Для своих духовных путешествий шаман достигает такой концентрации чувств и сознания, на которую мозг больного человека неспособен. Шаманы контролируют свои экстатические движения, в отличие от больных истерией и эпилепсией [21].

Некоторые ученые считают, что сопротивление тяжелой болезни является стимулом, который усиливает чувства больного и открывает его скрытые способности [18; 64].

В случае с шаманом болезнь сопровождает только кризис посвящения, через нее человеку подается «зов» предков или духов, избравших его для шаманской деятельности. Если он отвечает на зов, он становится шаманом, победив свою болезнь, и далее выздоравливает. Эпилептические припадки у больных людей являются следствием органической патологии головного мозга и повторяются через определенные промежутки времени. У шаманов же причиной припадков скорее всего являются внутренний психологический стресс и эмоциональное перевозбуждение (выражение психического беспорядка на физическом уровне), которые со временем полностью проходят. Вероятность органической эпилепсии у шаманов мала. Даже если больные эпилепсией и шизофренией выздоравливают, то вряд ли они становятся наиболее дееспособными членами общества, в то время как шаманы всегда готовы прийти на помощь окружающим, принять важные решения и руководить в сложной ситуации.

Отнесение шаманов к психически нездоровым людям чревато редукционизмом: сложная, глубокая традиция культуры с долгой историей сводится к расстройству психики или к патологии организма. Если приписывать клинические симптомы всем мистическим переживаниям и объяснять неизвестное известным, можно утратить значение религии и великих духовных практик [18; 86–87].

Трудности, которые шаман испытывает во время своего посвящения и становления в новом статусе, можно считать его духовным кризисом,

элементом процесса роста и развития, пройдя через который он приходит к «духовному раскрытию» или «второму рождению». Учение о «втором духовном рождении» человека сформировалось в рамках восточной религиозной философии, утверждающей, что человек рождается сначала физически, затем может созреть для второго, духовного рождения. Но оно не происходит само по себе. Чтобы «духовно родиться», нужно очень много заниматься своим духовным совершенствованием. Это одна из главных причин ухода в монастырь. Нечто подобное происходит с шаманом.

Для перехода на новый уровень развития необходима перестройка сознания, отказ от старой системы ценностей для принятия новой. Психологически это выражается в периодах смятения, мучительных вопросов и даже отчаяния и дезорганизации. Чтобы избежать застоя, психика человека провоцирует кризис, и человек справляется с ним и развивает себя. Психиатр Джон Перри отмечает, что «дух постоянно стремится сбросить оковы рутины и конвенциональных ментальных построений» [18; 96]. В случае с шаманом он может сам (под руководством старших опытных шаманов и духов-помощников) провоцировать кризис добровольно принимаемыми телесными страданиями, медитацией, отказом от пищи и т. д. Для будущего шамана, как и для обычного человека, переживающего духовный кризис развития, важны позитивная установка (интерпретация расстройств как части процесса развития) и поддержка окружающих – для шамана это будет принятие его общиной и помощь со стороны старших.

В ходе своей работы с больным человеком шаман излечивает не только тело, но и душу больного. Традиционные врачи, как правило, занимаются лечением только тела, если мы говорим не о психотерапевтах, работа которых нацелена на психику больных. Шаманы же знают, что тело, дух и душа тесно связаны. Во время своего становления в качестве шамана они учились через тело (телесные ограничения и физические страдания) укреплять дух, силу воли, и наоборот, через духовные измененные состояния путешествовать, лечить и укреплять свое тело и тела других людей. Шаман воздействует и на душу, и на тело больного, используя в своей целительской практике все возможные сведения, которые получил от наставников, накопил за время работы или узнал от духов в своих путешествиях: свойства трав и плодов деревьев, которые могут помочь излечению больного.

Шаман использует методы народной медицины: проводит физиопроцедуры, использует отвары лекарственных трав, традиционными природными средствами стремится помочь организму больного. Однако этого было бы мало. Шаман опирается не только на лекарства. Можно было бы прописать лекарство и отпустить больного до-

жидаться улучшения. Но шаман подходит к лечению более глубоко и комплексно.

Большую роль играют психологические факторы. Это, с одной стороны, не только внушение, но и самовнушение, авторитет шамана в общине: безграничное доверие жителей племени, убежденных, что шаман может и знает все. Оно вызывает мощный плацебо-отклик. Приведенный к шаману человек успокаивается: он знает, что попал в надежные руки. Появляется позитивная установка на успех лечения – выздоровление. У пациента появляется надежда, и это помогает организму сопротивляться болезни. Помимо этого, на психологию больного влияет осознание того, что шаман делит с ним все его страдания и боль: целитель подключается к борьбе с болезнью и, страдая и сопереживая, справляется с недугом вместе с пациентом. Наравне с надеждой поддержка, сопереживание и разделение трудностей с больным дают ему дополнительные силы, поднимают его настрой и силу духа.

В процессе духовно-энергетического воздействия на пациента шаман сначала гармонизирует энергетические и нервные процессы, а затем улавливает энергетические ритмы тела пациента и, подстраиваясь под них, воздействует, достигает резонанса, который усиливает вибрации тела реципиента и стимулирует активизацию его жизненной энергии, помогающей преодолеть духовные и соматические недуги. Духовная энергия, взаимодействуя с химической и физической формами, помогает в шаманизме достигать гармонии тела и души и здоровья человека.

Шаман лечит не только тело, но и дух, поскольку от проблем духа и души происходят многие психосоматические болезни. Песни, пляски, барабанный бой и игра в бубен шамана, его заклинания – все эти элементы духовной практики призваны работать на изменение духовно-энергетического поля – своего (шаман переходит в измененное состояние сознания, в транс) и поля пациента. Монотонные заклинания шамана могут действовать как молитва, физическое и энергетическое влияние которой уже реально зафиксировано и измерено учеными. Заклинания создают особый ритм, «успокаивают» организм пациента и настраивают его на нужный лад.

Таким образом, в шаманской практике мы видим взаимодействие внешнего (духовного) и внутреннего (телесного, физиологического) компонентов, причем духовная энергия стимулирует выработку в гипофизе гормонов (химической энергии), которые потом воздействуют на различные органы человеческого тела, преобразуясь в физическую энергию, что и позволяет человеку совершать действия и преодолевать патологические состояния. При этом особенно важно учитывать характер эмоционального состояния человека: негативный настрой угнетает обменные процессы во всех клетках тела, а позитивное эмоциональное состояние оптимизирует и активизирует нормальное, здоровое протекание биохимических процессов в теле человека [7]. Главная задача шамана – устранить дисгармонию внутреннего и внешнего, духовного и телесного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гроф С. Путешествие в поисках себя: измерение сознания. Новые перспективы в психотерапии и исследовании внутреннего мира. М.: Изд-во Трансперсонального Института, 2001. 336 с.
2. Демкин А. Лапландский шаманизм и символика лапландского шаманского бубна [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.town812.ru/lapp.html>
3. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993. 423 с.
4. Доу Дж. Шаманы центральной и северной Мексики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mesoamerica.narod.ru/mexican_shamans.html
5. Кодола О. Е., Сочеванов В. Н. Путь лабиринта. СПб.: Менделеев, 2003. 176 с.
6. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Изд-во Восточной литературы, 1985. 536 с.
7. Липтон П. Биология веры. М.: София, 2008. 256 с.
8. Медоуз К. Шаманский опыт. Практическое руководство по современному шаманизму. М.: Фаир-пресс, 1999. 320 с.
9. Минделл А. Тело шамана. Новый шаманизм для преобразования здоровья, межличностных отношений и общества. М.: АСТ, 2004. 320 с.
10. Пивоев В. М. Субъективная достоверность и ее критерии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2008. № 4 (97). С. 72–78.
11. Пивоев В. М. Философия культуры. 3-е изд. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2009. 428 с.
12. Спивак Д. Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. СПб.: Издательский дом «Ювента»: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 296 с.
13. Спивак Л. И. Измененные состояния сознания у здоровых людей (постановка вопроса, перспективы исследований) // Физиология человека. 1988. Т. 14. № 1. С. 38–147.
14. Стивенс Д. Секреты шаманизма. М.; Киев: София, 2001. 382 с.
15. Тарт Ч. Измененные состояния сознания. М.: Эксмо, 2003. 288 с.
16. Торчинов Е. А. Шаманизм // Религии мира: Опыт запредельного. СПб.: Азбука-классика, 2005. 544 с.
17. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
18. Уолш Р. Дух шаманизма. М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996. 288 с.
19. Харнер М. Путь шамана // Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев. М.: Республика, 1992. 527 с.
20. Широкоголов С. Избранные работы и материалы. Кн. 1. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2001.
21. Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 480 с.

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА БАБАКОВА

доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии, Петрозаводский государственный университет
babakova@psu.karelia.ru

ВИКТОРИЯ НИКОЛАЕВНА КРЕМНЕВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Петрозаводский государственный университет
pedagog@psu.karelia.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОЦЕССА ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПЕТРОЗАВОДСКОМ ГОСУНИВЕРСИТЕТЕ

В статье обосновывается необходимость системной работы вуза по внедрению в образовательную практику инновационных педагогических технологий, соответствующих требованиям времени. Раскрываются составляющие данного процесса и актуальность его педагогического сопровождения. Педагогическое сопровождение рассматривается в единстве обеспечения научно-методических основ организации работы и практической педагогической помощи преподавателям, осваивающим новые для них педагогические технологии.

Ключевые слова: педагогическое сопровождение, педагогические технологии, компетентностный подход, традиции, инновации, активное и интерактивное обучение, повышение квалификации преподавателей

Технологизация педагогического процесса является одной из современных тенденций в высшем образовании. Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) базируются на компетентностном подходе в образовании, что требует существенных изменений как в организации педагогического процесса в вузе, так и в оценивании качества его результатов – реализации соответствующих требованиям времени педагогических технологий. Поэтому в число стратегических целей Петрозаводского государственного университета в области качества (политика в области качества ПетрГУ была разработана и утверждена в начале 2007 года) вошли следующие:

- создание в университете стимулирующей среды для освоения и внедрения в учебный процесс преподавателями инновационных педагогических технологий;
- создание системы поощрений и поддержки профессионального роста сотрудников и педагогического мастерства преподавателей университета.

Внедрение инновационных педагогических технологий связано прежде всего со становлением готовности преподавателей (мотивационной, теоретической, практической) к освоению и реализации нетрадиционных технологий, к преодолению сложившихся стереотипов. Развитие компетентности преподавателей в области применения современных педагогических технологий требует и желания, и усилий, и времени. Это процесс, эффективность которого зависит от решения организационных вопросов и от качества педагогического сопровождения.

В данной статье рассматриваются вопросы педагогического сопровождения процесса внед-

рения в практику работы вуза инновационных педагогических технологий. В представленных материалах не затрагивается проблема освоения преподавателями педагогических технологий на основе электронных ресурсов (таких как дистанционное обучение, использование презентаций и т. п.), чем успешно занимаются сотрудники РЦНИТ ПетрГУ.

Согласно словарному толкованию, сопровождать – следовать за кем-нибудь, находясь рядом, ведя куда-нибудь или идя за кем-нибудь.

Педагогическое сопровождение рассматривается нами как система работы по обеспечению научно-педагогического оснащения процесса и оказания соответствующей практической (консультативной) помощи его участникам.

В системной работе университета были обеспечены и реализуются следующие составляющие.

1. Привлечение внимания преподавателей университета к проблеме инновационных педагогических технологий. На начальном этапе работы с инновационными педтехнологиями особую роль сыграли приглашенные специалисты, которые провели соответствующие курсы и семинары: О. Б. Даутова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики РГПУ, И. В. Вачков, доктор психологических наук, профессор Московского городского психолого-педагогического университета, А. И. Савенков, доктор педагогических наук, доктор психологических наук, профессор, директор Института педагогики и психологии образования МПГУ.
2. Обеспечение систематического повышения психолого-педагогической подготовки преподавателей университета через курсы факультета повышения квалификации силами специали-

стов кафедры педагогики и психологии, в том числе по проблеме инновационных педагогических технологий в высшей школе.

3. Проведение открытых занятий ведущими преподавателями университета.
4. Проведение конкурса учебно-методических разработок на основе инновационных педагогических технологий.
5. Консультирование преподавателей, осваивающих новые для них педагогические технологии.

Для организации системной внутривузовской работы нужно было определиться с основными теоретическими подходами для обеспечения единства и согласованности действий всех участников.

Содержание понятий «компетенция», «компетентность», «профессиональная компетентность», «педагогическая технология», «педагогическая инновация» продолжает оставаться дискуссионным.

ФГОС ориентируют высшую школу на реализацию как общекультурных (необходимых в жизни и в разных видах профессиональной деятельности), так и профессиональных (отражающих специфику той или иной профессии) компетенций. В основе тех и других лежат так называемые ключевые компетенции.

Компетенция выступает как наперед заданное социальное требование (норма) к образовательной подготовке человека, необходимое для его качественной продуктивной деятельности в определенной сфере. Компетентность – качество личности, предполагающее владение человеком определенной компетенцией. Профессиональная компетентность – интегральная характеристика личности, отражающая уровень знаний, умений и опыта, достаточный для осуществления профессиональной деятельности, связанной с принятием решений.

Если речь идет о профессиональной компетентности выпускника вуза, тем самым подтверждается уровень его начальной готовности к профессиональной деятельности. Естественно, с накоплением опыта работы в соответствующей сфере труда профессиональная компетентность поднимается на более высокий уровень.

Государственные стандарты высшего профессионального образования второго поколения ориентированы на квалификационные характеристики, третьего поколения (ФГОС) – на компетенции. Основные отличия этих подходов заключаются в следующем:

- квалификационные характеристики сформулированы на языке «знаний, умений, навыков», не выражены на «компетентностном языке»;
- квалификационные характеристики затрагивают, как правило, только профессиональные (технические) навыки и умения выпускника, в то время как компетенции характеризуют потенциального специалиста и как личность, и как «члена команды»;

- важной составляющей компетентностного подхода является механизм контроля и оценивания результатов образования;

- компетентностный подход, который формально обнаруживается в декларировании надлежащих квалификационных характеристик выпускника, не связан с содержанием образовательной программы и методами ее реализации.

Современный компетентностный подход (то есть ориентация на реализацию общекультурных и профессиональных компетенций) в построении педагогического процесса в высшей школе требует иного его технологического оснащения.

Анализ разных подходов к определению сущности и основных признаков педагогической технологии (В. П. Беспалько, М. В. Кларин, И. Я. Лернер, В. М. Монахов, Г. К. Селевко, Ф. А. Фрадкин и др.) позволил выделить следующие основные ее характеристики.

1. Соответствие методологическим требованиям. Технология должна иметь научную базу, опираться на определенную научную концепцию, научно обосновывать образовательные цели; отвечать основным признакам системы (логика процесса, взаимосвязь всех частей, целостность).
2. Управляемость. Четкое целеполагание, планирование, проектирование процесса обучения, поэтапная диагностика, варьирование средствами и методами, коррекция результатов. Педагогические технологии должны гарантировать достижение определенного уровня обучения, быть эффективными по результатам и оптимальными по затратам времени, сил, средств.
3. Воспроизводимость. Возможность применения в других однотипных образовательных учреждениях, другими учителями.

В связи с существованием большого количества определений понятия «педагогическая технология» мы предлагаем, опираясь на названные выше сущностные характеристики, следующую трактовку данного феномена. Педагогическая (образовательная) технология – обоснованная в рамках определенной педагогической концепции модель совместной деятельности субъектов педагогического процесса, характеризующаяся четкими целевыми установками, алгоритмом (последовательностью) действий, специфическими средствами, контролируемостью, воспроизводимостью в сходных условиях. При этом под алгоритмом понимается определенная последовательность шагов, носящая, как правило, надпредметный характер, то есть отражающая общие для овладения разными дисциплинами способы деятельности.

Для анализа вопроса о традиционных и инновационных технологиях необходимо обратиться к исследованиям в области педагогической инноватики. А. В. Хуторской предлагает следующее понимание основных понятий данного направления педагогической науки.

Педагогическая инноватика – наука, изучающая природу, закономерности возникновения и развития педагогических инноваций в отношении субъектов образования, а также обеспечивающая связь педагогических традиций с проектированием будущего образования.

Педагогическое новшество – некая новая идея, метод, средство, технология или система.

Нововведение – внедрение («вживление») нового в существующий процесс, продукт освоения и внедрения новшества.

Инновация представляет собой комплекс взаимосвязанных процессов и является результатом концептуализации новой идеи, направленной на решение проблемы и далее – к практическому применению нового явления [7].

Интересно и полезно для решения вопроса об инновационности тех или иных педагогических технологий замечание А. В. Хуторского о том, что новизна измеряется не по отношению к обществу, а по отношению к исследуемой организации. Поэтому наряду с ориентацией на объективные характеристики технологий важно учитывать и представленность их в педагогической деятельности преподавателей конкретного образовательного учреждения.

ФГОС в качестве обязательных требований к технологическому оснащению учебного процесса заявляют использование активных и интерактивных педагогических технологий. Термин «активные методы и формы обучения» давно используется в педагогической литературе, несколько позже появился термин «интерактивное обучение», однако их сущность остается недостаточно определенной.

Современные педагогические технологии должны быть сориентированы на организацию активного открытого взаимодействия преподавателя и студентов, что означает направленность на: развитие познавательной и профессиональной мотивации студентов; становление методологической культуры студентов (развитие системного, междисциплинарного мышления, овладение принципами и методами научного исследования); формирование у обучающихся целостного представления о профессиональной деятельности в ее крупных фрагментах; овладение студентами способами коллективной мыслительной и практической работы, формирование у них социальных умений и навыков взаимодействия и общения, индивидуального и совместного принятия решений, воспитание ответственного отношения к делу, к социальным ценностям и установкам профессионального коллектива, общества в целом; развитие способности вести диалог, отстаивать свою позицию; вырабатывание «живого» знания (то есть знания, имеющего личностный смысл для субъекта); развитие рефлексивных умений преподавателей и студентов.

Технологии активного обучения – педагогические технологии, обеспечивающие активизацию учебной деятельности студентов при изменении позиции преподавателя (консультант, организатор, интерпретатор). Это такая организация учебного процесса, при которой создаются условия невозможности неучастия в познавательном процессе: каждый участник либо имеет определенное ролевое задание, в котором он должен будет публично отчитаться, либо от доли его участия зависит качество выполнения поставленной перед группой проблемной познавательной задачи.

Условиями организации активного обучения считаются проблемность, сотрудничество и кооперация, коллективное взаимодействие, управление формированием и развитием индивидуальных-психологических особенностей обучающихся, вовлечение обучаемого в постоянную активную деятельность, изменение позиции преподавателя.

Понятие «интерактивные технологии» не является достаточно установившимся в педагогической науке, подтверждением чему служит его отсутствие даже в ряде современных педагогических словарей (печатных и электронных). Приведем одно из определений интерактивного обучения.

«Интерактивное (от англ. interactive – взаимодействие) обучение, построенное на взаимодействии учащегося с учебным окружением, учебной средой, которая служит областью осваиваемого опыта.

Учащийся становится полноправным участником учебного процесса, его опыт служит основным источником учебного познания. Педагог (ведущий) не дает готовых знаний, но побуждает участников к самостоятельному поиску. По сравнению с традиционным обучением в интерактивном обучении меняется взаимодействие педагога и учащегося: активность педагога уступает место активности учащихся, а задачей педагога становится создание условий для их инициативы. Педагог отказывается от роли своеобразного фильтра, пропускающего через себя учебную информацию, и выполняет функцию помощника в работе, одного из источников информации» [4; 107].

Поскольку речь идет о взаимодействии, логично обращение к проблеме общения. Важнейшими характеристиками межличностного взаимодействия как интерактивной стороны общения являются предметность, эксплицированность, рефлексивная неоднозначность и ситуативность. Предметность взаимодействия в данном случае предполагает наличие какого-либо объекта или задачи, по поводу которых и реализуется межличностный контакт.

Сказанное выше позволяет дать следующее определение.

Интерактивные технологии – разновидность технологий активного обучения, предполагающих организацию активного взаимодействия участников педагогического процесса, направленного на создание образовательного продукта (материального, идеального). Это может быть взаимодействие студента и преподавателя (например, в дистанционном обучении), студентов между собой (коммуникация с участием каждого в групповой работе), студентов с другими людьми (при выполнении проекта).

При отборе продуктивных педагогических технологий, позволяющих реализовывать образовательные программы высшего образования на высоком уровне, были проанализированы основные изменения, происходящие в высшем образовании, которые далее были соотнесены с возможностями тех или иных педагогических технологий.

Развитие высшего образования сегодня определяется следующими тенденциями, диктующими выбор технологий.

Во-первых, это компетентностный подход. При старой парадигме обучения основной упор делается на получение знаний, умений и навыков обучающегося, при новой парадигме – на его поведение и изменение позиции в реальном мире. Цель профессиональной подготовки задается как становление профессиональной компетентности – интегративного качества личности. Такая целевая установка определяет ориентацию на контекстное обучение, связанное с приобщением студентов к способам решения профессиональных задач в процессе обучения (технология анализа конкретных ситуаций, технология кейс-метода, технология проблемного обучения, технология эвристического обучения, технология организации имитационных игр).

Во-вторых, переход к кредитной системе повышает значимость субъектности и самостоятельности студентов в образовании, соответственно, речь идет о технологиях, позволяющих организовывать самостоятельную деятельность студентов по освоению содержания высшего образования, – технология организации самостоятельной работы студентов, технология модульного обучения, технология балльно-рейтинговой оценки результатов образования, технология портфолио.

В-третьих, возрастающая роль информации в современном мире требует развития способов работы с различными источниками информации. В современном образовании информация должна рассматриваться как средство организации деятельности, а не цель обучения. Сказанное обусловило выбор технологий развития критического мышления, позиционного обучения Н. Е. Веракса, развития латерального мышления «Шесть шляп мышления» Э. де Боно, работы с опорным конспектом В. Ф. Шаталова, создания ментальных карт Т. Бьюзена.

В-четвертых, важность достижения эффективного уровня деловой коммуникации. Для развития коммуникативной компетентности студентов целесообразно применять технологии организации групповой работы, коллективного способа обучения, дискуссии, общественной экспертизы, дебатов.

В-пятых, повышение наукоемкости образования. Для решения этой задачи следует активно использовать технологии, включающие студентов в различные виды продуктивной деятельности (проектная технология, технология проблемного обучения, технология организации научно-исследовательской работы).

Повышение квалификации преподавателей – важнейшая составляющая процесса внедрения педагогических инноваций. С 2009 года подготовка преподавателей ПетрГУ к работе с инновационными технологиями вышла на системный уровень: курс «Современные образовательные технологии в высшей школе» на факультете повышения квалификации стал проводиться силами преподавателей кафедры педагогики и психологии.

Программа курсов повышения квалификации включает теоретическую часть, практические занятия и обязательно самостоятельную работу преподавателей. В рамках обучения слушатели должны иметь возможность провести хотя бы частичную апробацию изучаемых технологий в учебном процессе. Осваивать педагогические технологии невозможно без их применения на практике. Поэтому курс «Современные образовательные технологии» проходит в 3 этапа общей продолжительностью примерно 3 месяца: 3 очных сессии и около месяца между ними для самостоятельной практической работы участников. Во время каждой сессии участники получают задания, связанные с освоенными технологиями, слушателям предлагается апробировать какую-либо из изученных технологий в учебном процессе и представить на заключительном этапе обучения свои результаты, которые обсуждаются преподавателями и слушателями курсов.

Программа курсов составлена с учетом тенденций развития высшего образования и возможностей образовательных технологий в их реализации и включает следующие вопросы.

1-я сессия. Государственная политика в области образования. Педагогический процесс. Педагогические технологии – теоретические основы. Лекционно-семинарская система: традиции и инновации. Технологические основы и анализ лекции, семинара. Педагогические технологии: дидактическая игра, «Шесть шляп мышления», ситуационный анализ (технология кейс-метода), портфолио, технология позиционного обучения, технология коллективного способа обучения.

2-я сессия. Контекстное обучение. Проблемное обучение. Технология организации самостоятель-

ной работы студентов. Способы работы с учебным содержанием. Технология использования опорного конспекта. Технология работы с ментальной картой. Технология развития критического мышления. Технология групповой работы. Технология проектного обучения.

3-я сессия. Модульное обучение. Диагностика результатов обучения: традиции и инновации. Балльно-рейтинговая технология. Общественная экспертиза. Комплексные дипломные проекты. Коммуникативные технологии. Дебаты. Защита портфолио.

В процессе прохождения курсовой подготовки педагогическое сопровождение осуществляется и через консультирование преподавателей по выполнению заданий для самостоятельной работы.

Одним из компонентов системы внедрения инновационных педагогических технологий в Петрозаводском государственном университете является проведение конкурсов. Вслед за конкурсами на лучшую разработку дистанционных курсов, презентаций к лекционным курсам был организован конкурс учебно-методических разработок (УМР) на основе инновационных педагогических технологий. В отличие от предыдущих конкурсов, в нем электронные ресурсы использовались в качестве одного из средств реализации той или иной технологии.

В рамках подготовки и проведения конкурса было обеспечено следующее: подготовлены материалы по теоретическим аспектам проблемы; разработано Положение о конкурсе; подготовлен проект заявки; разработаны требования к оформлению УМР; выполнены образцы заявок и УМР; проведены консультации; разработаны критерии оценки качества УМР на основе инновационных педагогических технологий; осуществлена экспертиза УМР; подведены итоги, выполнен анализ основных достижений и недостатков.

Педагогическое сопровождение заключалось прежде всего в обеспечении научно-методических основ проведения конкурса – вся документация разработана в едином ключе на основе представленных выше теоретических положений.

Так, в УМР должны быть отражены следующие положения:

- I. Общие данные: автор; учебная дисциплина, ее место в учебном плане факультета; используемая педагогическая технология;
- II. Теоретические основы технологии: концептуальная основа избранной технологии, основные этапы технологии, специфические технологические средства;
- III. Обоснование выбора технологии, ее значимости с позиций компетентностного подхода: требований к выпускнику высшей школы, требований к специалисту соответствующего профиля, особенностей студентов факультета, курса, специфики технологии;

IV. План-конспект занятия (или поэтапное описание работы для пролонгированных технологий): для отдельного занятия – цель и задачи занятия, оборудование, распределение времени, ход занятия, подведение его итогов; для пролонгированных технологий – цель и задачи работы, ход работы (календарный план), подведение итогов; технологическая карта для любой технологии.

V. Результаты использования технологии: критерии и показатели эффективности технологии, методы изучения эффективности (наблюдение, анкетирование, интервьюирование, экспертная оценка, общественная экспертиза, контрольные срезы знаний и т. д.), результаты использования технологии (позитивные и негативные);

VI. Приложения (по желанию): работы (ксерокопии работ) студентов, компьютерные презентации, фотографии, видеозаписи и т. п.

На основе общих требований разработаны и применены на практике следующие критерии оценки УМР на основе инновационных педагогических технологий:

1. Соответствие УМР технологическим требованиям (отборочный критерий – соответствует / частично соответствует / не соответствует);
2. Качество представления теоретических основ технологии (10 баллов): концептуальная основа (2 балла), технологические этапы (3 балла), технологические средства (2 балла), обоснование выбора технологии (3 балла);
3. Качество методических материалов (15 баллов): цели и задачи реализации технологии (3 балла), регламент реализации этапов технологии (3 балла), методическая проработка этапов технологии, включая описание средств (9 баллов);
4. Качество изучения результатов применения технологии (10 баллов): наличие критериев (4 балла), адекватность выбора методов изучения (2 балла), анализ результатов (4 балла);
5. Наличие и качество приложений (3 балла);
6. Стиль и ясность изложения (2 балла).

Общая сумма баллов – 40.

При оценке качества подготовленных и представленных на конкурс УМР на основе инновационных педагогических технологий было выявлено, что разработанное научно-методическое обеспечение оказалось «работающим», то есть реально позволило организованно провести конкурс и объективно оценить его результаты.

Анализ качества методических материалов позволил выделить наиболее сложные позиции. Ими оказались: выбор и формулировка критериев и методов оценки качества внедряемой технологии; описание результатов анализа внедрения инновации. Другим уязвимым местом методических разработок оказалось оформление концептуальных основ выбранной технологии, а также формулировка целей и задач реализации технологии.

В рамках конкурса были представлены следующие педагогические технологии, которые для ПетрГУ могут считаться инновационными: балльно-рейтинговая технология, технология проектного обучения, технология организации самостоятельной работы, технология контекстного обучения, технология позиционного обучения, ситуационный анализ (кейс-технология), технология тестирования, технология портфолио, технология ценностных ориентаций, технология виртуальной экскурсии, технология укрупненных дидактических единиц.

Активному включению в конкурс способствовали организованные в ПетрГУ курсы повышения квалификации «Современные педагогические технологии». Из 37 участников 11 прошли подготовку на курсах, из них 7 были отмечены экспертами конкурса (в числе победителей и призеров).

В рамках конкурса естественным образом активизировались две составляющие системной работы по внедрению инновационных педтехнологий: педагогическое консультирование и проведение открытых занятий.

Преподавателями кафедры педагогики и психологии в рамках конкурса были организованы

консультации для участников. Консультациями воспользовались 18 конкурсантов из 37, количество консультаций не ограничивалось. Косвенную консультативную помощь конкурсантам оказали образцы методических разработок, выполненные авторами данной статьи.

Участникам конкурса была предложена возможность пригласить экспертов на учебное занятие, на котором использовалась внедряемая технология. К сожалению, только 5 преподавателей пригласили экспертов на свои занятия. На наш взгляд, это полезная и перспективная форма поддержки, так как объективный педагогический анализ специалиста – это актуальная помощь преподавателю.

Открытые лекции ведущих преподавателей вуза – традиция университетского образования, к сожалению, несколько утраченная. Проведение открытых занятий, связанных с применением новых педагогических технологий, начатое в рамках конкурса преподавателями кафедры педагогики и психологии ПетрГУ, привело к возрождению этой безусловно полезной традиции.

Опыт работы университета по внедрению инновационных педагогических технологий показывает целесообразность систематической последовательной работы в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабакова Т. А., Горятнина В. В., Кремнева В. Н. Педагогические технологии в высшей школе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 174 с.
2. Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. 192 с.
3. Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Высш. шк., 1991. 207 с.
4. Педагогический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 528 с.
5. Практикум по технологиям обучения современного студента / А. Г. Грецов, О. Б. Даутова, О. Н. Крылова, И. И. Соколова, О. Н. Шилова / Под ред. И. И. Соколовой. СПб.: Институт профтехобразования РАО, 2007. 163 с.
6. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии. М.: Народное образование, 1998. 255 с.
7. Хуторской А. В. Педагогическая инноватика. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 256 с.

ИРИНА ЛЕОНИДОВНА КОЛЕСНИКОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики обучения иностранным языкам факультета иностранных языков, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)
i.kolesnikova@bk.ru

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ВИКУЛИНА

старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов, Петрозаводский государственный университет
orange332002@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА И СТРУКТУРА ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Данная статья посвящена анализу структуры иноязычной профессиональной коммуникативной деятельности юристов. Рассматриваются особенности профессиональной коммуникации юристов различных специализаций; влияние специфики данных специализаций на состав иноязычных речевых умений.

Ключевые слова: коммуникация, профессия, юрист, иностранный язык, обучение, навыки и умения

В современном высокоинформатизированном мире коммуникация специалиста играет особую роль. Способность участвовать в профессиональном общении становится не просто конкурентным преимуществом юриста, но неотъемлемой составляющей его профессиональной компетентности. Современные квалифицированные юристы в процессе профессиональной деятельности участвуют в коммуникации на родном и иностранных языках. В данной статье рассматривается структура иноязычной профессиональной коммуникации специалистов юридического профиля.

Анализ структуры профессиональной коммуникации юриста позволяет определить, каким образом юристы используют иностранный язык в повседневной профессиональной деятельности и сформированности каких иноязычных речевых умений в составе иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности это требует.

Профессиональная коммуникация – это общение информации, в том числе профессионального содержания, нацеленное на восприятие ее партнером, осуществляемое в процессе профессионального взаимодействия.

Важная особенность специальности «Юриспруденция» заключается в том, что она подразумевает подготовку специалистов разных сфер: адвокатская практика, прокурорский надзор, правовая работа в государственных и коммерческих организациях и др. Им соответствует большое количество профессий: следователь, прокурор, адвокат, юрисконсульт, инспектор таможи, корпоративный юрист и многие другие. Таким образом, профессиональная коммуникация юристов предполагает вовлеченность специалистов не одной, а нескольких профессий, объединенных общей специальностью «Юриспруденция». Благодаря общей специальности и несмотря на разли-

чия в видах профессиональной деятельности, представителей всех этих профессий называют «юристами» или «специалистами юридического профиля».

Широкий спектр профессий приводит к различиям в составе речевых умений, необходимых специалистам разных юридических профессий, и к разной степени востребованности иностранного языка. Так, следователи прибегают к общению на иностранном языке гораздо реже, чем корпоративные юристы международных компаний. Данные особенности необходимо учитывать при разработке систем обучения юристов коммуникации на иностранном языке.

В психологии коммуникация трактуется как деятельность [5], поэтому ей присущи все характеристики деятельности. Теория деятельности была разработана советскими психологами и опирается на труды Л. С. Выготского [2], С. Л. Рубинштейна [8], А. Н. Леонтьева [6]. Деятельность – это комплекс действий и операций, объединенных общим мотивом. Любая деятельность предполагает наличие мотива и цели [3].

Целью коммуникативной деятельности является передача информации, которая сообщается партнеру по общению для установления с ним взаимопонимания. Постановка цели коммуникации сопровождается появлением **мотива**, представляющего собой осознанную потребность и направляющее поведение юриста-коммуниканта на достижение поставленной цели. В структуре профессиональной коммуникативной деятельности юристов можно выделить следующие группы мотивов.

1. *Общие мотивы* присущи всем видам коммуникации юриста. Они основываются на общих потребностях человека в общении [7; 5], но проявляются в конкретной профессиональной

деятельности. Это, например, желание помогать другим людям (оказывая правовую помощь, в том числе иностранцам), стремление занимать определенную позицию в обществе (будучи преуспевающим адвокатом) и т. п.

2. *Частные мотивы* характерны для конкретных видов коммуникативной деятельности юристов. Например, стремление найти и арестовать грабителя (путем допроса очевидцев-иностранцев), защитить законные интересы граждан (оштрафовав водителя-иностранца за превышение скорости).

Постановка коммуникативной цели и появление мотива побуждают юристов к совершению **коммуникативных (речевых) действий**. В основе коммуникативного действия лежат **речевые умения**, поскольку речевое умение представляет собой «способность человека осуществлять то или иное речевое действие в условиях решения коммуникативных задач» [1; 295]. Для совершения коммуникативного действия оба коммуниканта должны владеть общим кодом – иностранным языком.

Анализ специальности «Юриспруденция» и профессий, которые она в себя включает, позволяет очертить перечень коммуникативных действий, совершаемых юристами в процессе профессиональной коммуникации, и иноязычных речевых умений, необходимых для их осуществления.

Специальность «Юриспруденция» подразделяется на 4 основных специализации: 1) государственно-правовая, 2) гражданско-правовая, 3) уголовно-правовая и 4) международно-правовая. От выбора специализации во многом зависит характер будущей деятельности юриста и особенности его профессиональной коммуникации.

1. *Государственно-правовая специализация* отвечает за подготовку юристов для различных структур государственной власти. Специалисты данного направления работают в органах ЗАГС, социального обеспечения, в таможенной службе, юридических отделах организаций и в других структурах. Такие юристы специализируются на административном, конституционном, земельном, муниципальном, таможенном праве и в других отраслях.

Государственно-правовая специализация в основном требует подготовленности к участию в профессиональной коммуникации на родном языке. Роль иностранного языка в профессиональном общении юристов данного направления невысока, так как специализация нацелена на подготовку профессионалов для работы в структурах государственной власти России. Тем не менее существуют виды деятельности, требующие от таких юристов владения иностранным языком. Например, инспектор таможенной службы при проведении проверки на пункте пересечения границы должен проверить документы на иностранном языке (личные документы, документы на транспортное средство, таможенную декларацию), разъяснить правила ввоза / вывоза товаров, выяснить цели и детали поездки и т. п. Чтобы осуществить эти виды профессиональной деятельности, юрист должен обладать иноязычными речевыми умениями, представленными в табл. 1. Данные речевые умения входят в профессиональную иноязычную коммуникативную компетентность юриста государственно-правовой специализации и должны быть сформированы в процессе обучения студента в вузе.

2. *Уголовно-правовая специализация* предполагает подготовку специалистов для работы в структурах с правоохранительными и правоисполнительными функциями – прокуратуре, органах внутренних дел, адвокатуре. Основными направлениями специализации являются прокурорский надзор, криминалистика, уголовное право, оперативно-разыскная деятельность. Данные специалисты не испытывают острой потребности в каждодневном профессиональном общении на иностранном языке, однако нуждаются в определенных речевых умениях. Так, сотрудникам правоохранительных органов важно, например, уметь вести диалог с иностранцем для первичного выяснения обстоятельств и пресечения нарушения порядка в общественном месте (например, в случае ДТП, кражи в транспорте), проверить документы (личные, на автомобиль) при проведении инспекций на дорогах. Данные профессиональные действия базируются на иноязычных речевых умениях, отраженных в табл. 2.

Таблица 1

Профессия	Речевые действия	Речевые умения
Инспектор таможен	Запросить документы, попросить предъявить багаж, разъяснить правила таможенного оформления	Говорение (монологическая речь): а) попросить предъявить документы, показать личные вещи, багаж, транспортное средство; б) дать инструкцию по заполнению документов, устранению нарушений. Чтение: а) просмотровым чтением прочитать документы, вычленив необходимую информацию; б) изучающим чтением прочитать необходимые части документов, интерпретировать нужную информацию.
	Побеседовать о целях поездки, сопровождающих лицах и пр.	Говорение (диалогическая речь): а) задать вопросы о месте назначения, цели поездки и пр. Аудирование: а) понять ответы собеседника, выделяя важную информацию и опуская второстепенную.

В большинстве случаев участие иностранца в правонарушениях требует привлечения переводчика, но далеко не всегда это возможно сделать быстро. При обращении иностранца за помощью к полицейскому на улице важно сначала просто понять, что произошло, а при расследовании преступления по горячим следам необходимо незамедлительно собрать информацию о внешности скрывшегося преступника. В таких случаях специалистам данного направления может помочь владение иностранным языком.

3. *Гражданско-правовая специализация* позволяет работать как в государственных учреждениях, так и в коммерческих структурах: адвокатских конторах, коммерческих организациях, юридических консультациях. Данные специалисты трудятся в различных отраслях права. Это гражданское, семейное, земельное, коммерческое, договорное, наследственное право и др. Специалисты данного направления чаще вступают в коммуникацию на родном языке, но нельзя забывать про случаи обращения иностранцев за правовой помощью, например, в юридические консультации, адвокатские конторы. В таких ситуациях юристы гражданско-правовой специализации нуждаются в иностранном языке.

Проанализируем профессиональные действия, совершаемые юрисконсультантами в случае обращения в юридическую консультацию иностранных граждан. Юрисконсульту важно интерпретировать законы России для иностранца на иностранном языке, оказать помощь в составлении документов (например, для регистрации юридического лица), дать консультацию иностранцу, проанализировав конкретную ситуацию, вести переписку на иностранном языке с целью консультирования клиента. Иноязычные речевые умения, которые необходимы юрисконсульту, чтобы дать устную консультацию клиенту-иностранцу, представлены в табл. 3.

Сфера деятельности юристов гражданско-правовой специализации очень широка. Именно к

ним в первую очередь обращаются люди, не владеющие русским языком, но нуждающиеся в помощи правоведа.

4. *Международно-правовая специализация* отвечает за подготовку специалистов для работы в международных и иностранных компаниях на территории России. Юристы данного направления работают в сферах международного права, права международных договоров, правового регулирования внешнеэкономических сделок. Для специалиста международно-правовой специализации обязательной является готовность осуществлять коммуникацию как на родном языке, так и на иностранных. Так, юристам филиалов международных корпораций на территории России необходимо совершать следующие иноязычные коммуникативные действия: совместно с юристами-иностранцами разрабатывать документацию, решать иные правовые вопросы компании, консультировать иностранных коллег и руководителей по вопросам российского законодательства, вести переписку с юристами-иностранцами. Речевые умения, которые нужны корпоративному юристу международной компании для консультирования руководства и коллег в письменной форме, представлены в табл. 4.

Юристы данной специализации не смогут выполнять свои трудовые функции в полной мере, если не будут осуществлять коммуникацию на иностранном языке, поэтому способность выполнять иноязычные речевые действия является для них крайне важной.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки «Юриспруденция», хотя и предполагает готовность выпускника осуществлять профессиональное общение на иностранном языке, упоминает только умения «читать и переводить иноязычные тексты профессиональной направленности» [9; 10–11]. Вместе с тем очевидно, что данных умений недостаточно. Чтобы продемонстрировать го-

Таблица 2

Профессия	Речевые действия	Речевые умения
Инспектор ГИБДД, сотрудник полиции	Понять суть правонарушения в общественном месте, задать дополнительные вопросы, потребовать выполнить действия по устранению нарушения	<u>Аудирование:</u> а) выслушать жалобу свидетеля / жертвы правонарушения, понять суть, опуская незначительные детали; б) понять детальное описание утраченных предметов, внешности подозреваемых и пр. <u>Говорение (диалогическая речь):</u> а) задать уточняющие вопросы свидетелю / жертве. <u>Говорение (монологическая речь):</u> а) потребовать у участников / свидетелей выполнения (отказа от выполнения) действий.
	Запросить документы, потребовать показать перевозимые товары	<u>Говорение (монологическая речь):</u> а) потребовать предъявить документы, выйти из машины, показать личные вещи и т. д.; б) дать инструкцию по устранению нарушений, уплате штрафа и т. д. <u>Чтение:</u> а) просмотревым чтением прочитать личные документы, документы на транспортное средство, вычленив необходимую информацию.

Таблица 3

Профессия	Речевые действия	Речевые умения
Юристы	На устной консультации в диалоге с клиентом-иностранцем выяснить все обстоятельства дела	<u>Говорение (диалогическая речь):</u> а) задавать уточняющие вопросы, побудить собеседника к речевому взаимодействию; б) предвосхищать ответ собеседника, подхватывать и дополнять мысль, собирая информацию; в) делать обобщения и выводы из слов собеседника. <u>Аудирование:</u> а) полностью понимать профессионально значимое высказывание, уметь связать его с уже имеющимися сведениями, профессиональным опытом; б) опускать незначительные детали, выделять и понимать главное в словах клиента.
	В монологической форме дать совет клиенту, в диалоге ответить на имеющиеся вопросы	<u>Говорение (монологическая речь):</u> а) пояснить значение правовой нормы, рассказать о возможных последствиях действия нормы; б) построить связное, логичное высказывание о дальнейшем поведении клиента, дать инструкцию; в) привести аргументы в защиту своей позиции, убедить собеседника; г) акцентировать внимание собеседника на наиболее важных аспектах своего высказывания; д) привести примеры аналогичных ситуаций. <u>Говорение (диалогическая речь):</u> а) кратко и развернуто отвечать на вопросы собеседника. <u>Аудирование:</u> а) понимать вопросы собеседника, опускать незначительные детали.
	В монологической форме дать отчет клиенту о проделанной работе	<u>Говорение (монологическая речь):</u> а) кратко и подробно излагать события, делать обобщения; б) прогнозировать возможные последствия.

Таблица 4

Профессия	Речевые действия	Речевые умения
Корпоративный юрист	Прочитать письмо коллеги / руководителя, который нуждается в правовой помощи	<u>Чтение:</u> а) ознакомительным чтением прочитать электронное письмо / служебную записку сотрудника / руководителя, понять основное содержание; б) устанавливать связь между событиями в тексте письма и собственными профессиональными знаниями.
	Дать совет в электронном письме (e-mail) или служебной записке (memo-randum)	<u>Письмо:</u> а) написать ответное электронное письмо / служебную записку, соблюдая правила стиля и жанра; б) реализовывать на письме необходимые речевые интенции: объяснить, дать совет, убедить, прогнозировать последствия и т. д.

товность осуществлять профессиональную иноязычную коммуникацию, юристы должны владеть множеством речевых умений, в том числе описанными выше, и эти умения должны формироваться в процессе обучения студентов юридических факультетов в вузе.

Благодаря сформированности иноязычных речевых умений профессиональная коммуникация на иностранном языке сделает профессиональную деятельность юристов более эффективной, так как откроет для них новые горизонты и пути к новым возможностям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Словарь методических терминов. СПб.: Златоуст, 1999. 472 с.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 5–361.
3. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М.: Высш. шк., 1980. 224 с.
4. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 512 с.
5. Леонтьев А. А. Общение как объект психологического исследования // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 106–123.
6. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: Мысль, 1965. 572 с.
7. Марисова Л. И. О мотивационно-потребностной основе общения. Берлин, 1978. 69 с.
8. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. 414 с.
9. ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900 – Юриспруденция. Квалификация – бакалавр. 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.edu.ru/>

АННА НИКОЛАЕВНА ГАВРИЛОВА

старший преподаватель кафедры иностранных языков технических факультетов, Петрозаводский государственный университет
sero@onego.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОРЕЧЕВОЙ АРГУМЕНТАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА (результаты экспериментального обучения)

В статье представлены результаты экспериментальной работы. Предлагается критерий уровня сформированности письменноречевой аргументативной компетенции. Описываются компоненты, составляющие данный критерий.

Ключевые слова: экспериментальное обучение, лингводидактика, письменноречевая аргументативная компетенция, английский язык, неязыковой вуз

Современная ситуация в языковом сообществе, появление новой научной парадигмы и переосмысление конечных целей обучения, а также постоянно повышающиеся требования к специалисту-профессионалу – все это заставляет лингводидактику ставить перед собой новые цели и расширять спектр задач обучения иностранным языкам. Благодаря активному процессу глобализации в сфере высшего образования, развитию международных контактов во всех сферах общественной деятельности, широкой распространенности электронных средств связи у современных студентов и выпускников российских неязыковых вузов появляются огромные возможности выполнения научных исследований по специальности с использованием материалов на английском языке, участия в конкурсах на получение международных грантов, прохождения стажировок за рубежом, получения работы в зарубежных компаниях. Соответственно, российские университеты призваны вооружать своих бакалавров, магистрантов и специалистов минимальным базовым набором коммуникативных умений и навыков и, в частности, одним из профилирующих умений – способностью аргументировать. Полноценное владение основами аргументации и критического мышления становится одной из ключевых характеристик высококлассного работника.

Но, к сожалению, по результатам исследований ученых, многие выпускники вузов не умеют логически грамотно оформить свою устную и письменную речь, слабо владеют умением аргументировать свою точку зрения, выдвигать и формулировать доказываемый тезис.

Мы считаем, что особую значимость обучение аргументативному процессу приобретает именно в области изучения иностранных языков. Становление письменноречевой аргументативной компетенции (ПРАК) в процессе обучения иностранному языку является основополагающим в русле коммуникативного подхода, при котором пред-

полагается самостоятельность обучаемых и их активность в качестве творческих субъектов учебной деятельности. С этой целью обучаемые оперируют специально разработанными учебными стратегиями, среди которых важное место занимают когнитивные стратегии дедуктивного и индуктивного умозаключения, сопоставительного анализа, оценки, подведения итогов и т. д. [1; 32]. Учебные когнитивные стратегии полностью коррелируют с основными когнитивными операциями аргументации.

Под письменноречевой аргументативной компетенцией нами понимается способность аргументирующего адресанта выдвигать и обосновывать тезис, пытаясь убедить реципиента в определенном видении явления, предмета или ситуации, с корректным использованием схем и приемов аргументации. Взаимодействие адресанта и реципиента подразумевает взаимодействие двух «картин мира». В процессе иноязычного аргументирования говорящий или пишущий реализует себя как языковую личность, демонстрируя свою экстралингвистическую, лингвистическую, дискурсивную и коммуникативную компетенцию.

Одним из основных условий процесса становления ПРАК является развитие умений критического мышления. Мы разделяем мнение американских логиков и философов А. Дж. Фрили, Дж. Дьюи, М. Аллена и др. о том, что успешная аргументация по самой своей природе требует критического мышления, которое является ее неотъемлемой характеристикой и одним из основополагающих компонентов [5], [6], [7]. По словам А. А. Леонтьева, «научить письму – это совсем не значит научить письменной речи...» [2; 387]. Сформированная письменноречевая компетенция подразумевает способность анализировать, синтезировать факты, критически оценивать и сравнивать полученную информацию, уметь делать выводы, корректно формулировать собственное мнение и адекватно доказывать его, то есть способность критически мыслить.

Разработанная нами методическая система формирования ПРАК студентов гуманитарных неязыковых факультетов в процессе обучения иностранному языку направлена на формирование умений продуцирования письменных аргументативных текстов различных функциональных типов в соответствии с международными нормами написания и оформления письменных академических и научных текстов. Предлагаемая модель построена на основе коммуникативно-деятельностного, интегративного и индуктивно-сознательного подходов с применением процессуально-рефлексивного и результативно-риторического подходов к обучению письменноречевой аргументации. Условием успешного становления ПРАК было выделение и применение в качестве единицы формирования ПРАК аргументативного микротекста. Курс экспериментального обучения включал два модульных блока по написанию англоязычного аргументативного тезисного и абзацного микротекстов. Согласно предложенной методике, процесс формирования ПРАК в рамках каждого учебного модуля организовывался по трем связанным между собой этапам: рецептивно-аналитическому, тренировочному и этапу собственно аргументирования. Методическое обеспечение формирования ПРАК реализовывалось посредством комплекса упражнений, подразделенных нами на рецептивно-аналитические и репродуктивные упражнения, тренировочные аргументативные и собственно аргументативные речевые упражнения.

Экспериментальная работа проводилась на неязыковых факультетах Петрозаводского университета в 2002–2010 годах со студентами, обучавшимися на 4-м курсе по специальности «Международные отношения» и на 3-м курсе по специальности «Социально-культурный сервис и туризм». Всего в эксперименте был задействован 51 человек. Эксперимент проводился согласно методу параллельных групп [6]. Студенты экспериментальных (ЭГ) (25 студентов) и контрольных групп (КГ) (26 студентов) были в равных условиях. Объем учебного материала, количество занятий, часов и их распределение в семестре были идентичными. Варьируемым условием в эксперименте выступала методика обучения письменной речи и применяемые учебные пособия. В КГ обучение велось традиционными приемами и методами обучения, в ЭГ – по разработанной нами методике. Также отличался подход к обучению: в ЭГ, в отличие от КГ, практиковалось обучение на основе сочетания процессуально-рефлексивного и результативно-риторического подходов с акцентом на процессуально-рефлексивном подходе. Экспериментальное обучение студентов факультета политических и социальных наук специальности «Международные отношения» велось в рамках узконаправленного учебного курса «Письменная практика».

Проведение эксперимента в группах специальности «Социально-культурный сервис и туризм» проходило на занятиях по общей практике английского языка. Все студенты ЭГ обучались по предложенной нами методике – на основе авторского учебно-методического пособия «Argumentative Writing» (рукопись). В КГ обучение велось по общей программе с использованием учебных пособий: R. R. Jordan «Academic Writing Course» для студентов факультета политических и социальных наук, L. Jones «Welcome! English for the Travel and Tourism Industry» для студентов кафедры социально-культурного сервиса и туризма.

Констатирующий этап экспериментального обучения был направлен на выявление первоначального уровня знания и владения студентами аргументативными умениями в проекции на письменную речь на английском языке и состоял из двух ступеней: разведывательной, или поисковой (анкетирование), и контрольной (тестирование и письменный срез). Письменный срез констатирующего этапа имел своей целью выявить уровень общей дискурсивной компетенции и, в частности, владение тактиками построения аргументативного микротекста. Студентам КГ и ЭГ было предложено написать англоязычный текст, выразив и обосновав в нем свое мнение по спорной теме. В качестве полемичного высказывания предлагалось утверждение: «The Internet has destroyed communication among friends and family». Студентам была поставлена задача написать абзацированный текст на английском языке объемом 200–300 печатных знаков. На написание работы отводилось аудиторное время – один академический час. Для дополнительного и более углубленного диагностирования и одновременно самодиагностирования после написания своего собственного текста студентов также попросили выполнить взаимопроверку, то есть проверку работы своего товарища по группе [Peer review], руководствуясь выданным преподавателем контрольным списком проверочных вопросов [Check list].

Контрольной зачетной письменной работой, выполненной на финальном этапе формирующего этапа, было написание аргументативной письменной работы в формате «Memorandum». Данный формат подразумевал написание учебной аргументативной заявки на исследование темы. Задание состояло в написании 3–4 аргументативных микротекстов изученных типов (200–250 слов), в которых студентам нужно было предложить тему для возможного будущего исследования и аргументировать свой выбор. Также в дополнение к основному письменному тексту задания они должны были составить и приложить корректно оформленный краткий список литературы из 3–4 источников, использованных для ссылок.

В качестве критерия оценки письменных текстов, созданных студентами, и, следовательно, для

определения уровня сформированности ПРАК на разных этапах эксперимента мы приняли аргументативно-коммуникативную грамотность (АКГ) текста. Под АКГ письменного произведения мы понимаем такой уровень грамотности, при котором корректно сформулированное письменное утверждение доказывается с помощью отвечающих требованиям аргументов, при этом некоторые лексико-грамматические отклонения текста от языковой нормы не являются грубыми. Степень АКГ письменного аргументативного микротекста складывается и оценивается по следующим компонентам: логико-композиционный; семантический; социокультурный; собственно аргументативный; лексико-грамматический.

Логико-композиционный компонент микротекста оценивался по следующим характеристикам:

1. Наличие четкой структуры CSC (claim-support-conclusion) в абзацной разновидности микротекста;
2. Наличие корректно сформулированного тезисного / топикального утверждения;
3. Точное соответствие тезисного / топикального утверждения той мысли, которую необходимо аргументировать;
4. Соответствие тезисного / топикального и заключительного предложений;
5. Релевантность всей изложенной информации заявленной теме (отсутствие смысловых трансгрессий);
6. Отсутствие противоречий между утверждением и аргументами, аргументов по отношению друг к другу;
7. Соблюдение принципа монотематичности микротекста.

Семантический компонент предполагал наличие в микротексте таких параметров, как:

1. Корректные логические маркеры (союзы, союзные слова и наречия, выражающие смысловые отношения между предложениями и внутри них), осуществляющие плавный переход от аргумента к аргументу, от тезисного / топикального предложения к аргументам и от аргументов к заключительному предложению, не повторяясь и занимая в предложении определенное место;
2. Другие средства обеспечения когезии микротекста (например, адекватное использование заменителей субъекта / предикатов без полных повторов).

Социокультурный компонент аргументативного микротекста оценивался прежде всего по соответствию линейной структуре англоязычного абзаца. Особое внимание обращалось на положение, форму и разновидность тезисного утверждения в тезисном микротексте, оформление ссылок и списка использованной литературы. Собственно аргументативный компонент микротекста подразумевал следующие характеристики:

1. Рациональный подбор аргументов, то есть их адекватность тезисному / топикальному утверждению;
2. Наличие в микротексте достаточного и оптимального количества аргументов;
3. Разнообразие аргументов, то есть наличие как минимум двух видов аргументов.

И наконец, лексико-грамматический компонент микродискурса включал в себя отсутствие грубых языковых и речевых ошибок, лексическое разнообразие и вариативность грамматических конструкций. Мы учитывали языковую правильность работ, но не оценивали ее отдельно, поскольку, как показал анализ работ, написанных студентами на этапе предэкспериментального и послеэкспериментального срезов, результаты по данному критерию у студентов ЭГ и КГ были примерно одинаковыми. Оценка результатов эксперимента на констатирующем и формирующем этапах с использованием предложенного критерия АКГ и обработки письменных работ обучаемых по вышеуказанным 5 компонентам позволила нам прийти к выводу о целесообразности предлагаемой методики обучения ПРАК.

Прежде всего можно говорить о существенном росте уровня сформированности ПРАК по логико-композиционному компоненту АКГ у студентов ЭГ. У студентов, целенаправленно обучавшихся корректно выстраивать структуру абзацного микротекста, наблюдалось значительное улучшение в продуцировании развивающе-раскрывающих микротекстов, а именно в схеме CSC (из 51 студента ЭГ 38 (74 %) овладели данной схемой на уровне, достаточном для осуществления успешной коммуникации).

Умение использовать разнообразные и корректные средства доказательства в аргументирующей части (то есть собственно аргументативный параметр) также существенно улучшилось в результате экспериментального обучения. 34 обучаемых (66,9 %) (по сравнению с 11 обучаемыми (22 %) до начала эксперимента) начали использовать в аргументирующей части микротекстов достоверные факты, статистику и различные цифровые данные. Также практически в два раза увеличился процент обучаемых, задействовавших аргументы, адекватно доказывающие тезисное / топикальное утверждение: 19 человек (37 %) до начала эксперимента – 35 студентов (69 %) на завершающей стадии; наблюдался значительный прогресс в подборе оптимального количества аргументов (2–3 аргумента на одно топикальное / тезисное утверждение) для доказательства топикального утверждения – от 7 (13 %) до 42 (82 %) студентов.

Многими исследователями отмечалось, что наиболее оптимальным и сбалансированным вариантом развития и доказательства главной мысли является комбинация нескольких спосо-

бов доказательства [3], [8] и др. По сравнению с констатирующим этапом количество обучаемых ЭГ, способных корректно и эффективно комбинировать рациональные аргументы различных видов (статистику, цифровые данные, достоверные факты, иллюстративные или риторические примеры, общеизвестные и общепринятые аксиомы, моральные общие и частные ценности общества, иллюстрации, истории, описания и т. п.), увеличилось с 11 (22 %) до 32 (63 %). Такие разновидности аргументов, как классификация, сравнение и противопоставление, использовались недостаточно часто (14 обучаемых (27 %)), что свидетельствует о том, какую сложность они представляют для студентов неязыковых специальностей, и о том, что в будущем необходимо включить больше упражнений на тренировку продуцирования именно этих видов аргументов. В наименьшей степени в аргументированном микродискурсе использовалась прецедентная информация (8 студентов (15,6 %)) – мнения авторитетных персоналий, цитаты и афоризмы известных людей в качестве общепризнанных доводов, что может быть объяснено слабостью эрудированностью и незнанием студентами некоторых аспектов профессиональной культуры изучаемого языка.

Нами наблюдалась ярко выраженная положительная динамика в семантическом компоненте АКГ письменного аргументативного микротекста. Обучаемыми были успешно усвоены и отрабатаны в упражнениях текстовые логические маркеры, что проявилось в их корректном применении и правильном расположении внутри микротекста: если на констатирующем этапе лишь 5 студентов (11 %) ЭГ применяли логические маркеры, то контрольный этап показал, что 44 обучаемых (87 %) адекватно оперируют логическими средствами связи.

Сформированность социокультурного компонента АКГ до начала эксперимента определялась нами на основании анализа результатов тестирования и письменных работ диагностирующего среза, по окончании формирующего этапа – посредством тестирования и анализа финальной зачетной работы. Успешность экспериментально-

го обучения по данному параметру проявилась в том, что в письменных работах обучаемых стало гораздо меньше нарушений социокультурных норм английского языка как на уровне формы, так и на уровне содержания. В аргументативных микротекстах практически отсутствовали случаи непреднамеренного плагиата – почти все студенты (49 (96 %)) научились корректно оформлять в тексте работы ссылки на источники, а также список использованной литературы согласно требованиям MLA. Также в результате отработки социокультурного компонента значительно уменьшилось, например, злоупотребление местоимением «he» и существительным «man» в значении «человек».

В рамках предложенного экспериментального обучения студенты ЭГ успешно овладели линейной структурой построения абзачного и тезисного микротекстов (39 обучаемых (78 %)), а также дедуктивным способом развития тезисного утверждения аргументативного макротекста (46 студентов (92 %)). Следует дополнительно отметить, что, хотя мы изначально не ставили себе цели направленно работать над лексико-грамматическим компонентом, в работах студентов стало отмечаться меньшее количество лексических и грамматических ошибок благодаря активизации письменной практики и более осознанного неинтуитивного подхода к письменной речи. Учитывая объемность эксперимента, статистика проводилась только по 5 вышеуказанным компонентам АКГ письменного аргументативного микротекста.

Подводя итог, отметим, что средний рост письменноречевых аргументативных умений по всем показателям в экспериментальной группе составил в среднем 59 %, в то время как в контрольной – 15,8 %. Таким образом, результаты постэкспериментального среза свидетельствуют о том, что предлагаемая методика формирования ПРАК позволила студентам экспериментальной группы достичь удовлетворительного уровня сформированности ПРАК, что говорит об эффективности и рациональности разработанной методики формирования письменноречевой аргументативной компетентности студентов неязыковых вузов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесникова И. Л., Долгина О. А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. СПб.: Русско-Балтийский информ. центр «Блиц»; Cambridge University Press, 2001. 224 с.
2. Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 448 с.
3. Мусульбес С. Н. Обучение аргументирующему дискурсу (языковой вуз, продвинутый этап, английский язык): Дис. ... канд. пед. наук. М., 2005.
4. Штульман Э. А. Методический эксперимент в системе методов исследования. Воронеж, 1976. 174 с.
5. Allen M., Berkowitz S., Hunt S., Loudon A. A meta-analysis of the impact of forensics and communication education on critical thinking // *Communication Education*. Vol. 48. 1999. № 1. P. 18–30.
6. Dewey J. *How We Think*. Boston; N. Y.; Chicago, 1910.
7. Freeley A. J. *Argumentation and Debate: Critical Thinking for Reasoned Decision Making*. Wadsworth Publishing, 1999.
8. Lindemann E. *A Rhetoric for Writing Teachers*. Oxford University Press, 1995.

СВЕТЛАНА ИГОРЕВНА ПОПОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической культуры института педагогики и психологии, Череповецкий государственный университет
pves85@mail.ru

ОСВОЕНИЕ УЧИТЕЛЕМ ПРОЦЕССА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

В статье рассматривается проблема освоения учителем процесса педагогического регулирования через систему повышения квалификации. Представлены стратегии, тактики и виды педагогического регулирования, описаны закономерности и динамика развития мышления учителя с позиций требований современного образования.

Ключевые слова: педагогическое регулирование, мышление педагога, повышение квалификации учителя, эмоциональное состояние школьника

В современный период развития общества приходится констатировать небывалый динамизм всей социальной жизни. В связи с этим вносятся коррективы в содержание образования – приоритетными считаются помощь личности в осмыслении проблем жизни, обретении ею личной значимости в созидании своей жизни, определение индивидуальных ценностей в окружающей действительности. Сегодня меняется парадигма взаимоотношений педагога с учащимися: вместо «ученик – учитель» рождается «человек – человек». В действительном педагогическом процессе взаимодействуют не учитель и ученик, воспитатель и воспитанник (это все социальные роли, функции), а живые люди. И в этом контексте учебный предмет – не цель, но повод и условие взаимодействия непосредственных участников воспитательного процесса.

Вместе с тем педагог, выстраивая взаимодействие с учеником, все еще ориентирован на систему внешних воздействий, рассчитанных на коррекцию поведения, сознания личности. В процессе преподавания преобладает прямая и жесткая апелляция к разуму и воле ученика и уверенность в праве учителя на категоричное требование и обязанность школьника исполнять требование. В результате возрастает эмоциональный дискомфорт, повышается уровень тревожности всех участников образовательного процесса.

Поэтому необходимо обращение к глубинным основам процесса воспитания, провозгласившим Человека как наивысшую ценность, способного осуществлять свободный осознанный выбор, быть субъектом собственной жизнедеятельности. Все это способствует направлению внимания к внутреннему миру ученика, учету и регулированию проживаемого им эмоционального состояния в контексте данной ситуации. Благодаря педагогическому регулированию эмоционального состояния школьника в процессе организуемой деятельности возможности ученика к саморегуляции постепенно возрастают и расширяются.

Цель данной статьи – представить стратегии, тактики и виды освоения учителем процесса педагогического регулирования; описать закономерности и динамику развития мышления педагога с позиций требований современного образования.

Под педагогическим регулированием понимается целенаправленное воздействие педагога на эмоциональное состояние школьника с целью поддержания или изменения характера его протекания для включения субъекта в деятельность как систему ценностных отношений во имя личностного развития. Это динамическая, гибко выстраиваемая деятельность педагога, направленная на формирование системы ценностных отношений в группе учащихся, наполненных индивидуальными смыслами.

В ходе проведенного исследования выявлены затруднения педагога, связанные с освоением учителем процесса педагогического регулирования. Следует признать, что осознание смены позиции «человек – человек» дается педагогу сложно. Одна из причин видится в четком разграничении функционально-ролевых отношений «учитель – ученик», часто исключается система взаимоотношений с позиции «человек – человек». Исследование показало, что и сам педагог чувствует себя увереннее именно в стенах школы, где он выполняет роль только «учителя», и часто теряется, не знает, как отреагировать в сложных критических ситуациях за порогом образовательного учреждения. Это позволило сделать вывод о том, что учителю легче разрешить возникшую проблему с позиции должности, а не с точки зрения личности.

Вместе с тем учащиеся уже воспринимают себя как личность и желают соответствующего отношения к себе. Приходится признать, что педагогу трудно выстраивать общение в заданном ключе. Директор школы, выступая по проблеме гуманизации образовательного процесса, сам занимает позицию «льва». Поэтому отдельные фра-

зы речи совершенно не соответствуют его невербальным действиям. Следует отметить, что, реализуя преимущественно дисциплинарную модель поведения, занимая позицию «сверху», страдает и сам педагог. Он испытывает не только эмоциональное, но и мышечное напряжение. Ориентироваться на состояние Другого лучше для здоровья самого человека. Осмысление деятельности, проработка эмоциональных отношений помогают фиксировать сознание на дискретном уровне.

Педагог часто только теоретически признает личностный и индивидуальный подходы, хотя на практике еще не готов выстраивать взаимоотношения со школьниками, коллегами, родителями с позиции «человек – человек». Нередко поведение самого педагога формируется под влиянием внешних воздействий педагогической ситуации и зависит от изменений в ней. Такой тип взаимодействия может рассматриваться как ситуативно-зависимый, адаптивный.

Основной метод учителя – это оценочная реакция на ситуацию. Поведение ученика оценивается в рамках: «хорошо – плохо», «правильно – неправильно», «можно – нельзя». Однако такой функциональный подход, оценочная реакция педагога на поступок школьника уже недостаточны. Учитель, ориентированный на понимание и учет состояния личности, акцентирует внимание при взаимодействии в первую очередь на своей внутренней системе отсчета (ценности, критерии оценок, проблемы и трудности). Задача педагога состоит в том, чтобы поддержать личность и помочь ей развить свои мысли.

Именно благодаря распознаванию и интерпретации актуального состояния школьника педагог своевременно получает информацию о значимости действующих на ученика внешних объектов. Эмоциональное состояние выполняет функцию связи между действительностью и потребностями школьника. Для нашего исследования представляют интерес выводы О. А. Конопкиной. Он подчеркивал, что в различных феноменах и характеристиках эмоционального отражения (актуальные эмоции, их содержание, знак, модальность, интенсивность, устойчивый эмоциональный фон, уровень развития моральных чувств, эмоциональная направленность и др.) заключено отношение субъекта ко всей окружающей действительности, отражаемой сквозь призму актуальных потребностей и личностных ценностей. Поэтому эмоции являются обязательным, значимым и многообразно проявляющимся фактором внутренней регуляции различных видов и форм произвольной активности человека [3].

Сегодня учитель обращается к педагогическому регулированию с тем, чтобы инициировать произвольную активность, саморегуляцию школьника. Как только ученик становится способен самостоятельно регулировать свое поведение в

зависимости от контекста ситуации, педагогическое воздействие «снимается», учитель предоставляет ученику возможность самому выстраивать систему ценностных ориентаций, накапливать собственный уникальный опыт. Педагог понимает, что, не акцентируя внимание на регулировании эмоционального состояния, он не сможет адекватно распределить и восстановить не только свои психофизиологические ресурсы, но и возможности учащихся и как следствие – эффективно выполнить деятельность, что может иметь для него и окружающих самые тяжелые последствия.

Придание социальному взаимодействию учащихся педагогического характера связано с внесением в это взаимодействие таких элементов, которыми оно не располагает и которые необходимы для овладения каждым его участником опытом социальных отношений, его интеллектуального и личностного развития [1]. Поскольку эта цель преобразует не только воспитательный процесс, но и педагогическую деятельность, которая обеспечивает его построение, возникает вопрос о стратегии поведения педагога в условиях регулирования им эмоционального состояния школьника. Г. А. Ковалев выделил три основные стратегии воздействия педагога на воспитуемого: стратегия императивного воздействия, стратегия манипулятивного воздействия и стратегия развивающего воздействия [2; 41–49].

Наиболее перспективной является третья, развивающая стратегия, так как педагогическое регулирование эмоционального состояния ученика – это система развивающего взаимодействия педагога с детьми с целью формирования у последних способности быть субъектом собственной жизнедеятельности, умений строить жизнь, достойную Человека. Любая стратегия достигает результата при адекватном выборе тактических шагов. Основными линиями поведения педагога в рамках развивающей стратегии, определяющими сущность педагогического регулирования эмоционального состояния школьника, являются: поддерживающая, направляющая и корректирующая тактики. Выделенные тактики профессиональной деятельности педагога реализуются в различных видах педагогического регулирования.

По характеру включения педагога в процесс совместной деятельности регулирование бывает:

- непосредственное (открытые указания, образцы действий, непосредственная коррекция состояния и отношения ребенка);
- опосредованное (посредством изменения контекста ситуации);
- комплексное (присутствуют и первый, и второй виды).

По направленности включения:

- фронтальное (работа со всей группой одновременно);

- групповое (работа в малой группе);
- индивидуальное (работа с конкретным учеником).

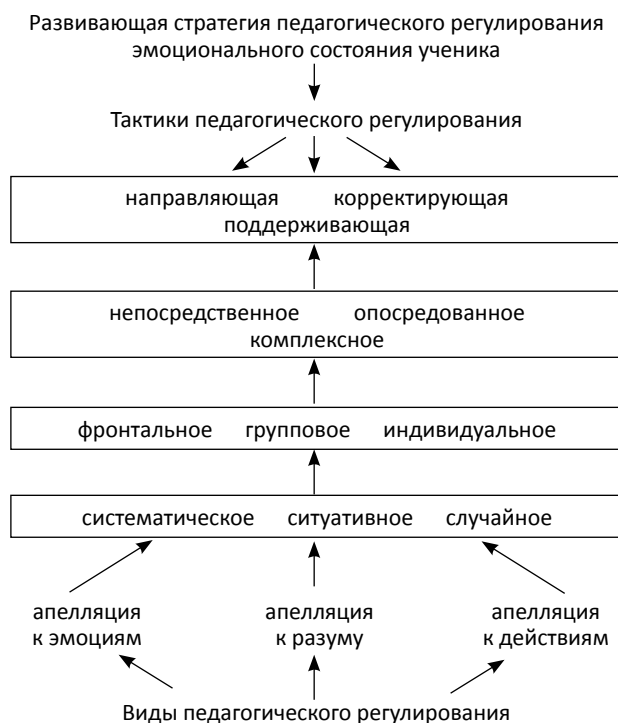
По устойчивости включения:

- систематическое;
- ситуативное (эпизодическое);
- случайное (непреднамеренное – по терминологии Я. Л. Коломинского).

По содержанию педагогических целей регулирование предполагает апелляцию:

- к эмоциям;
- к разуму;
- к действиям.

Схематично содержательная сторона развивающей стратегии педагогического регулирования может быть представлена следующим образом (см. рисунок).

Описанные выше тактики и виды педагогического регулирования не могут рассматриваться в отрыве друг от друга в любой педагогической ситуации, связанной с общением и совместной деятельностью учащихся. Однако одна тактика или один из видов могут быть преобладающими, и зависит это от многих причин: от возраста детей, опыта их социальных контактов, уровня взаимодействия школьников, контекста ситуации, вида деятельности и др.

Педагогическое регулирование эмоционального состояния школьника базируется на различных формах взаимодействия, которые развиваются в логике перестройки уровней саморегуляции, – от максимальной помощи учителя школьникам в решении учебных задач к последовательному нарастанию их собственной ак-

тивности вплоть до полностью саморегулируемых предметных действий и появления партнерства с учителем. Но если учение превращается в самоуправляемый процесс, то именно в этом переходе личности к саморегуляции заключены смысл динамики форм взаимодействия и их роль в развитии личности школьников.

Помочь педагогу осознать свою профессиональную позицию, освоить процесс педагогического регулирования призваны курсы повышения квалификации. Данный процесс осуществляется как через проведение курса «Педагогическое регулирование эмоционального состояния школьника» (24 часа), так и благодаря логичному встраиванию в психолого-педагогические дисциплины, преподаваемые на курсах повышения квалификации. Предложенный курс основывается на интеграции имеющихся у учителей философских, психологических и педагогических знаний об особенностях становления личности, динамике профессионального мышления и позиций педагога, отборе способов и приемов педагогического воздействия.

Приходится признать, что если вчера профессиональное мышление было функциональным, оценочным, то сегодня в изменившихся социальных условиях развития самостоятельности, ответственности и свободы личности оно уже утратило свою актуальность. Сегодня важно развитие гуманистического мышления, основанного на взаимодействии субъектов с позиции «человек – человек». Если раньше в процессе профессиональной подготовки и переподготовки учителя акцент делался на развитии познавательных процессов, то сегодня уже уделяется большое внимание развитию внутренних психических процессов, осознанию педагогом продуктивности профессиональной деятельности в современных социальных условиях.

Осознание значимости ориентации на эмоциональное состояние школьника приходит к педагогу постепенно через преодоление сложившихся стереотипов. Поэтому при подготовке и проведении занятий мы учитываем особенности самой профессии: педагог – это человек очень *ранимый* и в то же время *консервативный*, ведь он передает школьникам в основном уже «законсервированные» знания, накопленные поколениями.

При этом опора делается на уже имеющийся личный опыт учителя. Основная установка организуемой деятельности заключается в том, что прошлый опыт не должен мешать, а напротив, помочь педагогу жить в настоящем и выстраивать перспективы будущего. Суть освоения учителем процесса педагогического регулирования и состоит в том, что прошлый опыт, даже негативный, не отвергается, а становится «ступенью» для дальнейшего развития профессионала; не уменьшает, а увеличивает гибкость, адаптивность поведения, расширяет возможности вариантов поведения и осознанного выбора субъекта.

Развитие личного опыта педагога обусловлено временными характеристиками прошлого, настоящего и будущего и позволяет описать этот процесс через следующие этапы.

- Прошедшее постоянно присутствует в личном опыте педагога в качестве актуального, вызывая процессы его переосмысления.
- Этап настоящего (собственная точка зрения, убеждения, собственное мнение) ограничивает развитие личного опыта педагога, поскольку восприятие и осмысление направлено только на одну сторону педагогической реальности, не позволяя учителю рассмотреть ее всесторонне. Поэтому настоящий этап также, как и прошедший, ограничен рамками актуального опыта педагога.
- Третий этап развития личного опыта предполагает преодоление собственной точки зрения, придание процессу восприятия нового содержания, другой перспективы. Для этого педагогическая реальность должна не только восприниматься и осознаваться, но и воображаться. С помощью воображения учитель представляет, какой может быть педагогическая реальность, и по-иному начинает оценивать свою собственную перспективу в этой реальности. Перспективный этап требует от педагога отрицания собственной точки зрения, способности оценивать педагогическую реальность, конструировать или изменять ее образ. Выход за пределы актуального этапа собственного опыта предполагает пересмотр педагогом суждений о себе самом как о субъекте профессиональной деятельности. Это действие требует от педагога проявления активности, чтобы выявить и раскрыть новые элементы опыта, актуализирующиеся через кризис.

Новое предстает как изменение прошлого педагогического образа, превращающее форму в содержание, а содержание – в форму; таким образом, пересматривается собственная позиция, потому что принимается другой образ и новая точка зрения. Переход к перспективному этапу развития личного опыта требует от педагога способности видеть будущее, преодолевать ограничения в достигнутом личностно-профессиональном развитии. Развитие опыта педагога предполагает более глубокий уровень переживаний, связанных с профессиональной деятельностью, и изменение смысловой сферы его личности. В результате этих изменений происходит обогащение, приращение целостного личного опыта.

В процессе проведения курсов повышения квалификации по освоению процесса педагогического регулирования с целью развития профессионального гуманистического мышления были выявлены следующие закономерности.

- Для педагога очень важно проживание успешности своей деятельности, поэтому задача преподавателя – показать ему, что и с позиции

«человек – человек» можно научиться работать легко, без создания излишнего напряжения в аудитории. Известно, что частые неудачи при решении мыслительных задач приводят к тому, что при встрече с проблемой интеллектуальные способности оказываются не в состоянии проявиться. Учитель находится под гнетом неверия в собственные силы. Поэтому педагог, вначале отказываясь включиться в тренинг, объясняет свое поведение тем, что «пока личностно не готов» или «хотелось поучаствовать, но трудно».

- Опыт показывает, что учителю часто неприятна прямая публичная оценка его действий, поэтому важна установка на *безоценочное восприятие и ориентация на опосредованную оценку*. Боязнь показаться неуспешным в своих суждениях и действиях связана с тем, что педагог сам преимущественно работает в поле оценочной деятельности.
- Приходится признать, что у многих уже сформировалось представление о критике как о чем-то негативном и оскорбительном. В результате опасение критиковать поступки других, высказывать свои пожелания коллегам часто выступает в качестве препятствия для проявления творческого, профессионального мышления. Поэтому во время занятий специально уделялось внимание умению педагогов анализировать как свои действия, так и действия коллег и *адекватно воспринимать конструктивную критику как одну из точек зрения и пожеланий другого человека*. Иначе учитель блокирует возможность изменений собственной позиции и препятствует развитию своих мыслительных процессов.
- Развитию творческого, профессионального мышления педагога часто мешают завышенная оценка значимости своих собственных идей и приверженность «единственно верному» пути решения проблемы. Поэтому важным является развитие умения *слушать и слышать не только себя, но и другого*.

На курсах повышения квалификации с целью освоения процесса педагогического регулирования использовались ситуации из опыта практической деятельности педагогов. В связи с этим непосредственно на занятиях вносились коррективы в методику проведения, которые способствовали эффективной динамике профессионального мышления педагога. При этом основными опорными моментами освоения учителем процесса педагогического регулирования являлись:

- *Аксиологический подход*, который органически присущ гуманистическому воспитанию, поскольку человек рассматривается как высшая ценность общества и самоцель общественного развития. Система ценностных ориентаций представляет аксиологическое «Я», принимается личностью в качестве внутрен-

него ориентира, побуждающего и направляющего его деятельность. Гуманистическая ценностная ориентация преподавателя является пусковым механизмом, проявляется в позиции, отношениях, действиях и т. д., то есть придает активность всем остальным звеньям системы ценностей. Поле ценностных ориентаций уже само поддерживает человека и мобилизует его мышление.

- *Акцент на создании благоприятной безопасной атмосферы*, способствующей возникновению состояния творческой открытости педагога. В процессе занятия создаются условия для развития личности, осуществляется ее право на индивидуальный творческий вклад, на личностную инициативу, на свободу саморазвития. С этой целью был введен принцип «Браво ошибке!», он аргументируется тем, что именно благодаря допущенной неточности мы имеем возможность узнать о том, что человеку непонятно и акцентировать еще раз внимание на данном вопросе.
- Изучение предложенной проблемы на четырех уровнях: *методологии, теории, методики, технологии*. В связи с этим, с одной стороны, для практика важна возможность применения полученных знаний в школьной жизни и выход в процессе занятий на формирование умений; с другой стороны, какие бы удивительные методики и технологии мы ни предлагали, они не будут работать, если не подготовлено профессиональное мышление педагога, не сформировано его мировоззрение. Поэтому большое внимание в работе на курсах мы уделяем методологическим аспектам, которые способствуют организации профессионального мышления. Происходит осмысление важных теоретических вопросов, выделение определенных мыслительных схем анализа, развитие культуры мышления педагога.
- Рассмотрение проблемы, решение мыслительной задачи осуществляется на трех уровнях профессиональной подготовки: *житейско-обыденном, профессионально-репродуктивном, профессионально-творческом*. Мы начинаем развивать профессиональное мышление педагога с элементарных, на первый взгляд, примеров, постепенно усложняя их и помогая педагогу «подняться» до профессионально-творческого уровня.
- Формирование во время занятий *положительного умозрительного и первичного опыта*. Известно, что при встрече с новой задачей человек стремится прежде всего использовать тот способ или метод, который в предшествующем опыте был более успешным. Педагог видит, что это несложно, наоборот, полученные знания и умения требуют от него не только душевных и физических усилий, но и дают ему профессиональную и личностную свободу. Следовательно, они работают на сохранение и укрепление ин-

дивидуального здоровья, способствуют развитию ресурсов самого субъекта деятельности.

- Использование «*эффекта синергии*», когда энергия нескольких профессионалов складывается и дает лучший результат. Это проявляется и в таких ситуациях, когда сам слушатель обращается за помощью, советом к аудитории и внимательно следит за динамикой решаемого «здесь и сейчас» данного вопроса. В таких ситуациях необходимость активности самого преподавателя бывает минимальна, проблема решается самими слушателями.
- Постановка *конкретных, трудных и посильных целей и обязательный рефлексивный этап по окончании каждого занятия*. Известно, что чем больше усилий было затрачено на поиск нового способа решения проблемы, тем выше вероятность того, что этот способ будет применен при решении новой мыслительной задачи. На этапе рефлексии мышление педагога направляется на предыдущие этапы совместной работы, на качество их реализации, на впечатления, которые они вызвали, на собственное отношение к ним и деятельности в целом. Рефлексия проводится с выходом на следующие уровни: эмоциональный («Как Вы теперь себя чувствуете?»), когнитивный («Что Вы нового узнали сегодня?»), практически-действенный («Что Вы уже завтра попытаетесь включить в совместную работу с учащимися?»). Данный этап очень важен в процессе освоения учителем педагогического регулирования.

В связи с этим на курсах используются различные формы активной работы со слушателями (педагогическая студия, мастерская, тренинг, игровые и дискуссионные методы, домашние задания и т. д.), которые предполагают целенаправленное развитие профессионального мышления, умений прогнозирования и рефлексирования, активизацию мотивационных ресурсов педагогов. В основе освоения процесса педагогического регулирования лежит следующее положение: *педагогу важно помочь научиться работать с детьми, регулируя их динамичное эмоциональное состояние*. При этом мы учитываем, что учителю сложно перестроить собственное мышление и поведение, отказаться от сформированных стереотипов мышления. Поэтому большое внимание в процессе работы на курсах повышения квалификации уделяется самой личности профессионала, формированию у педагога личностно-мировоззренческих основ профессиональной деятельности.

Целенаправленное же использование, развитие и приращение значений возможно лишь в том случае, если оно направлено на разрешение противоречий. Иначе профессиональная деятельность выстраивается часто неосознанно, педагог воспринимает возникшую проблему свернуто и действует исходя из сложившегося стереотипа. В связи с этим большое значение имеет понимание и

осознание имеющегося противоречия. И тогда заместитель директора школы с удивлением констатирует: «Да, с точки зрения гуманистического взаимодействия это так, хотя я уже привыкла...»

Следует учитывать, что мышление – это субъективная сторона той целенаправленной деятельности, которая практически изменяет объективные условия, средства и объекты как личной, так и профессиональной жизни и тем самым формирует самого субъекта. Системообразующим фактором, «субстанцией» мышления выступает совместно разделенная деятельность. Большое значение имеет диалогическое мышление – внешний или внутренний диалог, раскрывающий различные, а поэтому и противоречащие друг другу стороны действительности. Большую помощь в динамике профессионального мышления от функционально-оценочного к гуманистическому играет осознание педагогом в процессе занятий на курсах, что получаемые знания и умения не только требуют от педагога приложения физических и духовных усилий, но и *дают ему личностную и профессиональную свободу*. При осознании этого момента легче разрешить возникшие во время совместной деятельности противоречия.

Именно благодаря использованию активных форм и методов обучения у педагога есть возможность понаблюдать, обобщить, систематизировать свои знания с помощью таких мыслительных операций, как анализ и синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение, конкретизация. Лишь в благоприятной безопасной атмосфере возможна динамика мыслительных процессов самого человека. И тогда педагог делает удивительный вывод по окончании занятий: «Я понял, что нужно не учить и воспитывать детей, а просто жить вместе с ними».

При этом нельзя рассчитывать на быстрый результат, происходит целенаправленное, постепенное изменение профессионального мышления при условии включения педагога в совместно разделенную деятельность по освоению процесса педагогического регулирования эмоционального состояния школьника. Педагогическое регулирование рассматривается как процесс регулирования на основе высших человеческих ценностей. Помощь ученику в развитии способности быть субъектом собственной жизнедеятельности, умений строить жизнь, достойную Человека, – это самая сложная задача педагога и вместе с тем самая важная и перспективная.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбородова Л. В. Педагогические основы социального взаимодействия в разновозрастных группах учащихся: Дис. ... д-ра пед. наук. Ярославль, 1994.
2. Ковалев Г. А. Три парадигмы в психологии – три стратегии психологического воздействия // Вопросы психологии. 1987. № 3. С. 41–49.
3. Конопкин О. А. Участие эмоций в осознанной регуляции целенаправленной активности человека // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 38–48.

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГРОХОТОВ

аспирант кафедры истории, искусствоведения и музейного дела Института изобразительных искусств и музейных технологий, Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий
agrokhotov@rambler.ru

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассмотрены возможности создания политических партий в современных условиях. Особое внимание уделено исследованию моделей объединения партийных организаций.

Ключевые слова: политическая партия, модели объединения партий, член партии, государственное финансирование, партийная организация

В современной России произошли значительные изменения в сфере партийного строительства, выразившиеся в создании новой правовой базы функционирования партий. Принятый в 2001 году Закон «О политических партиях» предъявляет жесткие требования к политическим партиям, которые теперь обязаны соответствовать модели массовой партии, выделенной французским классиком М. Дюверже в середине XX века [13]. Так, законом устанавливается фиксированное членство с минимальным порогом в 45 тыс. членов, необходимость наличия разветвленной сети региональных отделений, возможность сбора партийных взносов, необходимость регулярного участия в избирательных кампаниях [10]. В подобной детальной регламентации, как отмечает А. В. Кынев, российское государство демонстрирует нормативный подход к партстроительству, выдвигая на первое место нормы законодательства, когда партиями признаются только те объединения, которые отвечают формальным требованиям вне зависимости от их реальной дееспособности [18; 146]. В результате проведения данной политики в России по состоянию на начало 2011 года осталось лишь 7 партий.

Подобное положение вещей связано с действием норм упоминавшегося Закона «О политических партиях». Рассмотрим подробнее алгоритм создания партии согласно данному закону.

1. Создается оргкомитет численностью не менее 10 человек, уведомляющий уполномоченные органы Министерства юстиции о решении создать партию.
2. Оргкомитет осуществляет подготовку к проведению учредительного съезда, на котором принимается решение о создании партии, принимаются устав и программа, формируются руководящие, исполнительные и контрольно-ревизионные органы. Для обеспечения легальности съезда необходимо присутствие делегатов от более чем половины субъектов Федерации, от каждого субъекта по 3 человека. С этого момента партия регистрируется на федеральном уровне.

3. Этап непосредственного создания структуры: в течение 6 месяцев партия должна создать и зарегистрировать региональные отделения более чем в половине субъектов Федерации численностью не менее 450 членов. Общая численность организации должна достигнуть 45 тыс. членов. В противном случае федеральная регистрация партии будет отменена [10].

В то же время данные социологических опросов показывают, что идея членства в партии непопулярна среди населения. В частности, опрос, проведенный весной 2007 года среди населения разных регионов России фондом «Общественное мнение», показал, что 82 % респондентов в принципе исключают возможность стать членами партии, допускают же вступление в партию лишь 11 % опрошенных, при этом только 1 % населения уже состоит в партиях [26]. Как отмечает Г. Л. Кертман, легитимация многопартийности в России носит неполный, ограниченный характер в силу ощутимого несоответствия российских партий как «западному», так и «советскому» образцам, что также способствует консервации отстраненно-критического отношения граждан ко всем действующим партиям [15; 131].

В подобных условиях, как отмечает А. В. Кынев, для партий закрыта возможность формирования партии «снизу вверх», через постепенное аккумулирование местных инициатив. Речь скорее идет об их создании «сверху вниз», путем «найма» региональных структур, так как сроки создания региональных отделений партии очень ограничены [18; 147]. По мнению экспертов, имеет место «быстрое» создание региональных отделений: «...на определенных условиях некая местная структура дает согласие называться региональной организацией... им как минимум нужно оплачивать аренду помещения, работу руководителя, секретаря, каких-то технических работников» [22].

Основные проблемы новых партий часто возникают именно с достижением необходимой численности в регионах, в связи с чем набираются и «случайные» люди. Так, причина отказа в ре-

гистрации партии «Великая Россия», по словам ее лидера А. В. Савельева, заключалась в том, что некоторые граждане, написавшие заявление о приеме, не подтвердили свое членство [24]. Не была зарегистрирована и партия «Народ за демократию и справедливость» из-за обнаружения неточностей или неполной информации в предоставленных сведениях о 37 членах организации, а также включения в протоколы общих собраний региональных отделений умерших граждан [23]. В условиях необходимости быстрого набора членов некоторые партии прибегали к сомнительным способам. Так, представитель Росрегистрации Г. Фокина в эфире радиостанции «Маяк» в январе 2007 года отметила, что ряд партий занимались подкупом граждан: за то, что они писали заявление о вступлении в партию, им выплачивали от 30 до 100 руб., а за участие в конференциях – по 100 руб. [28].

Отметим, что в начальной редакции Закона «О политических партиях» была установлена минимальная численность 10 тыс. членов [11]. Против повышения порога численности выступал экс-глава Центральной избирательной комиссии А. Вешняков, подчеркивая, что данное требование завышено и способно неправомерно ограничить политические права граждан [20]. В подобных условиях создание новых организаций значительно осложнилось.

В то же время Законом была предусмотрена возможность создания партии из общественной организации либо движения [11]. Массовое создание партий на основе общественных организаций отмечалось в период с 2001 по 2003 год и связано с переходным двухлетним периодом, в течение которого все общественно-политические объединения должны были успеть преобразоваться в политические партии. Отметим, что после истечения данного срока ни одна новая партия не смогла получить юридическую регистрацию. Исключение, которое составила регистрация партии «Правое дело», будет рассмотрено ниже.

Отдельно стоит отметить и финансовый барьер между парламентскими и новыми организациями. Так, партии, набравшие более 3 % на выборах в Государственную думу, получают право на государственное финансирование. При принятии Закона «О политических партиях» в 2001 году финансирование устанавливалось в размере 0,005 минимального размера оплаты труда, умноженного на число полученных голосов [11]. Но внесенные в закон в июле 2005 года изменения предусматривали выплату в размере не менее 5 руб. за каждый полученный голос [9], что привело к резкому увеличению получаемых из бюджета средств. В начале 2009 года вступили в силу очередные поправки, увеличивающие бюджетное финансирование партий до 20 руб. за каждый полученный голос [7]. Данные средства также единовременно выплачиваются и при уча-

стии партий в президентских выборах, если претендент набрал более 3 % голосов избирателей. В результате данных изменений в 2009 году в партии «Единая Россия» государственные средства, согласно финансовому отчету, составили 26,8 % (894,3 млн руб.) от суммарного дохода партии [2], в КПРФ – 53,6 % (160,9 млн руб.) [3], в «Справедливой России» – 26,8 % (107,7 млн руб.) [5], в ЛДПР – 80,7 % (113,2 млн руб.) [4]. Партии, набравшие менее 3 % на выборах, обязаны оплатить «бесплатное» эфирное время, что автоматически ставит их на грань банкротства. Одним из наиболее распространенных путей решения финансовых проблем для таких организаций является ликвидация.

Всего же с момента принятия Закона «О политических партиях» ряд новых партий образовался только путем использования модели объединения: «Единая Россия», «Справедливая Россия», «Правое дело», «Патриоты России». Согласно данным социологических исследований, проведенных фондом «Общественное мнение» накануне их слияния, респонденты уверенно ответили, что знали об этом событии в случае с «Единой Россией» (33 %), «Справедливой Россией» (18 %), «Правым делом» (лишь 14 %). Впервые услышали об объединении данных партий 29, 58, 57 % респондентов соответственно [14]. Результаты данных социологических исследований подтверждают положение, что в России, как отмечают эксперты, «сначала создавались партии, а потом уже складывались интересы» [17; 168].

Рассмотрим основные модели создания партий в современной России.

1. Модель организационного объединения. Данная модель была реализована партией «Единая Россия». Так, на первом этапе слияния был создан союз общественных объединений «Единство» и «Отечество» с последующим присоединением к союзу движения «Вся Россия». На втором этапе общероссийская общественная организация «Союз ЕДИНСТВО и ОТЕЧЕСТВО» получила статус политической партии. Отметим, что в данном случае члены объединяющихся организаций стали и членами партии «Единая Россия». В то же время на момент объединения движение «Вся Россия», по сведениям партолога Ю. Г. Коргунюка, фактически прекратило свое существование, многие ее члены явочным порядком вошли в состав «Единства» [16].

2. Модель слияния на базе одной из организаций. Данного пути создания придерживалась партия «Справедливая Россия», образованная через слияние «Родины», «Российской партии пенсионеров» и «Российской партии жизни» в октябре 2006 года, но, в отличие от «Единой России», она была вынуждена в полной мере испытать на себе требования обновленного партийного и избирательного законодательства. Так, во-первых, согласно вступившим в силу в августе 2005 года

поправкам в избирательное законодательство [9], создание предвыборных блоков было запрещено. Таким образом, модель «плавного» объединения, фактически осуществленная в создании блока «Отечество – Вся Россия» или образовании «Союза правых сил», допустимая в условиях предвыборной кампании региональных и федеральных выборов 2007 года, была неосуществима. Во-вторых, в 2003 году закончился переходный период, установленный Федеральным законом «О политических партиях» [11], в течение которого все организации, претендующие на статус партии, должны были его оформить либо преобразоваться в общественные организации. Все три объединяющиеся стороны при образовании «Справедливой России», в отличие от «Единой России», уже обладали статусом политической партии. Учитывая, что коллективное членство недопустимо, объединение было возможно лишь согласно модели, впервые предложенной председателем партии «Яблоко» С. Митрохиным для либеральных организаций: на базе «Яблока» слиться с другими демократическими силами с последующей сменой названия партии и обновлением состава руководства [12]. В случае со «Справедливой Россией» базой объединения выступила партия «Родина». При слиянии было произведено переименование данной партии, обновление руководящего состава, смена идеологической составляющей. В итоге бывшие члены партии «Родина» автоматически стали и членами «Справедливой России», в отличие от членов «Российской партии жизни» и «Российской партии пенсионеров». Их партии были преобразованы в общественные движения. Таким образом, им было необходимо вновь писать заявления о приеме в объединенную партию. На протяжении 2007–2008 годов к «Справедливой России» присоединились еще 9 партий.

Партия «Единая Россия» также предусматривает подобный способ объединения. Так, уставом партии установлены наиболее жесткие правила при приеме новых членов: необходимо иметь шестимесячный стаж в институте сторонников, рекомендацию Совета сторонников партии, также требуется пройти собеседование в первичном партийном отделении и подать заявление о вступлении [6]. Для членов же партий, объединяющихся с «Единой Россией», положением о сторонниках предусмотрена возможность перезасчитывания партийного стажа в кандидатский стаж [1]. На подобных условиях в ряды единороссов имели возможность вступить члены «Аграрной партии России», которая в октябре 2008 года приняла решение о слиянии с «Единой Россией» [19].

В рамках данной модели были образованы и «Патриоты России». Так, «Партия Труда» высту-

пила основой для объединения: было изменено название, обновлен состав руководства. В ходе последующего развития в партию пришли члены «Национально-державной партии России», «Российской партии труда» и «Евразийской партии – Союза патриотов России». В ноябре 2008 года произошло слияние «Патрии мира и единства» с партией «Патриоты России». В результате Центральный Совет «патриотов» был расширен за счет руководства присоединяемой партии [25]. Стоит отметить, что присоединяемая партия недостаточно активно участвовала на выборах различных уровней и, согласно нормам Закона «О политических партиях», подлежала ликвидации [30].

3. Модель объединения на базе новой организации. К данной модели можно отнести создание партии «Правое дело». Так, партия позиционировала себя как объединение трех организаций: «Союз правых сил», «Демократическая партия России» и «Гражданская сила». В то же время все три партии прошли процедуру ликвидации. В итоге была создана новая партия на базе сторонников ликвидированных организаций в регионах. Объединенная структура впервые с 2003 года смогла получить новую регистрацию. Но здесь стоит учитывать и то обстоятельство, что при создании «Правого дела» присутствовала поддержка Кремля. Как отметил Л. Я. Гозман, партия создается «в сотрудничестве с администрацией президента» [29].

В этом свете интересна внесенная по инициативе Д. А. Медведева поправка в Закон «О политических партиях», уменьшающая минимально необходимую численность партии с 2010 года с 50 тыс. до 45 тыс. членов, а с 2012 года – с 45 тыс. до 40 тыс. членов [8]. Отметим, что у всех официально зарегистрированных партий, за исключением «Яблока» (55 тыс. членов), численность значительно выше порога в 50 тыс. членов. Возможно, данная инициатива направлена именно на облегчение создания новых структур.

В заключение отметим, что с принятием Закона «О политических партиях» были максимально ограничены возможности создания новых организаций. Существует лишь один путь создания – с помощью объединения. При этом правовые возможности реализации наиболее предпочтительной модели организационного слияния отсутствуют. Члены объединяющихся структур, как правило, должны самостоятельно написать заявление о приеме в новую партию. Регистрация же новой партии «Правое дело», законодательные инициативы в связи со снижением минимального порога численности партии могут свидетельствовать о некоторой либерализации государства по отношению к партстроительству.

ИСТОЧНИКИ

1. Положение о сторонниках Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» от 21.01.2009 // Официальный сайт Центрального совета сторонников партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.storonniki.info/wp-content/uploads/2010/08/Положение_о_сторонниках.doc
2. Сводный финансовый отчет Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» за 2009 г. // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_09/ed_ros.pdf
3. Сводный финансовый отчет Политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» за 2009 г. // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_09/kprf.pdf
4. Сводный финансовый отчет Политической партии «Либерально-демократическая партия России» за 2009 г. // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_09/ldpr.pdf
5. Сводный финансовый отчет Политической партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» за 2009 г. // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_09/sprav_ros.pdf
6. Устав Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» в ред. 21.11.2009 // Официальный сайт партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://er.ru/er/rubr.shtml?110102>
7. Федеральный закон Российской Федерации № 144-ФЗ от 22.07.2008 «О внесении изменений в статьи 30 и 33 Федерального закона «О политических партиях» // Российская газета. 2008. 25 июля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/07/25/partii-izmenenia-dok.html>
8. Федеральный закон Российской Федерации № 75-ФЗ от 28 апреля 2009 «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» в связи с поэтапным снижением минимальной численности членов политических партий» // Российская газета. 2009. 05 мая [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/05/partii-dok.html>
9. Федеральный закон Российской Федерации № 93-ФЗ от 21.07.2005 «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2005. 26 июля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2005/07/26/vybory-izmenenia-dok.html>
10. Федеральный закон Российской Федерации № 95-ФЗ «О политических партиях» в ред. от 05.04.2011 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=112753;fl d=134;dst=4294967295;from=68067-0>
11. Федеральный закон Российской Федерации № 95-ФЗ «О политических партиях» от 11.07.2001 // Российская газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rg.ru/official/doc/federal_zak/95_FZ.shtml

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

12. Бунтман С. Отмена результатов парламентских выборов 2003 года // Официальный сайт Российской объединенной демократической партии «ЯБЛОКО». 2005. 7 февраля [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.yabloko.ru/Publ/2005/2005_02/050208_ehom_mitrokh_vybory.html
13. Дюверже М. Политические партии: Пер. с франц. М.: Академический Проект: Парадигма, 2005. 544 с.
14. «Единство» и «Отечество»: объединение // Официальный сайт фонда «Общественное мнение». 2001. 26 апреля [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/polit/pol_par/er/dd011528#d011526
15. Керман Г. Л. Статус партии в российской политической культуре // Полис. 2007. № 1. С. 120–131.
16. Коргунок Ю. Г. Политические партии России в конце лета – осенью 2001 г. // Партиформ. 2001. 14 декабря [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://partinform.ru/articles/letos01.htm>
17. Кулинченко А. В. Политические партии и развитие демократии: опыт России и Германии // Полис. 2004. № 2. С. 156–169.
18. Кынев А. В. Политические партии в российских регионах: взгляд через призму региональной избирательной реформы // Полис. 2006. № 6. С. 145–160.
19. Нагорных И. Аграриям дали партийную льготу // Коммерсантъ. 2008. 6 октября [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1036452&NodesID=2>
20. Норма о минимальной численности партий в 50 тыс. членов может быть признана неконституционной, заявил в Рязани Александр Вешняков // Рязанское информационное агентство 7 новостей. 2005. 25 февраля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.7info.ru/index.php?ns=601&dtv=1109278810&kn=1109314500>
21. Объединение «Родины», Партии жизни и Партии пенсионеров // Официальный сайт фонда «Общественное мнение». 2006. 14 сентября [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/polit/pol_par/s_p/dd063630
22. Огандажан Ш., Максимов В. Партия – на продажу // Новые известия. 2004. 4 апреля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newizv.ru/news/2004-04-27/6190/>
23. Партии Касьянова отказано в регистрации // Информационно-аналитическая газета «Деньги». 2008. 27 марта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dengi-info.com/news/?nid=85620>
24. Партию «Великая Россия» не зарегистрировали // Политическая экспертная сеть «Кремль.org». 2007. 25 июля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kreml.org/news/155851678?mode=print>
25. «Патриоты России» и «Партия мира и единства» объединились // Деловая газета «Взгляд». 2008. 23 ноября [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vz.ru/news/2008/11/23/231735.html>
26. Политические партии в жизни России // Официальный сайт фонда «Общественное мнение». 2007. 5 апреля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/cat/polit/polypar/d071424>
27. «Правое дело» – новая российская партия // Официальный сайт фонда «Общественное мнение». 2008. 27 ноября [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/polit/pol_par/d084712
28. Пятнадцать партий подлежат ликвидации // Маяк. 2007. 17 января [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.radiomayak.ru/tvp.html?id=44076>
29. Тирмастэ М. Бизнесмены занялись «Правым делом» // Коммерсантъ. 2008. 17 ноября [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/1068728>
30. Чернега Ю., Беспалова Н. Партия возрождения России готова умереть // Коммерсантъ. 2008. 5 мая [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=889039>

ОЛЕГ ВАЛЕНТИНОВИЧ ЕРШОВ

соискатель кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
ershov294@mail.ru

РОССИЯ И ЛАТВИЯ: ОТ КОНФЛИКТА К СОТРУДНИЧЕСТВУ?

В статье раскрываются некоторые аспекты вступления Латвийской Республики в Евросоюз и НАТО, состояние российско-латвийских отношений на современном этапе и возможные пути перехода к конструктивному диалогу между странами. Показывается кризис латвийской социально-политической и экономической системы, акцентируется внимание на проблемах Латвии.

Ключевые слова: Латвия, внешняя политика, мировой финансовый кризис, российско-латвийские отношения

С момента обретения независимости и по сегодняшний день главнейшей внешнеполитической задачей прибалтийских стран является укрепление государственной независимости и обеспечение удержания позиций современного суверенного европейского государства. Это подтверждается теми программными установками, которые в качестве основополагающих кочуют из платформы в платформу той или иной политической партии, стремящейся к власти или уже ее захватившей. Не является исключением и Латвийская Республика. К сожалению, несмотря на громкие лозунги и браваду большей части политической элиты, действительных зримых результатов формирования типичного самодостаточного государства не достигнуто. Современная Латвия не свободна не только политически, но и экономически полностью зависима. Все сферы жизнедеятельности государства находятся в жестких рамках, самостоятельность Латвии ограничивается директивными указаниями «брюссельской бюрократии» и военно-авторитарного руководства НАТО. Правящие круги «новой независимой» балтийской республики практически полностью лишены возможности принимать в одностороннем порядке какие-либо управленческие решения в масштабах страны или на международной арене. Это лишь малая плата за членство в Евросоюзе [9], [14].

В научных и политологических кругах неоднократно поднимался вопрос о «необратимости» государственной независимости Латвийской Республики, но, по нашему мнению, в условиях тотальной глобализации европейского пространства он неактуален. Вместе с тем возникающая проблема ограничения внешне- и внутривнутриполитической самостоятельности Латвии напрямую увязывается с по-прежнему имеющими место, как утверждают западные русофобы, имперскими амбициями России. Верным видится убеждение, что главные угрозы национальной безопасности Латвии исходят извне, но не от России: за более чем два десятилетия Российское государство не сделало ни одного враждебного или угрожаю-

щего шага в сторону Латвийской Республики. И основной угрозой суверенитету государства выступает непрекращающийся экономический кризис, катастрофически обострившийся в период 2008–2010 годов, выразившийся в первую очередь в резком падении уровня жизни населения, увеличивающейся безработице, обострении всех социальных проблем [8], [17].

Сегодня можно с уверенностью констатировать, что, интегрируясь в европейские политические, экономические структуры, включая и структуры региональной (коллективной) безопасности, Латвия надеялась стать полноправным участником европейской «большой» политики и именно таким образом формировать чувство национальной гордости от участия в строительстве новой архитектуры на европейском континенте. Однако амбициозные планы латвийской политической элиты не реализованы и едва ли могут осуществиться [16]. Единственно заметное участие Латвии в мировой политике состоит в предоставлении вооруженного контингента своих войск для участия в вооруженных конфликтах на территории Афганистана и Ирака. Этим правительство Латвии заслужило одобрение руководства НАТО. Однако общественное мнение настроено резко против такого послушного исполнения [10]. Кроме того, несмотря на систематические заискивания перед администрацией США, надежды на строительство демократической системы по западному типу потерпели поражение [2]. Основной причиной этого, как ни странно, является решение задачи юридического характера: права и свободы населения, проживающего на территории Латвии, которое было разделено на два больших лагеря – «граждане» и «неграждане». Лица, которые в силу закона не смогли получить латвийское гражданство, подвергаются постоянной этнической и социальной дискриминации [3].

Очевиден и тот факт, что, интегрируясь в экономические и социальные программы Евросоюза, Латвия лишилась возможности полноценного участия в деятельности мировых и региональных европейских организаций – ООН, ЮНЕСКО,

Совет государств Балтийского моря и др. Отсюда непрекращающееся ощущение усиления кризиса, которое негативным образом сказывается и на общественном настроении, и на способности правительства находить новые нетривиальные пути преодоления этих явлений. Но на данном этапе исторического развития Латвии невозможно разработать эффективные программы управления страной [7], [10]. Неслучайно латвийские аналитики говорят о системном кризисе латвийского общества, а латвийскую политическую модель характеризуют как «бюрократический провинциализм» (см. [7; 5–12]).

Граждане Латвии сегодня полностью отдают себе отчет в том, что кризис общества имеет прежде всего внутренние причины, основы его были заложены в 1991 году [5]. С распадом СССР была выбрана новая модель власти и управления, эволюционировавшая в систему «провинциального бюрократизма», начисто лишенная способности к самостоятельным действиям. На данном этапе латвийский «бюрократический провинциализм» ставит перед собой одну задачу – сохранить власть всеми возможными способами. Вместе с тем он все больше демонстрирует некомпетентность в формировании и реализации реальных задач по обеспечению национальных интересов в современной кризисной ситуации. Важнейшим показателем действительного отношения к Латвии со стороны стран – членов Евросоюза было то, что государства, в том числе и Латвийская Республика, принятые в ЕС в 1994 году, фактически были брошены в условиях все нараставших проблем. В частности, это привело к формированию в Латвии самостоятельного «самодельного» механизма расистской экономической системы, созданию модели внутренних и внешних политических устремлений, призванных любой ценой реализовать псевдонациональный суверенитет. «Бюрократический провинциализм» привил устойчивую зависимость латвийской управленческой системы от внешних финансовых вливаний. За истекшие 20 лет участия в разработанных и реализуемых при материальной поддержке ЕС программах власть привыкла к дивидендам от приватизации, нецелевому расходованию бюджетных средств; символом модели демократии с латвийской спецификой стало повальное взяточничество, лоббизм теневых интересов. В обществе прочно закрепились правовой цинизм и политическая апатия, чем пользовалась административно-управленческая элита. Сегодня возникают и приобретают перманентный характер социально-этнические конфликты. Дальнейшая подчиненность национальных интересов Латвии интересам Евросоюза и НАТО может создать состояние долговременного хаоса. Это прямая угроза столь желаемому суверенитету Латвии, поскольку создаются предпосылки для реализации «брюссельской бюрократией» модели внешнего управ-

ления Латвией. На фоне происходящих, в большей степени негативных, процессов граждане Латвии все отчетливее понимают, что кризис общества может быть преодолен только с наращиванием конструктивных двусторонних отношений со странами-соседями, на первый план среди которых выходит Россия. Это осознают не только в Прибалтике, но и в ведущих странах ЕС. Аналитики говорят о том, что величайшей ошибкой Латвии и Эстонии был отказ (или неспособность) интегрировать русскоязычное население в своей общественной среде, результатом чего стало возникновение двух так называемых параллельных общественных структур в рамках одной системы, находящихся в состоянии постоянного противоборства и враждебности. С этой точки зрения преодоление сложившегося негативного положения в значительной степени зависит от отношения к этой проблеме в Москве. Двусторонние отношения с Россией приобретают особую значимость. Преодоление существующих противоречий – непростое дело, требующее достаточно длительного времени. Дело в том, что государства Прибалтики и Польша в составе ЕС выступают в качестве яростных противников развития европейско-российского сотрудничества на условиях взаимовыгоды и равноправия. Подтверждением этому являются провокационные акции с явным намерением сорвать обсуждение назревших проблем во взаимоотношениях. Организовать это не составляет большого труда, поскольку пока еще действует принцип консенсусного принятия решений в ЕС и выдвижения к РФ как правопреемнице СССР претензий, связанных с оккупацией прибалтийских стран. Наряду с решением чисто политических задач компрометации России в глазах мировой общественности преследуется и конкретная прагматическая цель – добиться наиболее выгодных условий поставки российских энергоресурсов. Кроме того, с 2004 года после принятия в ЕС 10 новых государств отношения Евросоюза с Россией существенно усложнились, а целый ряд проектов взаимовыгодного сотрудничества затормозился. Россия, выступая в качестве самостоятельного субъекта международных отношений, после распада СССР исходила из того, что необходима новая основа взаимодействия с трансформировавшимся Европейским союзом. В результате возникло соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), подписанное на о. Корфу 1 июля 1994 года. Его основным достижением стал сформулированный принцип наибольшего благоприятствования в торговых отношениях между ЕС и Россией [1]. Соглашение предусматривало легальную систему согласования сторон, определяло области будущего сотрудничества, в частности свободную торговлю, и обязывало стороны соблюдать принятые правила добросовестного поведения на международном уровне, в том числе соблюдение прав

человека. К этому времени уже сложилась система взаимозависимости России и ЕС в экономическом отношении. Страны Евросоюза составляли в 1990-е годы более 50 % российского экспорта. Доля России в экспорте ЕС хоть и была меньше, но в отдельные годы достигала 10 %. Именно в это десятилетие удалось создать систему достаточно устойчивой зависимости Финляндии, Германии и других государств Центральной Европы от поставок российских энергоресурсов, что само собой служило основой дальнейшего доверия и продвижения взаимовыгодного сотрудничества. Руководство Евросоюза приняло решение пойти навстречу России, признав в 2003 году наличие в нашей стране рыночной экономики. Это в определенной степени сократило число антидемпинговых мер, а также позволило подготовить основу для заключения в 2004 году соглашения относительно условий членства РФ в ВТО. Во многом это явилось следствием «парада суверенитетов» государств Центральной и Восточной Европы, создавшего ряд непредвиденных препятствий [4].

В контексте рассматриваемой проблематики важнейшим достижением 1990–2000-х годов была разработка четырех конкретных планов действия «дорожных карт» между ЕС и Россией, охватывающих экономическое сотрудничество, внутреннюю и внешнюю безопасность в сфере науки и культуры. Эти планы были подписаны на саммите Россия – Европейский союз в Москве 10 мая 2005 года. Формированию новых «дорожных карт» пытались помешать руководители вновь принятых государств, включая Латвию, Литву и Эстонию, но ими были плохо усвоены политический климат ЕС и европейские «правила игры», и это вызвало порицание со стороны Брюсселя и Вашингтона. Вместе с тем некоторые вопросы сотрудничества РФ и ЕС все же оказались в подвешенном состоянии из-за противодействия «новой Европы» – 10 государств, вступивших в ЕС в 2004 году. В их числе можно назвать соглашение о безвизовом режиме, которое рассматривают как условие развития многосторонних отношений. Государства Прибалтики обостряют и ряд частных вопросов, таких как комиссионные сборы с российских авиакомпаний за перелеты над их территорией, постоянные споры по согласованию ветеринарных стандартов, прав и свобод «граждан» и «неграждан» и ряд других. Латвия играет в этом ансамбле весьма осторожную, но тем не менее достаточно активную роль, чтобы это было замечено в России [11], [14].

Напрашивается вывод, что Латвия и Европа не являются примером хорошего добрососедства. Серьезный ущерб их отношениям был нанесен в самом начале сложного пути трансформации политической системы Латвийской Республики, прежде всего тем, что Рига приняла провокационное решение по вопросам, серьезным образом

затрагивающим национальные интересы России и права ее соотечественников. И главное состоит в том, что с момента обретения независимости в 1991 году внешняя политика Латвии была настолько сильно ориентирована на интеграцию в геополитические планы ЕС, что принятие каких-либо решений по развитию двусторонних отношений с Россией в политической, экономической и культурной сферах затормозилось активным давлением на внешнеполитическую стратегию Латвии извне. Россия официально заявляла и подтверждала в своих планах и намерениях, что развитие отношений с Латвией имеет все основания роста и укрепления сотрудничества и партнерства не только по вопросам поставки энергоресурсов, но и в области научно-технического сотрудничества, инвестиций. Налаживание здорового диалога, безусловно, оказало бы положительное воздействие на общественно-политическое и экономическое развитие прежде всего Латвии, а также на ситуацию в Балтийском регионе.

Следует отметить, что в концепции внешней политики России Латвия выделена как объект трансформации двусторонних отношений, но с обязательным условием положительного разрешения вопросов относительно положения русскоязычного населения: «Россия выступает за то, чтобы повернуть эти отношения в сторону взаимовыгодного сотрудничества и добрососедства. Непременным условием этого является уважение... российских интересов, в том числе в вопросе о соблюдении прав русскоязычного населения» [12]. С учетом того, что это главное препятствие является труднопреодолимым, речь не обязательно идет о каком-то мощном прорыве, достаточно работать на долгосрочную перспективу «в пошаговом режиме» [13; 5]. Важным в этом контексте является региональное сотрудничество и сотрудничество между городами, которое будет способствовать экономическим связям на местном уровне, установлению доверия между деловыми кругами, будет ставить перед латвийской бюрократией вопрос о необходимости переоценки своих представлений об имидже РФ, который задан им извне. За последние несколько лет определенные успехи достигнуты, однако по-прежнему потенциал конструктивного взаимодействия высок [12; 18–124].

Особого одобрения заслуживает сотрудничество латвийской администрации в рамках региональной кооперации с Калининградской областью. Это стало существенным фактором оживления программ развития в регионе Балтийского моря, рассматриваемых на 11-й сессии министров иностранных дел государств Балтийского моря. В частности, министр Латвии И. Берзиньш особо выделил проекты приграничного сотрудничества. В ответ на это Россия открыла латвийское консульство в Калининграде и расширило свое консульство в Риге. В настоящее время объем эко-

номики Калининградской области совместим с экономическим потенциалом Латвии, а политическое доверие благоприятно отзывается на всем содержании латвийско-российских отношений.

1990-е годы в Латвии характеризуются как «кризис роста», первая декада XXI века знаменуется стремлением начать столь необходимый новый этап сотрудничества с Россией. Пока Россия реагирует на эти инициативы весьма сдержанно и предпочитает формулировать основное содержание двусторонних отношений как «реалистическое сотрудничество на базе экономических интересов». Самое главное в этом направлении, что в прибалтийских государствах, и в частности в Латвии, растет осознание необходимости сотрудничества с Россией как неперемennого условия разрешения многих внутриэкономических и политических проблем. В свою очередь, Россия также понимает, что ее прежде всего экономические интересы могут быть удовлетворены сполна за счет двустороннего сотрудничества именно в данный период непростых отношений Латвии как с Евросоюзом, так и с самой РФ. Как бы ни вуалировались намерения латвийской власти, для всего мирового сообщества очевиден тот факт, что реальную безопасность Латвии, ее экономическую самодостаточность невозможно обеспечить без участия России. И наоборот, при плохих отношениях с Москвой никакие западные гарантии безопасности и экономического процветания Латвии не принесут уверенности в благополучном разрешении кризиса и обретении реальной независимости Латвийской Республики.

В деле налаживания конструктивного диалога между Латвией и Россией по-прежнему препятствием выступает условие, без выполнения которого стороны снова будут поставлены в тупиковую ситуацию. Речь идет о постоянном потакании Западу в лице брюссельской бюрократии и военно-авторитарного руководства НАТО. Как отмечают российские дипломаты, постоянные консультации с посредниками в деле строительства демократического общества в Латвии, сегрегирование населения страны на «граждан» и «неграждан» и все связанные с этим виды дискриминации ни в коей мере не способствуют внутренней стабильности этих государств и будут неперемennым условием сближения с ЕС [6; 17].

Сегодня, пожалуй, единственным объективным фактором сближения выступает необходимость сотрудничества в сфере экономики. Причем даже в этой сфере при выстраивании российско-латвийских отношений будет учитываться роль Латвии в НАТО и ЕС, а с российской стороны это сближение не может осуществляться только исходя из ухудшения или улучшения взаимоотношений с ЕС. Проводя своеобразную «перезагрузку» внешнеполитических отношений с Латвией, Россия дает отчетливо понять, что ее внешнепо-

литическая стратегия в отношении Евросоюза не претерпит существенных изменений, но будет развиваться по двум направлениям: на двустороннем уровне – с Латвией, а на многостороннем в геополитическом контексте – с европейским сообществом в целом. Не стоит забывать, что при любом раскладе политических сил ЕС будет продолжать корректировать внешнюю политику Латвии по отношению к России, невзирая на хорошо действующий механизм систематических встреч между российскими политическими представителями и официальными лицами из Брюсселя [19; 14].

Анализ изученных материалов дает основание говорить о двух критериях, которые будут определять саму динамику двустороннего сотрудничества. Во-первых, национальные интересы России в реализации договоренностей двустороннего диалога будут исходить из того, насколько соответствует та или иная программа решению задач российской модернизации. Этот рациональный критерий очевиден и определен вектором внутренней политики России, заданным президентом РФ. Во-вторых, Россия не намерена и не будет ни в коей мере ставить свои отношения с ЕС в зависимость от тех или иных проектов, которые будут реализовываться на двусторонней основе. Перспективу будут иметь только те из них, которые не замедляют и/или ухудшают отношения с ЕС, а также не препятствуют стратегическим задачам РФ на европейском пространстве. Разумеется, что поведение Латвии в ЕС тоже будет определять российско-латвийские отношения. Прежде всего Латвия будет вынуждена снизить антироссийскую риторику и предпринять ряд позитивных шагов в отношении формирования нового имиджа в глазах латвийской общественности.

Вместе с тем, возвращаясь к сегодняшней ситуации в Латвии, следует констатировать, что все большая часть правящего класса страны понимает, что кризис ЕС носит затяжной и масштабный характер. Если глобальный кризис 2008–2010 годов стал смягчаться в ряде стран, то в ЕС в целом перспектива его преодоления еще весьма неопределенна. Это означает, что надежда Латвии на помощь Европы в решении ее национальных проблем очень призрачна. Та поддержка ЕС, которую обещало латвийское руководство своим гражданам при вступлении в Евросоюз, не была осуществлена. В то же время экономическая система Латвии уже претерпела необратимые изменения и попала в полную зависимость от систем планирования общих целей ЕС. В условиях этих трудностей ЕС руководство МВФ, ЕБРР и Европейской комиссии сосредоточило свое внимание на решении общеевропейских задач. Прибалтика находится в самом низу иерархии политических приоритетов брюссельской бюрократии. Но внешнеполитическая стратегия РФ не предусматривает шаги, которые по-

звали бы воспользоваться этим положением Латвии и других прибалтийских государств как аутсайдеров ЕС.

В России понимают, что политические последствия финансово-экономического кризиса, устойчивая неплатежеспособность Латвии угрожают стабильности в стране. Поэтому для руководителей Латвии так важна задача поиска новых партнеров в экономическом развитии и новых рынков сбыта, но принимающие политические решения должностные лица должны понимать, что в России осознают: в ближайшее время выгодного предложения со стороны стран Прибалтики ждать не стоит. РФ хорошо и успешно осуществляла свои внешнеполитические цели без тесного сотрудничества с Латвией, будет это делать и в будущем. В связи с этим не стоит переоценивать заинтересованность нашего государства в налаживании тесных отношений с Латвией [10], [6], [18]. Тем не менее Россия открыта для диалога, но будет внимать реальным нуждам Латвии, проводить соответствующий анализ и предлагать конкретные меры для облегчения

внутриэкономического положения и преодоления политического кризиса лишь в случае подписания договора о двустороннем сотрудничестве и наличия гарантий по выполнению условий. А проблем в Латвии, по мнению российских экспертов, более чем достаточно.

В РФ есть силы, которые доброжелательно и в то же время реалистично оценивают социально-политическую и экономическую ситуацию в Латвии и готовы пойти на более тесное двустороннее сотрудничество, не требуя взамен отказа от ряда своих обязанностей в ЕС и в отношении с другими странами. В пользу этой доброжелательности свидетельствует и сама историческая добрососедская традиция российско-латвийских отношений на всем протяжении более чем тысячелетней истории, и объективные потребности латышского народа сегодня, и заинтересованность России иметь нормальные политические и экономические отношения со странами-соседями. Определенные шаги в этом направлении сделаны, но это двусторонний процесс и он возможен на основе взаимности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балтийский путь к свободе: Опыт ненасильственной борьбы стран Балтии в мировом контексте: Междунар. конф., 4 и 5 марта 2005 года, Рига: Сб. материалов / Сост. Я. Шкапарс; Объединение интеллигенции Латвии. Рига: Zelta gaudus, 2006. 511 с.
2. Бредихин А. В., Завадский В. Н. Основные направления внешней политики стран Балтии (1990-е – 2008 г.) // Вестник Донецкого национального университета. Сер. Б: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 1. С. 103–110.
3. Бузаев В. В., Никифоров И. В. Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. М.: Фонд «Историческая память», 2009. 281 с.
4. Володькин А. А. Становление балтийского регионализма // Журнал международного права и международных отношений. 2006. № 2. С. 46–51.
5. Воробьева Л. М. История Латвии: от Российской империи к СССР: В 2 кн. М.: Фонд «Историческая память»: Российский институт стратегических исследований, 2009–2010. 284 с.
6. Воронов К. Балтийская политика России: поиск стратегии // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: В 4 т. Т. 3. М.: РОССПЭН, 2002. 483 с.
7. Гапоненко А., Зайцева Е. Системный кризис латвийского общества: причины, тенденции и возможные сценарии выхода из кризиса. 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russian.org.ua/print.php?id=11604350>
8. Гапоненко А., Зайцева Е. Экономический кризис в Латвийской Республике: причины, особенности, перспективы преодоления. 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dec.lv/mi/A.Gaponenko_Rus.pdf
9. Глинкина С. П., Куликова Н. В. Глобальный кризис и его особенности в новых странах – членах ЕС // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 22–38.
10. Григорьев Л., Агибалов С. Страны Балтии: в поисках выхода из кризиса // Вопросы экономики. 2010. № 4. С. 121–138.
11. Демурин М. Политика России в Прибалтике: так и будем ходить по кругу? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russbalt.ucoz.ru/news/2008-03-26-1237>
12. Иванов И. Новая российская дипломатия: Десять лет внешней политики страны. М.: ОЛМА-Пресс, 2001. 382 с.
13. Карабешкин Л. Политика России в отношении балтийских стран – последовательная непоследовательность. 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lfpr.lt/uploads/File/2007-19/Karabeskin_rus.pdf
14. Локощенко А. Место Латвии в мире // Rilsoa. Латвия, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/baltic/20101103/164007290.html>
15. Матюшенко В. На обломках национал-либерализма. Латвия в условиях мирового системного кризиса // Международный коммунистический обзор. 2010. № 10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iccr.gr/site/ru/issue1/on-the-ruins-of-national-liberalism-latvia-in-global-systemic-crisis-conditions.html>
16. Нарочницкая Н. Независимость Прибалтики: вопрос остается вопросом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravoslavie.ru/analit/global/indybalt.htm>
17. Симонян Р. Финансово-экономический кризис в странах Балтии: некоторые политические итоги // Власть. 2010. № 11. С. 44–49.
18. Сытин А. Н. Страны Балтии и их взаимоотношения с Россией в контексте международных отношений конца XX – начала XXI вв.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010.

ГЕННАДИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ СОРОКИН

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социального управления Гуманитарного института, Тюменский государственный нефтегазовый университет
sgg01@tsogu.ru

ГЕРОНТООБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ ГЛАЗАМИ ЭКСПЕРТОВ

Статья посвящена анализу проблем и тенденций развития образования пожилых граждан в Российской Федерации. В основу статьи положены результаты опроса российских экспертов в области геронтообразования.

Ключевые слова: геронтообразование, социология образования, демографическое старение населения

Современная демографическая ситуация в мире и в нашей стране характеризуется резким увеличением доли пожилых людей в возрастной структуре населения. Так, согласно прогнозам экспертов Всемирного банка, к 2025 году в России доля граждан старше 65 лет составит около 18 %, причем каждый шестой пенсионер потребует долгосрочного обслуживания. Это повлечет за собой значительные финансовые затраты, которые составят 4 % валового внутреннего продукта, что сравнимо с расходами на национальную оборону, и потребует отвлечения дополнительных людей для ухода за престарелыми [2; 77]. Трансформация возрастной структуры порождает ряд негативных социальных последствий. Увеличивается нагрузка на системы налогообложения, здравоохранения, пенсионирования, социальной защиты и т. д. Ряд демографов (А. Со-ви, Ж. Кало, Б. Кайцер, М. Дебре) считают, что стареющее общество консервативно, боится риска, нетерпимо к радикальным экспериментам, поэтому оно станет непрогрессивным, отстающим от других обществ не только по технической оснащенности и экономическому благосостоянию, но и в интеллектуальном и творческом достижениях [1; 35]. В настоящее время учеными разработано несколько стратегий адаптации общества к данным социальным изменениям. Наиболее часто предлагаются меры по привлечению иностранной рабочей силы, использованию незадействованных трудовых ресурсов безработных, женщин, инвалидов и т. д. Встречаются и полуфантастические проекты, суть которых состоит в организации безлюдных рабочих мест (в Японии уже есть супермаркеты без продавцов и кассиров). Но учитывая темпы роста доли пожилых людей в обществе, можно констатировать, что решить обозначенные проблемы без использования трудового, социального, культурного и другого потенциала старшего поколения не представляется возможным. В связи с этим чрезвычайную актуальность сегодня приобретает задача реинтеграции пожилых граждан во все сферы общественной жизни, которая, в свою очередь, оказывается связанной с вопросами повышения

профессиональной и социальной компетентности, инклюзией пожилых граждан в образовательное пространство.

Образовательные программы для старшего поколения успешно реализуются во многих странах. Число лиц, охваченных ими, по всему миру ежегодно достигает 3,5 млн человек. Количественные показатели развития геронтообразования в России пока являются достаточно скромными. Сегодня в нашей стране функционируют чуть более 100 специализированных образовательных проектов, в которых ежегодно участвуют около 12 000 россиян [3; 40]. Тем не менее уже можно говорить о том, что в РФ наметилась устойчивая тенденция развития образования старшего поколения. Ввиду социальных изменений, связанных с трансформацией возрастной структуры российского общества, чрезвычайно важной представляется задача синхронизации отечественного геронтообразования с требованиями времени, его ориентация на профилактику и преодоление негативных последствий демографического старения. Для решения этой задачи необходимо детальное изучение состояния образования представителей старшего поколения в России и характера установившихся в нем тенденций. Вне всяких сомнений, важнейшим источником данной информации является мнение экспертов — лиц, непосредственно связанных с геронтообразованием.

В 2006–2011 годах специалистами Тюменского государственного нефтегазового университета был проведен экспертный опрос лиц, имеющих прямое отношение к организации и реализации программ геронтообразования, а также ученых, сфера научных интересов которых соприкасается с проблемами образования старшего поколения. Респонденты были дифференцированы на две категории — «практики» (75 %) и «теоретики» (25 %). К «практикам» мы отнесли педагогов и организаторов специализированных проектов. «Теоретики» — это ученые, сфера деятельности которых так или иначе касается проблем геронтообразования (социологи, философы, физиологи, педагоги, экономисты, демогра-

фы, врачи, социальные работники и т. д.). Все вопросы анкеты, затрагивающие конкретные моменты образовательного процесса, задавались исключительно практикам. 44 % респондентов имеют ученые степени докторов и кандидатов наук. Средний возраст экспертов – 46 лет. Выборочная совокупность формировалась преимущественно по методу «снежного кома». Всего опрошено 150 экспертов из 24 городов РФ.

Как известно, пожилой возраст – это достаточно субъективная категория. Поэтому анализ ответов респондентов необходимо начать с выявления их представления о том, какой именно этап человеческой жизни они рассматривают в качестве пожилого возраста. Более половины экспертов указали начальный рубеж пожилого возраста в интервале 55–65 лет. Неожиданным оказалось то обстоятельство, что практически все эксперты при ответе на этот вопрос указали конкретный хронологический возраст. Никто из респондентов не отметил необходимости учета индивидуальных характеристик человека (состояния здоровья, уровня социальной активности и т. д.). Мы считаем, что данное обстоятельство свидетельствует о склонности экспертов ассоциировать старость с социальным возрастом (в данном случае – возрастом выхода на пенсию). Частично последнее подтверждается их точкой зрения на социальные функции пожилых людей в современном обществе. На вопрос «в чем заключается главная социальная функция пожилого человека?» были получены следующие ответы: передача культурных ценностей – 67 %, воспитание подрастающего поколения – 46 %, выполнение профессиональных функций – 14 %, самореализация и развитие – 7,5 %. Нетрудно заметить, что большинство экспертов рассматривают старость как этап выполнения «второстепенных социальных ролей».

Достаточно интересным представляется сопоставление ответов респондентов на вопросы «для чего сегодня нужно учить пожилых людей?» и «с какой целью пожилые люди обращаются к образованию?». Большинство респондентов убеждены, что геронтообразование должно помогать пожилым жить в современном обществе, научить их справляться с трудностями в повседневной жизни (78 %). В то же время, по мнению опрошенных, только 47 % учащихся обращаются к образованию за подобного рода помощью. Основным мотивом участия в образовательных проектах является удовлетворение потребности в общении (70 %). Таким образом, значительная часть респондентов считают, что мотивы участия пожилых граждан в образовательных проектах не совпадают с целями, которые геронтообразование сегодня преследует (или должно преследовать). В 17 % случаев в качестве мотива обращения геронтов к образованию респонденты отметили необходимость получения

знаний для профессиональной деятельности. Этот факт обращает на себя внимание, поскольку в РФ сегодня нет образовательных проектов для старшего поколения, направленных на повышение профессиональной квалификации или переквалификацию. То есть, даже не ставя перед собой задачи профессиональной подготовки пожилых граждан, геронтообразование в какой-то степени ее решает.

Ответы респондентов на вопрос «чему нужно обучать пожилых людей?» фактически выступили индикатором того, каких именно знаний, по мнению экспертов, сегодня не хватает представителям старшего поколения. В большинстве случаев опрошенные указывали на необходимость обучения современным технологиям (40 %) и получения знаний, облегчающих процесс социальной адаптации геронтов (23 %). Достаточно часто респонденты указывали на необходимость повышения психологической (13 %), коммуникативной (9 %) и юридической (7 %) компетентности представителей старшего поколения. Следует отметить, что среди опрошенных выделяются эксперты, допускающие возможность функционирования геронтообразования как формы досуга пожилых граждан (6 %).

Одной из задач исследования было выявление представлений экспертов о характеристиках образования геронтов, отличающих его от других возрастных групп. Большинство опрошенных, отвечая на данный вопрос, отталкивались от того, что специфика геронтообразования определяется физиологическими и психологическими особенностями контингента слушателей. 20 % респондентов видят данную специфику в ухудшении когнитивных способностей учащихся, 18 % – в необходимости терпеливого и внимательного отношения к пожилым людям, только 16 % отметили в качестве детерминант специфики нетрадиционные методы и технологии обучения. 17 % опрошенных признали главной особенностью геронтообразования наличие у учащихся богатого жизненного опыта, причем в половине случаев опыт рассматривался как фактор, осложняющий протекание образовательного процесса. Около трети респондентов обратили внимание на то обстоятельство, что обычной практикой геронтообразования является обучение старших младшими.

Самым большим препятствием на пути институционализации геронтообразования в нашей стране является проблема финансирования образовательных проектов. В связи с этим все чаще высказывается мысль о необходимости расширения программ платного образования геронтов. Результаты исследования выявили следующие мнения экспертов по данному вопросу: 43,6 % поддерживают данную идею, 39,6 % убеждены, что обучение пожилых является направлением социальной работы и должно быть бесплатным.

Таким образом, число сторонников и противников платного образования в выборочной совокупности оказалось практически равно.

Резюмируя результаты исследования, необходимо отметить следующее. По мнению большинства респондентов, современное геронтообразование далеко не в полной мере решает те задачи, которые оно перед собой ставит. Во многом это обстоятельство обусловлено мотивацией слушателей, их ориентацией на удовлетворение потребности в общении и организации досуга. В то же время нередко мотивом обращения слушателей к образованию является необходимость получения знаний для профессиональной деятельности (14–17 %). И хотя сегодня в России нет специализированных профессиональных программ, полученные данные позволяют констатировать необходимость их организации.

Исследование подтвердило, что отечественное геронтообразование несвободно от негативных стереотипов образа старости. Эксперты в основной своей массе склонны рассматривать пожилых людей как однородную группу. Они убеждены, что данная социальная категория характеризуется плохим состоянием здоровья и низким уровнем функциональной грамотности, а также несформированностью установок на непрерывное образование. Но при этом большинство экспертов не сомневаются в наличии у представителей старшего поколения потенциала, который может и должен быть использован на благо общества. Можно сделать вывод, что для экспертов характерна низкая оценка социальной значимости (а нередко и эффективности) фактической образовательной активности пожилых на фоне достаточно высокой оценки социального потенциала геронтообразования как такового. То обстоятельство, что сами организаторы и преподаватели образовательных курсов находятся под влиянием геронтофобных стереотипов, не может не сказаться на содержании образовательных программ, на качестве их реализации, а также на процессе развития геронтопедагогики – науки об образовании пожилых. К примеру, только 16 % экспертов видят специфику обучения пожилых в использовании нетрадиционных педагогических технологий, в то время как основная масса их коллег рассматривают в качестве детерминант образования геронтов ухудшение когнитивных способностей, необходимость считаться с возрастным статусом учащихся и

т. д. Среди респондентов нет единодушия относительно возможности введения платы за обучение. Это свидетельствует о том, что значительная часть экспертов (30–40 %) не рассматривают возможность функционирования геронтообразования вне сферы социальной защиты пожилых людей, предвзято оценивают образовательные потребности и мотивы геронтов.

Результаты исследования позволяют выделить в тенденциях развития российского геронтообразования ряд парадоксальных моментов:

- невысокие количественные показатели охвата пожилых россиян специализированными образовательными программами при значительном числе представителей старшего возраста в структуре населения;
- декларация равенства всех возрастов, утверждение в массовом сознании представлений о старости как полноценном этапе человеческой жизни нередко соседствуют с фактической реализацией геронтофобных практик в самом геронтообразовании;
- крайне тяжелое финансовое положение образовательных проектов при резко негативном отношении их организаторов к возможности введения различных форм платного образования для пожилых;
- отсутствие программ профессиональной подготовки на фоне возрастающей социальной потребности государства в профессиональной реинтеграции представителей старшего поколения и наличии категории граждан «третьего возраста», имеющих установку на получение соответствующих знаний.

Во многом препятствия и парадоксы на пути развития отечественного геронтообразования являются следствием нескоординированности усилий различных образовательных учреждений, отсутствия программ подготовки профессиональных геронтологов, а также отсутствия внешнего воздействия, управляющего процессом развития образования старшего поколения. Тенденции роста числа специализированных образовательных проектов и количества участвующих в них граждан позволяют констатировать, что образование старшего поколения в России будет и дальше динамично развиваться. Вопрос в том, сможет ли общество по достоинству оценить и рационально воспользоваться огромным экономическим, социальным и культурным потенциалом геронтообразования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Осколкова О. Б. Старение населения в странах Европейского союза: проблемы и суждения. М.: Диалог-МГУ, 1999. 112 с.
2. Раменский С. Е., Раменская Г. П., Раменская В. С. Вопросы использования квалифицированного труда пенсионеров на предприятиях // Третий возраст: старшее поколение в современной информационной среде: Материалы Всерос. междисциплинарной науч. конф. Москва, 30 января 2008 г. / Отв. ред. Л. М. Качалова. М.: Изд-во СГУ, 2008. С. 77–80.
3. Сорокин Г. Г. Образование пожилых граждан в условиях демографического старения. Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. 140 с.

ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА БАЛАНЧУК

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы факультета филологии и журналистики, Марийский государственный университет
balanchuk-olga@mail.ru

ДИЛОГИЯ Н. Г. ПОМЯЛОВСКОГО «МЕЩАНСКОЕ СЧАСТЬЕ» И «МОЛОТОВ»: ЖАНРОВОЕ И ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

В статье рассматриваются повести Н. Г. Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов» в контексте проблемы их диалогической целостности. В процессе анализа выявляются основные формообразующие принципы на уровне композиционной организации текстов и образной системы; обосновывается роль жанровых доминант повестей-«первоэлементов» в создании диалогического образования.

Ключевые слова: Н. Г. Помяловский, диалогия, диалогическое образование, повесть, принципы формообразования, «первоэлементы» диалогии

Николай Герасимович Помяловский вошел в русскую литературу как автор двух крупных эпических произведений: повестийной диалогии «Мещанское счастье» и «Молотов» и очеркового цикла «Очерки бурсы». Эти произведения, с одной стороны, показали единство творчества Помяловского с русским литературным процессом в целом как истинного представителя эпохи 1860-х годов, а с другой – проиллюстрировали собственные авторские противоречия, его жизненные, эстетические поиски.

Несмотря на явную разницу в идейно-тематической установке произведений Помяловского – диалогии и очеркового цикла, оба повествования имеют абсолютные точки соприкосновения, которые обнаруживаются не столько на уровне содержания, сколько на уровне формы.

«Очерки бурсы» Помяловского – универсальное отражение поэтики школы «шестидесятников», чья типичность проявилась в том числе в форме организации повествовательного материала: в его цикличности. Очерковая экспансия 1850–60-х годов, наметившаяся еще в творчестве писателей предыдущего десятилетия, обусловила особую активизацию циклообразовательных процессов в этот период: «Лавинообразный поток всевозможных “зарисовок”, “записок”, “сценок”, сцеплявшихся друг с другом внешне необъяснимым образом, формировал новый тип повествования» [1; 154].

Но если в 1850–60-е годы очерковая циклизация достигает определенных вершин, чему способствовал в том числе синтез беллетристического и публицистического начал, то диалогизация малых жанровых форм – явление менее популярное. Очерк, оставаясь господствующим жанром эпохи и, в частности, литературной школы, по своей жанровой специфике не способствовал диалогизации как таковой. Публицистическая доминанта очерка как первоэлемента цикла обуславливала его своеобразную законченность в самом себе, в том числе и на уровне сюжетики, что,

естественно, не ориентировало читателя к постоянному обращению к предыдущему тексту, да и «конечность» реализации творческой цели не требовала априорного ограничения количественного состава текстов, определяющих цикл. Диалогия как форма организации повествовательного материала изначально направлена на конечность, итоговость, завершенность, реализация чего происходит в рамках вторичного текста, в то время как претекстовое содержание остается открытым.

Диалогия как форма требовала протяженности сюжетного времени, более широкого (в отличие от очерка) сюжетного ряда и фокусирования не столько типа героя и его доминант, сколько его мотивации. Это обусловило тот факт, что реализации полилогической формы в полной мере способствовала прежде всего жанровая специфика романа. Вместе с тем в 1850–60-е годы значительным становится процесс диалогизации и в рамках жанра повести, в том числе повлиявший на становление новых романских форм.

Таким образом, если в рамках творчества отдельного писателя диалогизация давала возможность более детального авторского осмысления и изображения действительности во всех ее проявлениях: в философско-религиозном, социо-историческом и культурно-бытовом контекстах, то в пределах историко-литературного процесса повестийная диалогизация стала одним из способов жанрообразования. Неслучайно Помяловский во второй части диалогии («Молотов») определяет жанровый статус произведения как роман: «Мы в романе не действующее лицо, а смотрим на события и характеры со стороны, относимся к ним холодно, бесстрастно, никого не обвиняя и не оправдывая...» [4; 252].

Обе повести, составившие диалогию, были опубликованы в «Современнике» в 1861 году с промежутком издания семь месяцев («Мещанское счастье» – февраль 1861 года, «Молотов» – октябрь 1861 года). Безусловно, такой небольшой

временной промежуток выхода в свет произведений определенным образом указывал на целостность творческого замысла писателя. Целостность повестей как диалогического образования обратила внимание еще современников писателя. Одним из первых критиков, рассмотревших повесть Помяловского в аспекте диалогической целостности, был Д. И. Писарев, который в качестве формообразующей доминанты определял личность главного героя [2].

Сюжет дилогии фокусируется вокруг личности Егора Ивановича Молотова, чьи жизненные, мировоззренческие поиски в течение тридцати лет определяют сюжетную линию двух повестей. В отличие от романских дилогий, где количество персонажей, в том числе «сквозных», достаточно велико, в повестийных дилогиях объем «сквозных» персонажей, как правило, ограничен, что обусловлено преимущественно жанровой спецификой первоэлементов. Особенностью дилогии Помяловского является тот факт, что при достаточно сильной текстуальной связности ее частей главный герой, Молотов, является единственным «сквозным» сюжетообразующим персонажем. Помимо Молотова, в качестве «сквозного» персонажа можно было бы рассмотреть Негодяшева, так как упоминание данного героя встречается в обеих повестях. Вместе с тем сюжетный статус персонажа столь незначителен, что его значимость в качестве одного из связующих (на уровне сюжета) героев представляется очень условной при его безусловной смыслопорождающей функции.

Образ Негодяшева в обеих повестях – это внесюжетный образ, упоминание о котором направлено на реализацию двух целей: с одной стороны, характерологической, а с другой – идеологической.

Так, в первой повести упоминание Негодяшева способствует акцентированию характерологических доминант образа главного героя посредством контрастности изображения: «Один был сын мещанина, другой чиновника; один вырос в большой семье, между братьями и сестрами, другой в товариществе старого профессора. Молотов любил говорить о широких началах, общемировых идеях и замогильных вопросах; “жизнь, природа, человечество” – на этих предметах постоянно вертелись его мысли; он смотрит идеалистом, хотя, странно, он всегда осторожен, аккуратен, осмотрителен, и всегда у него есть деньги. <...> Негодяшев был более пессимист, а Молотов – оптимист. Они и наружностью не похожи: Негодяшев высокого роста, бледнолицый, черномазый и с волосами до плеч, а Молотов среднего роста, плечистый, с румянцем на широком лице, коротко острижен, глаза у него серые...» [3; 34].

Несмотря на детальную характеристику внесюжетного персонажа, которая вполне оправда-

на авторской целевой установкой, описание лишено какой-либо субъектной оценочности. Оценка данного персонажа появляется только во второй части дилогии в рамках диалога Нади и Череванина. Упоминание Негодяшева, вложенное в уста Череванина, с одной стороны, вновь используется автором с целью его антитетичности по отношению к образу Молотова, а с другой – способствует развитию одной из основных тем второй повести – изображение чиновничества: «...а между тем он вел себя умнее, нежели Молотов. Он умел пользоваться случаем. Однажды Негодяшев в публичном саду подал какой-то пожилой даме перчатку, которую она уронила. Оказалось, что это была тетка губернатора. Другой раз он нашел поминанье, принадлежащее правителю канцелярии, человеку набожному; он поминанье представил по принадлежности, лично правителю. Потом еще подошел случай: предводитель губернии был ни во что не верующий; ему кто-то сообщил, что и Негодяшев ни во что не верует. Открылось место по следственной части... <...> Негодяшев подал просьбу. Многие рассчитывали на открывшуюся вакансию; но за обедом у губернатора предводитель сказал: “Негодяшев – молодой рациональный человек”, правитель сказал, что он – “молодой набожный человек”, а губернаторская тетка, что он – “молодой почтительный человек”. По этим трем приговорам состоялась резолюция об его определении, составила его карьера» [4; 193].

Указанный эпизод представляется существенным для понимания авторского отношения к чиновничеству как некому закрытому миру, принципы которого заключаются в родственных и личностных отношениях между людьми. Данная позиция открыто выражается автором посредством введения в начало второй части дилогии в качестве экспозиции подробного описания чиновнической генеалогии рода Дороговых, основу которой составила деятельность Мавры Матвеевны Чижиковой.

Значимость описания родословной семьи Дороговых проявляется как в композиционном, так и в идейно-тематическом планах второй повести дилогии. Вместе с тем завязка сюжетно-тематической линии чиновничества намечена автором уже в первой части дилогии – «Мещанское счастье» – через содержание письма Негодяшева, смысловой контекст которого напрямую соотносится с дальнейшим повествованием – с содержанием повести «Молотов». Так, в рамках данного письма появляются мотивы камерности, семейственности, закрытости чиновничьего мира для «постороннего»: «нас самый небольшой кружок»; «я посвящу тебя в наш кружок...» [3; 95]; подлости и карьеризма как его основ: «Ты спросишь, кто я такой: наушник, доносчик, фискал? Ничуть не бывало!.. я дипломат и психолог: моя задача так вести дело, чтобы провалил-

ся негодный человек, подвести его на службе, напугать, повредить ему. Впрочем, я не прочь и шепнуть кому следует на ухо, что можно» [3; 95]; «вакансии для своих»: «Я довольно хорошо основался здесь, имею некоторую силу и, руководствуясь своею системою, подвожу мину под одного чиновника. <...> Вот тебе и вакансия. Кроме того, “сам” ищет дельного чиновника. Я говорил ему о тебе, и он соглашается принять тебя. Вот и другая вакансия» [3; 95]. Таким образом, повествование первой части диалогии, локализованное главным образом вокруг описания помещичьего быта, включает в себя мотивы, характерные для образа чиновничества, который получает реализацию преимущественно в рамках второй части, при описании генеалогии семьи Дороговых и истории карьерного роста Негодяшева.

Письмо Негодяшева к Молотову значимо в аспекте развития не только чиновнической темы как одной из основных социальных тем диалогии, но и центральной философской проблемы произведений Помяловского: проблемы поиска сути человеческого счастья, понимание которого в контексте диалогии соотносится с понятием смысла жизни.

Первоначальная актуализация данной проблемы намечается уже в названии первой части диалогии – «Мещанское счастье» – и проходит лейтмотивом через все произведение, получая основное развитие во второй повести. Любопытно, что намеченная в названии первой части тема, тема «мещанского счастья», практически не обнаруживает себя в «чистом» проявлении в содержании повести, что отмечается и самим автором посредством заключительного обращения к читателю, которое одновременно является своеобразным вступлением к содержанию второй части: «Но не выдумывать же автору несуществующих пока примирений! Егор Иванович все-таки ненавидел их, хотя и говорил: “О мертвых либо ничего, либо хорошо”. “Так где же счастье? – спросит читатель. – В заглавии счастье обещано?” Оно, читатели, впереди. Счастье всегда впереди – это закон природы» [3; 120].

Авторское отступление вполне оправданно наводит на мысль о композиционной роли первой повести как предисловия, в котором автор только намечает центральные проблемы диалогии, что относится и к образу главного героя, «сквозного» персонажа диалогии – Егора Молотова, вокруг которого фокусируется идейно-тематический комплекс диалогического образования.

На первый взгляд, герой Помяловского проходит определенную эволюцию, которая вместе с тем обусловлена преимущественно внешними изменениями в образе жизни Молотова. Молотов – человек, ищущий и вместе с тем обретающий себя в том самом «мещанском счастье», от которого он отрекается в финале первой повести, «бежит» путем познания других «философий»

(кладбищенство, приспособленчество и т. д.) на протяжении развития сюжета второй части и окончательно принимает его в финале диалогии.

Молотов, безусловно, один из ярких вариантов воплощения образа разночинца в русской литературе. Однако разночинство Молотова – это не результат осознанного отречения от основ своей среды, это стечение обстоятельств, которое приводит к «выпадению» героя из привычного социального окружения и его поискам своего места в том или ином социальном мире (в «разных чинах»). Так, смерть отца приводит Молотова в дом профессора Василия Ивановича, который коренным образом меняет не только быт мальчика, но и его мировоззрение. В свою очередь, смерть профессора заставляет Молотова по-новому взглянуть на свое будущее и собственное предназначение как человека «практической сферы», что герой пытается реализовать в доме помещика Аркадия Ивановича Обросимова.

События в доме Обросимова, с одной стороны, являются кульминацией жизненной линии героя, а с другой – своеобразной завязкой дальнейшего повествования, в основе которого – собственно изображение поиска Молотовым жизненной философии. Осознание Молотовым своего «разночинства» (то есть существования вне какой-либо социальной среды) происходит задолго до конфликта героя с семьей Обросимова. Указание на это происходит посредством авторского введения «ключевой» фразы первой повести диалогии («А где же те липы, под которыми прошло мое детство? нет тех лип, да и не было никогда»), которая встречается в тексте первой части трижды и произносится героем в моменты «минутной грусти и минутного раздумья».

Традиционно в русской литературе липы наряду с образами дома, сада, аллеи и т. д. являются одним из элементов образной системы, связанной с «миром усадьбы» [5]. В произведении Помяловского символическое значение образа расширяется: липы – это символ не столько бытовых основ, сколько жизненных, мировоззренческих устоев. Таким образом, разночинство Молотова не просто попытка приобретения героем того или иного социального статуса, «укоренения» в том или другом «чине», это прежде всего принятие жизненной философии, нравственных принципов существования.

Если в первой части диалогии автор акцентирует внимание читателей на социальном аспекте жизни Молотова: перемена места жительства героя, которая ведет к столкновению его с той или иной социальной средой (рабочая среда, интеллигенция, студенчество, помещичий быт, чиновничество), то во второй части автор иллюстрирует процесс принятия и выбора героем конкретной жизненной философии.

В тексте диалогии представлены шесть мировоззренческих философий, с которыми сталки-

вается Молотов: 1) философия «практицизма и карьеризма»; 2) философия «приспособленчества»; 3) философия «кладбищенства»; 4) философия «разумного эгоизма»; 5) философия «благонравной чичиковщины»; 6) философия «мещанского счастья». Каждая из предложенных философий реализуется в произведении через изображение жизненных позиций отдельных персонажей: Негодяшева, Касимова, Череванина, Молотова, Надежды Дороговой. Если философия «практицизма и карьеризма» (образ Негодяшева) впервые упоминается еще в первой части, то другие философии находят свое воплощение преимущественно во второй части диалогии.

Наиболее детально автором представлены две философии – «кладбищенства» и «разумного эгоизма», эстетика которых раскрывается через образы главных героев второй повести – Молотова и Череванина. Центральное место в сюжетно-композиционной структуре повести занимает диалог Молотова и Череванина, в рамках которого происходит утверждение данных философий. Рассматриваемые философии представляют собой две абсолютные мировоззренческие противоположности, на что косвенно указывает Череванин, оценивая себя и своего собеседника: «Век вырабатывает не только такие натуры, как твоя, но и как моя» [4; 171].

В рамках диалога автор поднимает целый ряд социально-философских проблем: проблемы «новых людей», роли общества в формировании личности, жизни «по совести» и «по призванию». Ответы на поставленные вопросы, которые дают герои диалогии, раскрывают основы исповедуемых ими философий. Философия «кладбищенства», раскрываемая посредством образа Череванина, представляет собой одну из крайних форм нигилизма. Череванин отрицает не просто устоявшиеся жизненные основы, он отрицает смысл жизни как таковой, заявляя: «...ничего не хочу, кроме сна, забвения, обморока...» В свою очередь, лейтмотивами его монологов становятся фразы: «Скучно!», «Гадко и мрачно».

Философия Череванина – вполне устоявшаяся система взглядов, в основе которой, как отмечает Молотов, – «траурный взгляд и полное отрицание света и жизни». Жизнь для героя – это физиологический процесс от рождения до смерти, результатом которого становится полное забвение: «Захлопнут гроб крышкой, и завинтит ее вечным винтом вечного цеха мастер, гробовщик Иван Софронов, и опустят тело в подземные жилища...» [4; 182]. Отсюда непризнание героем понятия «новые люди», а вместе с тем отрицание прогресса как такового: размышления о «новых людях», об их роли в современном обществе – «пустые слова», так как изменить естественный физиологический процесс невозможно, а потому жизни «старого и нового» поколений ничем не отличаются друг от друга.

Одним из ключевых вопросов диалога становится проблема любви как сути человеческой жизни. Любовь рассматривается героями в двух проявлениях: с одной стороны, любовь мужчины к женщине, с другой – любовь к человеку в целом. Для Череванина любовь бессмысленна в любом ее проявлении: он отрицает любовь не только к другому человеку, но и к самому себе, так как это порождает эгоизм, что предполагает «полное довольство, сознание собственного достоинства», чего нет у Череванина («всегда сам себе гадок»). В отличие от своего собеседника, Молотов основой существования признает именно эгоизм. В его рассуждениях о сути человеческой жизни в полной мере проявляется философия «разумного эгоизма»: «Эгоизм рождает любовь. Когда удовлетворены твои потребности, является страстное желание сделать всех счастливыми. Ты не любишь других, потому что не любишь себя» [4; 183]. Следует отметить, что, в отличие от философии «кладбищенства», принципы которой детально расписаны автором от лица Череванина, философия «разумного эгоизма» только намечается автором посредством акцентирования ее эстетической доминанты. То же происходит и с понятием «новые люди», которое вводится автором в текст единожды в рамках рассматриваемого диалога. Причем «новые люди» в тексте повести так и остаются понятием, не приобретающим какой-либо характерологической семантики, а вместе с тем и образного выражения. Более того, получая осмысление в словах Череванина, данное понятие отрицается героем и не находит дальнейшего воплощения в словах Молотова. Как известно, понятия «философия “разумного эгоизма”» и «новые люди» получили свою универсальность прежде всего благодаря роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?», изданному уже после появления диалогии Помяловского. Вполне закономерно возникает вопрос: почему же данные понятия не соотносятся в литературно-критическом сознании с именем Помяловского, в отличие от таких понятий, как «кладбищенство» и «кисейная барышня»? Ответ на этот вопрос, думается, следует искать опять же в понимании образа его главного героя – Молотова. Как отмечалось выше, уже в первой части диалогии автор акцентирует определенную случайность выбора героем его жизненного пути: по воли случая он оказывается в доме профессора, тот же случай приводит его и в дом помещика Обросимова. В обеих ситуациях он пытается принять и принимает основы, которые сложились в том или другом доме. Его влюбленность в Леночку Илличову в том числе является одной из попыток «укоренения» в предлагаемой ему среде. И только понимание того, что он навсегда останется чужим в доме Обросимовых: «Плебей?.. нищий?.. дворянского гонору нет?.. а я, дурак, думал, что они меня любят и доверяют мне...

Черти, черти! Они мне подачку готовят!.. Вот как они смотрят на меня! Хорошо же!..» [3; 89–90], – заставляет Молотова искать себя в новой социальной среде – чиновничестве. О случайности, неосознанности выбора говорит и сам герой в заключительном монологе второй повести: «...моей карьерой распорядился фатум, – начал он, – а не разумный выбор. Не то чтобы я сам хотел служить, а это со мной просто случилось...» [4; 185–186]. Данный монолог представляется одним из ключевых в понимании образа Молотова как человека одновременно ищущего и мятущегося.

Подобный контекст образа усиливается посредством введения эпизодического персонажа Касимова, жизненная позиция которого состоит в умении приспособиться. Герой в тексте второй повести появляется дважды: в первом случае он предстает художником, воспевающим творчество как суть человеческого счастья, а во втором – чиновником, мечтающим «поразить всевозможную административную неправду». Суть позиции Касимова раскрывается в вопросе Череванина: «Отчего же Вы в чиновники пошли, а не в монахи, не в художники? А во время войны Вы мечтали об офицерской карьере...» [4; 184]. Неслучайно ответом на данный вопрос становится упомянутый выше монолог Молотова. Таким образом философия «разумного эгоизма», заявленная в диалоге Молотова с Череваниным, разрушается автором как основа жизненных принципов героя, что в дальнейшем подтверждается его итоговым выбором.

Философский аспект во второй повести настолько силен, что образ Молотова в основной части повествования на какое-то время отходит на второй план: автор «вводит» героя в повествование как бы «между прочим», в ряду постоянных посетителей дома Дороговых (что подчеркивает лексическое выражение «другой гость»), фокусируя на нем читательское внимание единственно путем более детальной портретной характеристики: «Другой гость был более нежели среднего роста, несколько сутуловат, плотно сложен; здоровье и крепость были видны во всей его фигуре; хорошо устроенный лоб и серые глаза обнаруживали ум; современные густые бакенбарды покрывали его щеки. Это был Егор Иванович Молотов, архивариус одного присутственного места» [4; 144]. Вне контекста диалогического образования создается ощущение некой новизны данного персонажа, его главным образом смыслопорождающей функции как героя-наблюдателя, через видение которого автор стремится передать ту или иную философскую концепцию. Возвращение доминирующей сюжетной линии Молотова как формообразующей происходит в конце второй части, основу которой и составляет самоопределение героя через оценку жизненных принципов других людей, собственную реф-

лексию путем воспоминаний о более ранних событиях, что находит воплощение в рамках заключительных диалогов главного героя и Надежды Дороговой.

Образ Надежды конкретизирует содержательные доминанты образа «кисейной девушки», заявленные автором впервые посредством создания образа Леночки («Мещанское счастье»). Одновременно благодаря образу Надежды данный тип получает философское обоснование, так как именно в монологах героини понятие «мещанское счастье» реализуется как жизненная философия, смысл которой – принятие действительности: «...все примиряются с действительностью, – сказала Надя, – как бы она ни была тяжела, даже любят ее, потому что жить всякому хочется...» [4; 216].

Отношения Молотова и Надежды проходят определенные стадии развития, связанные с осознанием и в определенной степени признанием героями жизненных позиций друг друга. Идея Молотова, что смысл человеческой жизни – найти свое призвание, впервые акцентируемая автором еще в первой части диалогии, в полной мере реализуется именно в диалогах с Надеждой. Первичное несогласие с философией «мещанского счастья», то есть принятия действительности, заставляет Молотова осмыслить собственный жизненный путь посредством воспоминаний о «ключевых» событиях жизни.

Рефлексия героя, завершающая повествование второй части диалогии, представляет собой краткий пересказ предыдущего повествования, возвращающий читателя к содержанию первой повести в аспекте философского контекста диалогии. Результатом рефлексии становится понимание героем, что его попытки найти собственное призвание в большинстве своем представляли не что иное, как принятие действительности, приспособившись к которой можно достигнуть «мещанского счастья»: «Что же делать, не всем быть героями, знаменитостями, спасителями отечества» [4; 283].

Вместе с тем для Молотова приспособление к действительности – явление неоднозначное. В заключительном монологе герой рассуждает о понятии «благонравная чичиковщина» как об одной из жизненных (бытовых) философий. В контексте монолога данное понятие выступает синонимом «мещанского счастья», что достигается за счет подведения их к единой смысловой доминанте – приспособление. Однако в дальнейшем повествовании автор разводит эти понятия через указание на принятие (или непринятие) героем каждой из философий.

Говоря о философии «благонравная чичиковщина», Молотов выделяет два составляющих ее элемента: во-первых, физический покой как результат удовлетворения материальных потребностей; во-вторых, жизнь ради себя, «на брюхо

свое, на добывание насущного хлеба», что ведет к одиночеству и замкнутости. В отличие от «мещанского счастья», которое герой принимает в итоге как возможность реализации семейного, бытового счастья, «благонравная чичиковщина», предполагая материальную удовлетворенность, исключает удовлетворенность духовную, приводя человека к одиночеству и пустоте: «Я испытывал то физическое наслаждение, которое так хорошо знает чернорабочий, отдыхая после труда. Но душа спала, и когда просыпалась, я ощущал страшную скуку и тоску» [4; 282].

Заключительный монолог героя является не только идейно, но и композиционно значимым: окончательно реализовывая содержание понятия «мещанское счастье», определившее название первой повести дилогии, он завершает, с одной стороны, любовную ситуацию дилогии, а с другой — ее основную сюжетную линию, связанную с поиском героя своей жизненной философии, своего «места». Одновременно данный монолог подводит читателя и к собственно авторскому осмыслению как образа героя (Молотова), так и «ключевого понятия» дилогии («мещанское счастье»), вокруг которого фокусируется философская проблематика обеих повестей. Если в первой части дилогии позиция автора открыто выражается через многочисленные развернутые отступления, пояснения, характеристики, обращения к читателям, то во второй повести образ автора менее «заметен» читателю, а его позиция наиболее выражена в заключительной фразе повествования, выполняющей роль своеобразного послесловия, что на уровне текстуального оформления подчеркивается многочисленными многоточиями (строка), отделяющими основное повествование

от заключительного фрагмента: «Тут и конец мещанскому счастью. Эх, господа, что-то скучно...» [4; 283]. С одной стороны, графическое оформление заключительной фразы, а с другой — наличие в ней одновременно понятия «мещанского счастья» как содержательной доминанты первой части дилогии и лексемы «скучно», организуемой мотивный центр второй повести, позволяют говорить о ее композиционной роли именно в контексте диалогического целого как идейного и сюжетного завершения диалогического повествования.

Повестийная дилогия Н. Г. Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов» является яркой иллюстрацией развития данной повествовательной формы в русской литературе 1850–60-х годов. Повести Помяловского наряду с другими полилогическими явлениями данного периода (например, трилогия М. Авдеева «Тамарин») в полной мере реализовали жанрообразовательные возможности малых и средних жанров, приобретающих в рамках диалогического целого признаки более крупных жанровых форм, в частности романной. Это стало возможным благодаря тесным интертекстуальным связям между повестями-«первоэлементами» дилогии, проявившимся на всех уровнях организации повествовательного материала: сюжетно-композиционном, идейно-тематическом и на уровне образной системы. Мотивированное автором путем указания на романский характер повествования объединение повестей в диалогическое целое позволило Помяловскому выявить не только разные точки зрения на современную действительность, но и показать ее неоднозначность и многогранность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ляпина Л. Е. Циклизация в русской литературе XIX века. СПб.: НИИ химии СПбГУ, 1999. 281 с.
2. Писарев Д. И. Роман кисейной девушки // Писарев Д. И. Литературная критика: В 3 т. Т. 2. Л.: Худож. лит., 1981. С. 221–260.
3. Помяловский Н. Г. Мещанское счастье // Помяловский Н. Г. Повести. М.: Дет. лит., 1973. С. 23–120.
4. Помяловский Н. Г. Молотов // Помяловский Н. Г. Повести. М.: Дет. лит., 1973. С. 121–283.
5. Федорова С. В. «Усадьбная тема» в лирике А. К. Толстого // История русской литературы второй половины XIX века. Поэзия: Практикум; Хрестоматия. М.: Флинта: Наука, 2000. С. 140–150.

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ СУЗИ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет
vnsuzi@yandex.ru

О ЖАНРЕ «МОЦАРТА И САЛЬЕРИ» А. С. ПУШКИНА

На материале «Моцарта и Сальери» ставится проблема жанровой природы «маленьких трагедий». Если драматургический конфликт рассматривать в христианской парадигме, то выясняется, что это не трагедии (редакторское определение), а драмы, как именовал их автор.

Ключевые слова: автор, жанр, драма, драматургический конфликт, характер, поэтика

Как известно, *маленькие трагедии* скорее издательское клише; сам автор чаще называл их *опытами драматических изучений, драматическими опытами*, отмечая экспериментальный их тип. С ключевой проблемой жанра, задающей тематический уровень, связан вопрос их сценичности или литературности. Думается, выводы по одной пьесе приложимы ко всему циклу.

Опыты в драме отражают не преследование жертвы Роком, а гибельность страстей. В теме *вины* скрыта сложность драматургического конфликта и жанровой синкретизации цикла.

Трагедия рождена языческим культом рода, драма – христианским культом личности (вырастая из вольной жертвы Христа). Жанр отражает объект культа: заданность извне или личную волю и ответственность. Трагедия выросла из языческого мифа, из мистерии-ритуала по отделению, трансформации их в культуру; драма – из христианского Предания.

В основе одного лежит Предопределение, в другом – Промысел. Герой трагедии не может быть творцом, но лишь герой-стоик, мужественно несущий свой жребий. И потому «Моцарт и Сальери» – пьеса о творцах и творчестве – может быть только драмой. Они творят не музыку, а в ней – свою земную и посмертную судьбу. Это напрямую связано с темой греха.

Библия разделяет грех личный и первородный; и поэт сознает экзистенциальный исток вины, родовой и своей. В древности вину пращура, рода искупал герой, несущий на себе его проклятие. Он – *вечности заложник, у времени в плену*. Герой христианской драмы лично ответствен за свои деяния. В героях Пушкина скрыта личная вина, чуждая безликой вине Рода.

Но если преступление Сальери очевидно, то в чем вина Моцарта? Гений не знает зависти, *змеей грызущей друга*. Его *вина* условна; в его *неволе* есть *величие* жреца, верного кумиру, солдата – присяге. Этот морально-психологический феномен получает историческое воплощение. Бог музыки живет в мире, где дар стал проклятием. Сальери разрушает дар, творя цивилизационный миф о *ремесленнике*, диктующем свое

право Небу. Он – творец-узурпатор, потребитель. Автор отмечает смену эпох, парадигм, переход мира в состояние падшести и с высоты вечности выносит свой вердикт.

Но есть на Моцарте «грех», близкий вине Сальери. Они близки чувством избранности: «Нас мало избранных, счастливых праздных, сынов гармонии...» Оба отчуждены от мира своим даром. Гений живет в единстве с миром и выламывается из него; он дистанцирован от мира, не отвергая, не противостоя его цельности. Он автономен и объемлет весь мир, всемирен, внемирен, надмирен; вместе свободен и зависим от мира. Драма гения отражает исход индивида из синкретизации, акт отпадения от Целого, смену мифа об эманации к творению, переход из натурфилософии в персонологии.

Сальери глубже Моцарта пребывает в искусстве; он с детства заражен гордыней, надмением над *низкой жизнью*; отсюда вырастает утверждение им права на преступление норм. Он заявляет: «Я избран...» Но кем, если бросил вызов Небу? Из бунтаря вырос идейный тиран.

В безличном акте рождения мира выявился генератор-субъект, творец форм, облекшийся в их косные грани, зависимый от них, отделенный ими от истока, замкнутый в тайне личного бытия. Это тайна творчества как преступления, *тайна беззакония* как *иногo закона*, открытая в оба конца, к служению и преступанию. Ведь бог на санскрите означает *разделяющий*, наделяющий, дарящий, творящий.

Поэт исследует истоки дара творчества, свою природу и участь, благие и гибельные потенции, драму гения и злодея в одном лице.

Его личная вина связана с первородным отпадением от целого, с ребячеством, таящим горечь и сладость, чистоту и слабость, искус непослушания. В этом гений и злодей схожи, но не едины, лейтмотив детства связует их драматически. Сальери в первой исповеди признается:

Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался – слезы
Невольные и сладкие текли.

Искус именно в том, что он *заслушивался*, в зрелости продолжая *упиваться* музыкой (мотив вкушения, пишества, сладости – сквозной во всем цикле). Уже здесь скрыт импульс обладания, овнешнения, потребления, утилизации, эстетической корысти, эгоцентрии, оборачивающейся против ее носителя и всего мира. Так сладость *высоты* содержит в себе горечь *неволи, надмения* (дважды помянутое) чревато падением. Что же Моцарт? А он по-детски щедр и в зрелости: такова *нежданная шутка со слепым скрипачом*, которой он решил *угостить друга*, повергая того в ярость. Желая развлечь его, он исполняет *безделицу*, снова походя, вызывая у друга взрыв негодующего восторга: «Ты, Моцарт, недостоин сам себя».

Во 2-й сцене (любой мотив встречается дважды и в зеркальном отражении: в 1-й сцене серьезен Сальери, во 2-й – «пасмурен» гений, ощущая дыхание смерти) Моцарт историю Реквиема начинает словами: «Недели три тому...» и продолжает: «На третий день (заметим, в третье посещение “гостя”. – В. С.) играл я на полу с моим мальчишкой. Кликнули меня...» Перед лицом судьбы, иномирия гений поначалу ведет себя как ребенок, лишь постепенно открывая горечь и сладость своего призвания, ее Зова.

У каждого своя правда. Сюжет Бомарше приоткрыл тайну Дара, чему противится Моцарт: «Гений и злодейство – Две вещи несовместные. Не правда ль?» (Сальери в финале эхом повторяет фразу, отрицая ее в ужасе от своего деяния.) А тайна двояка: гений и злодейство несовместны в Боге; в мире же составляют одно лицо. Выходит: истина посредине и выше (Гете). Поэт связывает дар и его повреждение виной носителей; его мысль близка Промыслу.

И что бы ни говорили о столкновении гения и таланта, романтизма и классицизма в пьесе, ее онто-проблематика крупнее и выше этих промежуточных уровней; автор мимо них прямо восходит к смыслу бытия, истоку добра и зла, к связи Бога и человека, Его любимого детища, подобия и образа. Поэт языческие уровни взысканий соотнес с универсумом Истины христианской. Парадокс: уникальная форма (sic! вещь небывалая) дает небывалый ответ.

Перевод проблемы в план метафизики дает импульс, *коллаптирует* сюжет: «Пушкину, вероятно, хотелось бы создать... модель человеческих отношений, взятых в простейшем элементе – связи двух, одного и другого (друга). <...> Перед нами трагический конфликт двух непримиримостей, двух несовместимостей – двух личностей самого крупного масштаба на пределе их творческих экзистенций. <...> И для их неразрешимого конфликта дружбы-вражды и любви-соперничества необходимо, чтобы они были равны в самой глубинной основе их существа. ...Иначе не Сальери, а сам конфликт пьесы будет мель-

чать на глазах» [5; 611]. Завершающая мысль резонна, но психологическая подоплека, определение пьесы как трагедии (из *трагической безысходности* вытекает посыл *двусмысленности* как основы метода и поэтики автора) требует уточнения. Опуская прочие разногласия, рассмотрим в этот пункт.

Конечно, жанр пьесы задается типом связи в конфликте героя с жизнью, его концепцией, поэтической антропологией. Кто здесь герой (действительный)? Для нас, очевидно, Сальери?!

Моцарт творит Реквием за сценой, вынося на суд плоды труда. Он предстает точкой отсчета, тогда как Сальери – его злым «гением», которому по воле автора мы сочувствуем едва ли не больше, чем его жертве. У автора же герой един в двух лицах – Моцарт и Сальери, в их нераздельности и неравности каждого себе. Уже заглавие подчеркивает их равноценность для автора. Поэт выводит тему на уровень онтоза, предлагая отделить сюжет от его жизненной основы. Автор не пересказывает исторический миф (иначе он был бы сплетник, глас народа и пр.), а на его материале решает иные жизненно-творческие задачи. Для него имена – знаки скрытых в них смыслов. Автор заявляет тему: «Завистник, который мог освистать Дон-Жуана, мог отравить его творца» [1; 218]. Но за сюжетом о гордости и Зависти («Кто скажет, что Сальери гордый был...») кроется тема Дара, благо-дарения.

Зачем же Сальери, когда уже есть Иуда, Каин, Люцифер? Но они для нас метафоры, а не живые лица. Поэт же сохраняет достоверность на грани бытия, истории и мифа, иномирия.

Но совокупное «свидетельство» автора и исповедующегося героя не принимается всерьез. Оба самоопределения Сальери – Завистник и Змея – даны автором в начале строки, что приводит к написанию их с заглавной буквы, то есть к обозначению в них духовного плана при сохранении бытовизма. В зависти как истоке преступления, теургии автор сквозь психологию прозревает пневматику. Он рассматривает зло как утрату дара. Его опыт жизни и «драматические опыты исследования действительности» свидетельствуют о возможности обращения «гения» к «злодейству», измены себе. Поэтому его суд – отечески милующий, дарующий возможность раскаяться – и над собой. Возможность покаяния влечет автора больше, чем допущение отравления. Он исходит из «признаний» Сальери, жрец близок к саморазоблачению (знак напряжения, создаваемого со-вестью; вновь тема совести, зверя когтистого). Во фразе автора о Зависти нет утверждения, что отравил. Ю. Чумаков ее интерпретирует сугубо психологически. Он, вопреки себе же, сближает текст и жизнь. На деле связь между репликой поэта и его пьесой более сложная. Слух – одно, восприятие его – другое, а текст – это третье; их связь опосредо-

вана целью, несводимой к суду над реальным Сальери.

Из смешения *потенции* и *реализации* вырастает ложный прием расширения, варьирования смыслов. *Вероятность* для исследователя играет непомерно большую роль, к ней он сводит все творчество. На деле в творчестве, будто бы определяющемся воображением, оно вполне факультативно, а не доминантно. Допущение, *вероятие*, *домысел*, фантазия – лишь орудие и материал, а не цель. История и поэзия не тождества (в «Истории пугачевского бунта» и «Капитанской дочке» образ Пугачева различен). В живом критерий цены не работает, а ценностный подход необходим; но работает в неценовом ракурсе. Как заметил Мандельштам: «Не сравнивай, живущий несравним». Поэт разделял условное и безусловное. Он не смешивал историю и миф, правду жизни и правду образа, ни одной из сторон не отдавал предпочтения, каждой отводя ее место. Потому Чумаков неправ там, где, обыгрывая ситуацию, до беспредела расширяет ее смысл, потенции. Тем более он нарушает мысль автора, когда предполагает влечение гения к смерти, реализованное им через злодея. *Все мне позволено, но не все полезно*, сказал бы апостол Павел. Добавляют ли что к нашему пониманию Поэта экзистенциально-фрейдистские интуиции? Они чаще говорят о нас.

Будем исходить из последствий допущения. Если принять версию пушкиниста, Моцарт окажется исчадием ада. Мало того, что он вынашивает мысль о самоубийстве, но еще и осуществляет его руками друга. Тогда он не только богорец, но и негодяй. Можно допустить, что он видит, как Сальери всыпает яд в стакан, но не верит глазам своим. Допущение умысла выпадает из логики пьесы, это плод фантазии. Доказательства в пользу такой версии натянуты.

Концепция Чумакова основана на том, что пьесы Пушкина сугубо сценичны, экспериментальны в сфере театра. Но у поэта – синтез двух образов – слова и жеста, при доминанте слова. Если в тексте нет намека на знание Моцартом замысла Сальери, то его не должно быть и на сцене. В тексте есть нарастание тревоги от предчувствия смерти.

У поэта воображение выступает сферой, объектом, мотивом, формой искушения и искупления. Потому наше молитвословие, в отличие от католического, предостерегает от «воображения» Того, Кому молятся, чтобы не воздать хвалу Его антиподу. С *чудовищами* воображения «духовной жаждой томимый» поэт боролся самоотверженно. Его «сны поэзии святые» не отменяют трезвения, свободы как ответственного выбора. В драме показано искушение «малых сих» (мотив *детскости*) формой, гармонией, и Завистник оказывается соразмерен своим предшественникам.

В героях Пушкина обычно подчеркивают их антагонизм, якобы фиксированный уже заглавием. Но и в дилемме «гений и злодейство» союз «и» выступает противительным и соединительным; лица оказываются взаимозамещаемы. В пьесе есть динамическое равновесие ценностей, нетождественное моральному релятивизму, но отражающее двуединство поврежденного «как бы двойного бытия». Бинарные герои являют обоюдность жизни и смерти, социального и музыкального творчества, условность искусства как «правды» о мире. За их тревогой, вызванной столкновением разных *правд*, автор угадывает Истину и передает незблемый покой Ее пребывания в мире. Пушкин, при его суеверии в быту, менее всего мистик в поэзии, скорее он скептик. Ему нужны реальные факты, твердые доказательства. И сюжет Моцарта и Сальери он использует, не выводя из него концепцию бытия. Как художник он реалист.

Конечно, дело не в «двузначности» лаконичной ремарки (не столь и лаконичной и менее всего «двусмысленной») и не в том, «демонстрацию» или «тайнодействие» осуществляет Сальери. Дело в противоположности мировоззрения и метода в подходе к природе образа, к пониманию роли автора, формы проявления его позиции в тексте, в способе выявления его отношений с жизнью. А этого обычно касаются вскользь. Мы решаем тему *поэзии и правды* на уровне сюжета, жанра, через связь автора с героем.

Встает вопрос: кто же из двух – в фокусе внимания автора? Бросается в глаза, что они – антиподы, архетипно-близнечная пара. Но их отношения инверсированы. Большую часть текста занимают монологи-исповеди Сальери, остальное пространство и время отведено обмену репликами; и по сути нет монолога Моцарта, присутствующего на сцене лишь в паре с «другом». Пьеса должна бы называться «Сальери и Моцарт», а то и просто «Сальери». Но на *сцене* за Моцарта говорит его музыка. Сальери многоглаголив и немзыкален. И еще он жалок, что контрастирует с его внешней монументальностью, ведь «жалок тот, в ком совесть нечиста». Лишь при смещении фокуса зрения (а все дело в нем) в пьесе возникает атмосфера «трагической двусмысленности», смешения *всяческой во всем*, зло героизируется.

Сальери выступает как судья: «Я избран, чтоб его остановить», но *остановил* в гуляке упоение даром, поневоле привел его к прозрению.

Вина Сальери в глухоте к Зову: он ложно понял свою роль. Невольная вина Моцарта – в его «незрячести» (олицетворенной «слепым скрипачом»). Но чем глубже он погружается в стихию мелоса, его «сумрак», в мрак небытия, тем тоньше его слух, интуиция, тем явственней звучит в нем Реквием: бурное смятение, мятеж, агония страстей сменяются умирением и покоем. Он

восходит к первозданно родственной ему стихии света. А Сальери обречен на пучину сомнений, свет беспощадной к нему истины оборачивается пламенем преисподней, душевным адом. Каждый получает чаемое, и по заслугам. Но для убийцы последним его вопросом открывается дверь к спасению через покаяние. Воспользуется ли он ею? Здесь зачин иного сюжета. Моцарта можно было бы назвать Женихом, а Сальери – другом Жениха, Предтечей, если б коллизия не была обратной проекцией Искушения.

Свт. Игнатий (Брянчанинов) отмечал, что «искусства возвысились до высшей степени в изображении страстей и зла» [2; 280]. Пушкин не поэтизирует зло, а исследует; у него «обаяние зла» – черта не онтичная, а экзистенциальная; когда в бытии завелась гниль. И опять парадокс: в фокусе внимания автора – Сальери, а родственен ему – Моцарт, смещенный в тень, бросающую на него «другом» (во 2-й сцене «солнечный» Моцарт уже «пасмурен»). Нота тревоги, нарастающая во 2-й сцене и разрешающаяся исполнением Реквиема, исходит не столько от Сальери (угроза гибели), сколько зарождается в самом Моцарте до возникшей коллизии («недели три тому»). Сальери – не источник, а олицетворение безликого зла («черный человек», «тень»). Поэт пояснял: «Суть в нашей душе, в нашей совести и в обаянии зла», подтверждая опыт аскезы как личный. В сгущающейся тьме, взорванной аккордами Реквиема, слепой гений прозревает, а глухой

злодей внимает Зову, что скрыт в мелосе. «Жажда смерти» (своей-чужой), что мучила Сальери, созвучна «охоте к рифмам», нашедшей на Вальсингаме. В драме заложен заряд торжества над смертью, что не уступает Реквиему; древние не знали столь очистительной мощи трагедий. Это итог слышания Зова.

Новый тип драмы дает полифонию, жанровый синкретизм в прозе (Достоевский), ориентированной на драму, в свою очередь, переводящую конфликт в план повествования. Рождается образ, сближающийся с «безобразьем» прозы жизни (монтаж, коллаж художественной документалистики) или (при смещении ценностей) пародирующий ее «документированными» фантазмами постмодернизма. Здесь происходит «жанровое» смешение поэтики и онтологии, поэзии и правды, что ведет к их взаимозамещению и взаимотторжению. Осуществляется распад феномена – на имя и вещь, на состояние и процесс. Такова извечная, по Пушкину, оппозиция *жизни и поэзии*.

На экспериментальность пьес Пушкина, подчеркивая их литературную основу, указывал еще Брюсов, вслед за ним – В. Хализев [4] и В. Непомнящий [3]. Ставить их на сцене сложно в силу их лаконизма. Но ради утверждения идеи псевдотворческой свободы актеры на сцене порой игнорируют здравый смысл, волю автора (Пушкин им тесен!). Так мировосприятие диктует методы анализа, влияет на его выводы, формирует квазикультурные клише.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 11.
2. Брянчанинов, свт. Игнатий. Христианский пастырь и христианин-художник // Богословские труды. Сб. 32. М.: Изд-во Патриархии, 1996. С. 278–281.
3. Непомнящий В. «Наименее понятый жанр» // Непомнящий В. Поэзия и судьба. М.: Сов. писатель, 1987. С. 261–308.
4. Хализев В. «Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина в свете теории личности XX в. // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 138–155.
5. Чумаков Ю. Без назв. // «Моцарт и Сальери», трагедия Пушкина. Движение во времени. Антология трактовок и концепций от Белинского до наших дней. М.: Наследие, 1997. С. 605–636.

МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА БАБАЛЫК

преподаватель кафедры литературы историко-филологического факультета, Карельская государственная педагогическая академия
mablik@ya.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ АПОКРИФА «БЕСЕДА ТРЕХ СЯТИТЕЛЕЙ»

Статья посвящена популярному на Руси апокрифу «Беседа трех святителей», сохранившемуся в большом числе списков и содержащему многочисленные заимствования из разных произведений византийско-русской книжности и фольклора. Устанавливается источник одного из фрагментов этого апокрифа в сочинении русского книжника XVI века Ермолая Еразма.

Ключевые слова: древнерусская книжность, апокриф «Беседа трех святителей», проблема литературных источников, Ермолай Еразм

«Беседа трех святителей» – популярный на Руси апокриф на библейскую и историко-церковную тему, построенный в вопросно-ответной форме. Часто вопросы и ответы «Беседы трех святителей» изложены в рукописях от лица трех прославленных вселенских святителей-богословов IV века – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Такое указание на авторство является ложным: использование в апокрифе имен трех святителей придавало произведению авторитет и достоверность. Самые ранние русские списки «Беседы трех святителей» датируются XV веком. Число источников апокрифа во всех вариантах текста велико. Данная статья посвящена лишь одному из них.

«Беседа трех святителей» родилась из множества тематически близких друг другу вопросно-ответных памятников, бытовавших в греческих, латинских и южнославянских рукописях. С развитием текста на русской почве в апокриф постепенно проникали новые заимствования. Многие источники «Беседы трех святителей» достаточно хорошо прокомментированы исследователями. В ее тексте можно встретить фрагменты из апокрифической книги Бытия, толкования на Псалтырь, книг Премудростей Соломона и Иисуса сына Сирахова, толкования на Евангелия, Апокалипсис Иоанна Богослова [5; 42]. Среди источников «Беседы трех святителей» называют также апокрифы об Адаме, Моисее, Давиде, о крестном древе, «Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской», «Вопросы Иоанна Богослова Аврааму о праведных душах», «Вопросы Иоанна Богослова Аврааму на Елеонской горе», «Варфоломеевы вопросы», «Прения Панагиота с Азимитом», «Луцидариус» и многие другие [5; 43], [1; 136–141]. Основной круг фольклорных заимствований в апокрифе обозначил Ф. И. Буславев [3]. Среди фольклорных жанров особенно популярными в «Беседе трех святителей» оказались загадки и притчи. В поздних русских списках апокрифа достаточно велико число собственно

русских заимствований из вопросно-ответных текстов толкового характера, бытовавших в виде отдельных статей в толковых сборниках [6; 113–143], [1; 143–160].

Из поздних русских заимствований хотелось бы обратить внимание на произведение, о котором еще не писали как об источнике «Беседы трех святителей». В некоторых списках апокрифа встречаются следующие сочетания вопросов и ответов: «Вопрос: что есть на земли всего честнейши? Ответ: Христово Рождество, яко человек человеком родися плотию. Вопрос: что есть на земли скорбнейше? Ответ: Христа Бога нашего страсти, смерть и погребение от века. Вопрос: что есть на земли от века сего вечнейше? Ответ: Христово крещение, яко от Отца с небеси гласом свидетельствована о Христе и Дусе Святем сниде нань» (Барсов-177¹, л. 19–19 об.; ОП-1089, л. 37–52 об.; Маслов-22, л. 7–21; Киж-4261/4, л. 1–37). Несколько иное сочетание похожих вопросов и ответов встречается в рукописях КПЛ-366 (в тексте-дополнении, примыкающем к «Беседе трех святителей» на л. 307–309), Муз-1411 (л. 31–49), КГМ-26861 (л. 79–84). В свое время на подобные вопросы в одном из списков «Беседы трех святителей» обратил внимание А. С. Архангельский: «Что есть на земли от века всего смиреннейши?», «Что на земли всего честнейши?» и «Что есть всего светозарнейши?» [1; 109], но исследователь не прокомментировал данный текст. Не нашли мы комментария к нему и у других исследователей. Принадлежность этих вопросов одному тексту-источнику, откуда «Беседа трех святителей» их почерпнула, не вызывает сомнений благодаря их языковому единству (использование грамматической превосходной степени). Укажем источник этого заимствования.

В рукописи XVII века РНБ, собрание Погодина, № 1613, содержатся разнообразные статьи толкового содержания. В ней помещены, в частности, следующие сочинения, выписки из которых встречаются в «Беседе трех святителей»: толко-

вания икон, «Толкование церкви Святыя Софии», «Толкование о неразумных вещах и о словесах мудрых», толкование на Псалтырь («Что есть горы высокия еленем?»), «Что есть камень прибежище зайцем?» и др.), вопросы и ответы о злой жене, текст из «Диалога Василия и Григория» с инципитами «Василий рече» и «Григорий рече» и прочие сочинения. Среди этих сочинений на л. 20 об.–22 находится и вопросно-ответный памятник, озаглавленный «Беседа», в котором повествуется о Христе. Поскольку этот текст представляет несомненный научный интерес, приведем его целиком:

«/(л. 20 об.) Вопрос²: что есть на земли от века всего смиреннейши? Ответ: Христово воплощение, яко превышний Бог сниде и Свое создание матери Себе сотвори. /(л. 21) Вопрос: что есть на земли от века всего честнейши? Ответ: Христово рождество, яко Бог человеком родился плотию. Вопрос: что есть на земли от века всего вернейши? Ответ: Христово крещение, яко Отец с небес человеком свидетельство о Христе и Дух Святыи сниде на нъ. Вопрос: что есть на земли от века светозарнейши? Ответ: Христово преображение, апостоли бо от света не терпяше падоша. Вопрос: что есть на земли от века всего скорбнейши? Ответ: Христа Бога нашего страсти, смерть и погребение. Вопрос: что /(л. 21 об.) есть на земли от века всего радостнейши? Ответ: самоластное плотию воскресение, понеже Сам плотию воскре се и вознесе, может и угождших Ему воскресити и вознести. Вопрос: что есть на земли от века всего славнейши? Ответ: шествие Святаго Духа на апостолы, яко всех стран людие слышаху, апостолы же странными языки Бога в Троицы проповедующих. Вопрос: что есть на земли от века всего страшнее? Ответ: Второе Христово при/(л. 22)шествие, всяк бо узрит, вся стихия изменяема и Бога открывающаяся во тмах сил ангельских со гневом; аще ли бы тогда была вторая смерть, весь мир вкупе умерли бы. Вопрос: что есть на земли всего надежнейши? Божественная заповедь, и яко сохраниши их приведут к Богу во свет немерцающий, и радость неизрицаемую, и живот безконечный».

Еще один, более ранний, список этого сочинения был опубликован недавно Т. Р. Руди [7; 264] в статье, посвященной сборнику произведений древнерусского книжника Ермолая Еразма, известного прежде всего как автор Повести о Петре и Февронии Муромских (сборник 60-х годов XVI века, РНБ, Софийское собрание, № 1296). Атрибуцией этого текста занимался А. И. Клибанов. Исследователь высказал вполне аргументи-

рованное предположение, поддержанное и Т. Р. Руди, о том, что сочинение «Беседа» принадлежит перу Ермолая Еразма [4; 178–207].

«Беседа» охватывает девять вопросов из области христианского вероучения: воплощение Христа, его рождение, крещение, преображение, смерть, воскресение (и вознесение), сошествие Святого Духа на апостолов, второе пришествие Христа и его заповеди. Те же вопросы и в таком же порядке рассматриваются более подробно и в предыдущих сочинениях «софийского» сборника [4; 179]. Ермолай Еразм, таким образом, составил вопросно-ответный конспект предыдущих своих сочинений, изложив их в «Беседе» в более доступной для понимания форме.

Итак, несколько приведенных выше вопросов из «Беседы трех святителей» оказались ничем иным, как выписками вопросов и ответов из сочинения Ермолая Еразма. Эти заимствования были вставлены в текст апокрифа не механически. В большинстве списков «Беседы трех святителей» они образуют некое тематическое единство с окружающими их вопросами и ответами. Предваряет их в «Беседе трех святителей» вопрос: «Что у Бога без меры, а что есть в меру? Ответ: милость Божия без меры, а казнь в меру» (Барсов-177 и др.). Замыкает – блок вопросов и ответов об Иуде Предателе: «Вопрос: на коликих сребреницах предаде Июда Господа нашего Иисуса Христа? Ответ: на тридесяти сребреницах. Вопрос: во одном сребренике колико литр? Ответ: в сребренике стоит 12 литр. Вопрос: что одна литра держит? Ответ: 60 рублей. Вопрос: в тридесяти сребреницах много ли всех литр? Ответ: в тридесяти сребреницах литр 366. Вопрос: что всего в литрах денежного щету? Ответ: в литрах по нашему русскому 128 тысячь рублей, а весом тянет сто пуд. Вопрос: кто женившийся на матери? Ответ: Июда Исыкариотский» (Барсов-177 и др.) (подробнее об источнике этого вопроса см. [2]).

Вопрос о милости «без меры» намечает тему Божьих качеств как высшей степени совершенства – заимствования из сочинения Ермолая Еразма являются логическим ее продолжением. С другой стороны, те же заимствования подчеркивают тяжесть преступления Иуды: ведь последний предал на великую скорбь Честнейшее и Вечнейшее.

Представленный фрагмент «Беседы трех святителей» может служить примером того, как в результате компиляции заимствования из литературных источников обретают в апокрифе новые смысловые нюансы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Для удобства чтения шифры рукописей приводятся в сокращенном варианте, список условных обозначений прилагается к данной статье.

² Слова «вопрос» и «ответ» в рукописи сокращены до букв «В» и «О», которые помещены в круги.

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Барсов-177 – Российская государственная библиотека, собрание Барсова (ф. 17), № 177, 1-я половина XIX в.
КГМ-26861 – Карельский государственный краеведческий музей, КГМ-26861, конец XVIII века.
Киж-4261/4 – Музей «Киж», КП-4261/4, начало XX века.
КПЛ-366 – Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. Вернадского, собрание Киево-Печерской лавры, № 366, конец XVII века.
Маслов-22 – Институт русской литературы, собрание Маслова, № 22, середина XIX века.
Муз-1411 – РГБ, Музейное собрание (ф. 178), № 1411, 1-я треть XVIII века.
ОП-1089 – РГБ, собрание отдельных поступлений (ф. 218), № 1089, 2-я четверть XIX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных изучений. Ч. I–II. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1889. 228 с.
2. Бабалык М. Г. Библейские персонажи в древнерусском апокрифе «Беседа трех святителей» // Православие в Карелии: Материалы III региональной науч. конф., посвящ. 780-летию крещения карелов (16–17 октября 2007 года). Петрозаводск, 2008. С. 247–254.
3. Буслаев Ф. И. Древнерусская народная литература и искусство // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1861. Т. 2. 429 с.
4. Клибанов А. И. Сборник сочинений Ермолая Еразма // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 16. С. 178–207.
5. Мочульский В. Н. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава: Тип. М. Земкевича, 1887. 256 с.
6. Мочульский В. Н. Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности. Одесса: Тип. Штаба Войск Одесского военного Округа, 1893. 285 с.
7. Руди Т. Р. «Малая трилогия» Ермолая Еразма // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Наука, 2010. Т. 61. С. 219–264.

ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ

аспирант кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
dkunilsky@mail.ru

ПЕРВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДОСТОЕВСКОГО В СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ КРИТИКЕ

В статье проанализированы славянофильские отклики на дебютные произведения Ф. М. Достоевского. При этом рассматриваются критические работы как собственно славянофилов (К. С. Аксаков, А. С. Хомяков), так и литераторов их круга (С. П. Шевырев). В совокупности исследуются причины, повлиявшие на неблагоприятное мнение славянофилов о творчестве молодого Достоевского. Необходимый историко-литературный контекст создается путем сопоставления позиции славянофилов со взглядами В. Г. Белинского и В. Н. Майкова.

Ключевые слова: критика, славянофилы, натурализм, гуманизм, филантропическая тенденция, анализ, синтез

Анна Григорьевна Достоевская вспоминала, что отзывы критиков в большинстве своем сильно огорчали ее мужа: «Для Федора Михайловича всегда было чрезвычайно дорого сочувствие публики, так как она одна только его и поддерживала своим вниманием и сочувствием во все время его литературной деятельности. Критика же (кроме Белинского, Добролюбова и Буренина) очень мало в те времена сделала для выяснения его таланта: она или игнорировала его произведения, или враждебно к ним относилась» [7; 250]. Славянофилы не были здесь исключением: пристрастно оценив дебютные произведения молодого автора, они в дальнейшем весьма скупотомечали Достоевского. Что именно не понравилось славянофильским критикам в первых художественных опытах Достоевского, нам и предстоит выяснить.

В поле зрения славянофилов Достоевский попал с самых первых шагов своей литературной деятельности. Еще в 1845 году Иван Аксаков сообщил родным, что «Отечественные записки» «нашли новую звезду, какого-то Достоевского, которого ставят чуть ли не выше Гоголя, находя в Гоголе много славянофильского духа» [1; 237]. Это было сказано до появления «Бедных людей», вызвавших отклики славянофилов и близких им литераторов. В рецензии на «Петербургский сборник» (Москвитянин. 1846. № 2. С. 163–191), рассматривая «Бедных людей» как подражание Гоголю, С. П. Шевырев все же отметил «в новом повествователе наблюдательность и чувство» [16; 228]. Особые замечания Шевырева вызвала «филантропическая сторона» произведения, оказавшаяся, по его словам, «заметнее, чем художественная» [16; 229]. В той же статье он резко критически отнесся к повести «Двойник», объяснив неудачу условиями журнальной работы, которые заставили автора поспешить с публикацией: «Мысль обнаруживает талант наблюдательный. Но беда таланту, если он свою художественную совесть привяжет к срочным листам журнала,

и типографские станки будут из него вытягивать повести. Тогда рождаются могут одни кошмары, а не поэтические создания» [16; 231]. Вслед за этим в «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год» (М., 1847. Критика. С. 1–44) выходят «Три критические статьи г-на Имрек» К. С. Аксакова, где также предлагается разбор произведений Достоевского.

«Бедные люди» вызвали у К. Аксакова противоречивые чувства: он как будто не успел разобраться в своих впечатлениях от романа и потому еще колеблется в оценках¹. Указания недостатков сменяются сдержанными похвалами и наоборот. За рядом технических замечаний, связанных с эпистолярной формой романа (она «сама по себе неудобная» и «неверно выполненная»), особенностью речи Девушкина (чиновник «мог говорить точно так», но «он никогда не писал так; так может писать сочинитель, поставивший вне себя описываемое лицо...») [2; 137], следует попытка разобраться в том, насколько молодой автор талантлив и оригинален. Главным критерием здесь выступает гоголевская «Шинель», «способная переродить человека», но не оставляющая по себе «тяжелого впечатления». Неудивительно, что в представлении такого страстного почитателя гоголевского творчества, каким был Аксаков, «Бедные люди» должны были во многом уступать «Шинели». В отличие от Гоголя, Достоевский, по мысли автора статьи, не смог подняться над изображаемой жизненной ситуацией и слишком близко подошел к своим героям: «Картины бедности являются во всей своей случайности, не очищенные, не перенесенные в общую сферу. Впечатление повести тяжелое и частное, потому проходящее и не остающееся навсегда в вашей душе» [2; 139]. По мнению К. Аксакова, безусловного наличия художественного таланта за Достоевским признать нельзя, но в отдельных местах романа, «истинно прекрасных», таких как воспоминания Вареньки Доброселовой, эта черта все-таки проявляется. Подводя итог своим

размышлениям о «Бедных людях», К. Аксаков писал: «Мы еще не знаем, что будет вперед, и не можем, судя по первой повести (хотя говорится, что видна птица по полету), сказать решительно: нет, г. Достоевский не художник и не будет им. Надо подождать, что будет далее» [2; 142].

Ниже К. Аксаков раскритиковал «Двойника», назвав его сначала прямым подражанием Гоголю, а вскоре и совсем умалив самостоятельное значение повести: «...г. Достоевский постоянно передразнивает Гоголя, подражает часто до такой степени, что это выходит уже не подражание, а заимствование» [2; 143]. В «Двойнике» славянофильский автор не заметил «ни смысла, ни содержания, ни мысли – ничего»: «Неужели это талант? Это жалкая пародия; неужели что-нибудь может возбудить она, кроме скуки и отвращения?» [2; 143, 144]. В доказательство сказанному К. Аксаков сам очень удачно пародирует стиль Достоевского: «Приемы эти схватить не трудно; приемы-то эти вовсе не трудно схватить; оно вовсе не трудно и не затруднительно схватить приемы-то эти...» Несоответствие «Двойника» дебютному произведению Достоевского побудило Аксакова признать отсутствие у автора «поэтического таланта» и в заключение произнести задевающую самолюбие молодого писателя фразу: «Недолго польстил надеждою г. Достоевский; скоро обнаружил он себя» [2; 144]².

Известно еще одно высказывание К. Аксакова о Достоевском, тоже весьма насмешливое и даже ехидное. Оно содержится в ненапечатанной при жизни автора работе «Письма о современной литературе» («Письмо I-ое»). Публикатор датирует это письмо концом 1849 – началом 1850 года [12; 500], следовательно, оно было написано, когда дело петрашевцев уже получило огласку, – вероятно поэтому К. Аксаков не называет имени политического преступника Достоевского, а лишь намекает на него. Одним из неудавшихся проектов натуральной школы славянофильский автор считал ошибочное, на его взгляд, выдвижение на первые роли автора «Бедных людей» и «Двойника»: «Они было вздумали выдвинуть и Гения, но этот г. Гений, угаданный критикою московской, скоро так отличился в своих сочинениях, что и хвалители его замолчали. Что делать!» [2; 200]³.

Резкие слова К. Аксакова, конечно, были вызваны не только художественными недостатками произведений Достоевского. Важную, а быть может, даже решающую роль сыграла близость молодого писателя к кружку Белинского, его партийная принадлежность. Еще И. И. Замотин отмечал, что «говоря о Достоевском, критика со роковых годов... соединяла его “натурализм” с западной тенденцией, хотя и не высказывала на этот счет каких-либо определенных суждений» [10; 15]. Белинский и «сочувствующая» ему критика («Отечественные записки», «Финский вестник») главную мысль «Бедных людей»

определили как гуманизм, или «отображение русской общественной неурядицы», что было принято считать «характерным признаком западной идеологии» [10; 15–17]. На языке славянофилов тот же самый гуманизм обозначался иначе – сначала С. П. Шевырев, а вслед за ним и К. Аксаков писали о выразившейся в «Бедных людях» филантропической тенденции. Соответственно, если одни хвалили Достоевского за удачную постановку социальной проблемы, правдивое изображение человеческих страданий⁴, то другие подчеркивали идейную заданность «Бедных людей», снижающую художественный уровень произведения. Так, по мнению Шевырева, филантропическая тенденция, которая «забрела в нашу словесность из чужих», есть просто дань моде, обычное желание подражать западным образцам. Но вместе с тем эта тенденция подменяет собой «высочайшую христианскую добродетель – любовь к ближнему», делает из любви «знамя, из людей человеколюбивых – свою партию», в чем Шевырев усматривает симптомы опасной общественной болезни. Автор «Бедных людей», как полагает критик, мог бы почерпнуть из «более чистого источника», минуя модные тенденции, запечатлеть в своих героях и в отношении к ним «добродетель вечную», христианское человеколюбие [16; 229]. С этим согласился К. Аксаков, не обнаруживший в «Бедных людях» «бесцельного творчества», что, на взгляд критика, также объяснялось филантропической тенденцией, помешавшей «произведению быть изящным» [2; 139].

Искомые идеалы ранее уже были воплощены в творчестве Гоголя, его петербургских повестях, и прежде всего в «Шинели», которая являлась для критиков славянофильского направления своего рода «мерилом художественного совершенства» [6; 173]. Помимо обвинений в подражательности, высказанных Шевыревым и К. Аксаковым в адрес «Бедных людей», внимание останавливает еще один момент, затронутый рецензентами. Гоголь в своих произведениях, как считали славянофилы, находился в сколь это было возможно правильном положении относительно изображаемой им современной русской жизни, особенно «высших» слоев общества: подобно своим оппонентам из западного лагеря, славянофилы среди прочего ценили тот же самый социальный протест гоголевских творений – вот почему и те, и другие не приняли «Выбранных мест из переписки с друзьями», где с полной силой высказались монархические взгляды Гоголя. Об этом прямо сказал Иван Аксаков: «Досадно только, что помещено письмо о доме Романовых и государе» [1; 345]. Почему же тогда «Бедные люди», получившие высокую оценку у радикально настроенных западников, не встретили должной поддержки в славянофильских кругах?

Дополнительный свет на эту проблему проливают высказывания А. С. Хомякова, одно из которых посвящено непосредственно «Бедным людям». В статье «О возможности русской художественной школы», помещенной в том же «Московском сборнике», что и цитированная работа К. Аксакова, Хомяков мимоходом коснулся «Бедных людей», заметив, что причина всех страданий чиновника Девушкина сокрыта в его нелюбви к простому народу, «презрении... к мужику и бабе» [15; 156]. Такое мнение в контексте программного документа славянофильской партии, где говорилось о необходимости «живого соединения» и «общения» с народом («мы должны... слиться с жизнью Русской земли»), выглядит весьма примечательным. «Презрительные» слова Девушкина о деревенской жизни («там степь, голая степь... Там ходит баба бесчувственная да мужик необразованный, пьяница ходит» [8; 107]) свидетельствуют, по мнению Хомякова, об огромной дистанции между разными слоями русского общества, препятствующей развитию национального искусства и просвещения. В этой связи характерна сама принадлежность Макара Алексеевича к чиновничьему аппарату, что было маркировано Хомяковым: «Иные... ругаются над неученою Русью, как чиновник в повести Достоевского» [15; 156]. Изображение чиновника, который «есть нечто посредствующее между просвещением и жизнью, впрочем, не принадлежащее ни тому, ни другому», отдавалось славянофилами в прерогативу Гоголю, «художнику, созданному жизнью», имевшему «право понять и воплотить мертвенность этого лица в... неподражаемые образы Дмухановского и других». «Но это право, — замечает Хомяков, — нисколько не принадлежало его подражателям — литераторам, созданным или воспитанным чужеземною образованностию. Такова причина, почему и подражания их, несмотря на талант писателей, выходят такими бледными и бессильными» («Мнение русских об иностранцах», 1846) [15; 131]. По той же причине насмешку над чиновником мог допустить в своих произведениях только Гоголь с «его глубокой, хотя добродушной и беспечной иронией»; но последователи Гоголя, немногим, как казалось Хомякову, отличавшиеся от своих героев, не должны были смеяться над ними.

Достоевский, наделивший Макара Алексеевича не только смешными, но и многими симпатичными чертами, пошел дальше Гоголя и тем самым составил конкуренцию художнику, который, по мнению славянофилов, был вне конкуренции. Более того, благородство и доброта, свойственные рядовому чиновнику Девушкину, отличают и его начальника, что резко контрастирует с образом «значительного лица» в гоголевской «Шинели». Это остро почувствовал К. Аксаков, выделивший «ироничным» курсивом ха-

рактеристику «его превосходительства»: «Макар Девушкин обиделся не только за бедного чиновника, он обиделся и за его превосходительство. Надо прибавить, что его превосходительство выставлен у г. Достоевского человеком благороднейшим — *превосходным*» [2; 142]. Получалось, что Достоевский в «Бедных людях» был слишком снисходителен к чиновникам (порождению петровской цивилизации) и вместе с тем вкладывал в уста своего героя непочтительный отзыв о простом народе, что не могло понравиться славянофилам⁵.

Другая важная деталь, теперь уже касающаяся творческого метода писателя, также должна была вызвать неодобрение со стороны славянофилов. В известном письме к брату от 1 февраля 1846 года Достоевский передавал мнение, определявшее особенность его таланта: «Во мне находится новую оригинальную струю (Белинский и прочие), состоящую в том, что я действую Анализом, а не Синтезом, то есть иду в глубину и, разбирая по атомам, отыскиваю целое, Гоголь же берет прямо целое и оттого не так глубок, как я» [9; 118]. Об этом, подчеркивая различия между Гоголем и Достоевским, в статье «Нечто о русской литературе в 1846 году» говорил Валериан Майков: «...в “Бедных людях” интерес, возбуждаемый анализом выведенных на сцену личностей, несравненно сильнее впечатления, которое производит на читателя яркое изображение окружающей их сферы. И чем больше времени проходит по прочтении этого романа, тем больше открываешь в нем черт поразительно глубокого психологического анализа» [13; 180]. Но если для Майкова доскональный анализ внутренней жизни человека, обилие в произведениях Достоевского «психологических черт необыкновенной тонкости и глубины» [13; 181] составляли очевидное достоинство молодого автора, то славянофилы, конечно, придерживались иного мнения.

В написанном через десять лет «Обозрении современной литературы» об опасности чрезмерного самоанализа К. Аксаков будет предупреждать уже другого молодого художника, Льва Толстого: «Анализ гр. Толстого часто подмечает мелочи, которые не стоят внимания, которые проносятся по душе, как легкое облако, без следа; замеченные, удержанные анализом, они получают большее значение, нежели какое имеют на самом деле, и от этого становятся неверными» [2; 357]. Самому К. Аксакову потребовалось долгое время и трудная умственная деятельность, чтобы прийти к пониманию опасности такого мировосприятия (в юности оно было ему близко). «Надо меньше заниматься собою, — советует он Толстому, — обратиться к Божьему миру, яркому и светлому, думать о братьях и любить их, — и тогда, не теряя самосознания, станешь и себя видеть и чувствовать в настоящем свете»

[2; 357–358]. Понятно, что мнительные и рефлектирующие герои Достоевского с их страстью болезненного самоанализа неприятно действовали на К. Аксакова, оставив по себе «тяжелое и частное» впечатление.

В противоположность «разлагающему», разрушительному анализу славянофилов, как известно, выдвигали идею синтеза, являвшуюся центральным пунктом их эстетической теории (см. [11; 57–63, 160]). Путем синтеза, основанного на братской любви и примирении, по мысли славянофилов, должно было идти разрозненное русское общество, о чем неоднократно говорилось в работах Хомякова. Синтетический способ изображения жизни противопоставлялся «аналитическому направлению» современной литературы и прежде всего натуральной школы, представителем которой славянофилы считали Достоевского.

В заключение можно отметить следующее. Опубликованные в 1846 году дебютные произведения Достоевского – роман «Бедные люди» и повесть «Двойник» – подверглись суровому разбору в рецензиях Шевырева и К. Аксакова, что во многом было обусловлено близостью молодого писателя к петербургским западникам и натуральной школе. Некоторые особенности поэтики Достоевского сильно противоречили эстетической системе славянофилов: им претила слишком близкая дистанция между автором и изображаемой действительностью, а также творческий метод писателя, определявшийся как чрезмерный анализ внутренней жизни человека. И позднее, уже в 1880-х годах со страниц славянофильской газеты «Русь» еще один критик (И. Павлов) высказался в том же духе о Достоевском, явно находясь под влиянием своих именитых предшественников (см. [14]).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В письме к Ю. Ф. Самарину он высказался более определенно: «Отдельные места прекрасны – точно, но вообще вся повесть нехудожественна, видна цель возбудить участие, что важный недостаток, впечатление повести тяжелое, случайное... Сверх того, тайная нелюбовь к Гоголю при желании подражать ему, и очень часто натянуто внешним образом, прибавляет к неприятному впечатлению» (цит. по: [11; 167]).
- ² Характерно, кроме всего прочего, невнимание К. Аксакова к исторической подоплеке «Двойника», заявленной в нем «петербургской теме», по-своему интересовавшей славянофилов. С. П. Шевырев в своем отзыве все-таки бегло коснулся этой темы, которую, по его словам, «можно было разработать» тщательнее – «она богата» [16; 230–231].
- ³ Любопытно сопоставить эти слова К. Аксакова с восклицанием Белинского: «Надулись же мы, друг мой, с Достоевским – гением!» (письмо к П. В. Анненкову от 15 февраля 1848 года) [5; 713]. Тот же Анненков позднее отмечал: «Но Белинский ошибся: он встретил не новичка, а совсем уже сформировавшегося автора...» [3; 273].
- ⁴ «Честь и слава молодому поэту, муза которого любит людей на чердаках и в подвалах и говорит о них обитателям раззолоченных палат: “Ведь это тоже люди, ваши братья!”», – писал Белинский [4; 131].
- ⁵ При этом Хомяков, видимо, не учитывал, что резкие слова о «мужике и бабе» вырвались у Девушкина в критическую для него минуту расставания с Варенькой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М.: Наука, 1988. 704 с.
2. Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995. 526 с.
3. Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Худож. лит., 1983. 694 с.
4. Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 8. 784 с.
5. Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 9. 864 с.
6. Бочаров С. Г. Переход от Гоголя к Достоевскому // Бочаров С. Г. О художественных мирах. М.: Сов. Россия, 1985. С. 161–209.
7. Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1971. 496 с.
8. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 1. 520 с.
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28/1. 520 с.
10. Замотин И. И. Ф. М. Достоевский в русской критике. Ч. 1. 1846–1881. Варшава: Тип. окружного штаба, 1913. 333 с.
11. Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840–1850-е годы). Л.: Наука, 1984. 196 с.
12. Кошелев В. А. Комментарии // Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995. С. 487–516.
13. Майков В. Н. Литературная критика. Л.: Худож. лит., 1985. 408 с.
14. Павлов И. Братья Карамазовы. Роман Ф. М. Достоевского // Русь. 1880. 29 ноября. № 3. Критика и библиография. С. 17–19.
15. Хомяков А. С. О старом и новом: Статьи и очерки. М.: Современник, 1988. 462 с.
16. Шевырев С. П. Об отечественной словесности. М.: Высш. шк., 2004. 304 с.

ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА МИРОНОВА

научный сотрудник Фонограммархива Института языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН
tutkija@mail.ruСИСТЕМА СТИХОСЛОЖЕНИЯ ЮЖНОКАРЕЛЬСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ПЕСЕН
(на примере руны о сватовстве)

Статья посвящена рассмотрению калевальской поэтической строки, являющейся основой многих архаичных жанров карельской народной поэзии, в том числе карельских рун. Проведенный анализ показывает, что эпические песни Южной Карелии, сохранив основные признаки калевальской метрики, являются наиболее свободными в отношении стихосложения.

Ключевые слова: карельские руны, южнокарельская эпическая традиция, калевальский размер, «перебойные» и «бесперебойные» стихи

Одной из основных особенностей эпических песен всех этнолокальных групп карелов является определенный стихотворный размер, получивший в науке название *калевальская поэтическая строка* или *калевальская метрика*. Помимо карелов, поэзия калевальской метрики известна и другим финно-угорским народам: финнам, эстонцам, води, ижорцам, но не была зафиксирована у саамов и вепсов. В карельской фольклорной традиции калевальская поэтическая строка характерна в первую очередь для рун, также она отмечается в свадебных песнях, заговорах, балладах и исторических песнях. Кроме того, калевальская метрика свойственна пословицам, загадкам и колыбельным песням.

В настоящей статье на основе руны о сватовстве проанализированы особенности стихосложения южнокарельской эпической традиции. Карельские эпические песни сохранили определенные закономерности стихосложения, типичные для поэзии калевальской метрики в целом. В то же время отдельным этнолокальным традициям присуща определенная специфика. При рассмотрении стиха карельских рун следует обратить внимание на языковые основы, прежде всего на систему ударений. В карельском языке (так же, как и в финском) ударение фиксированное, устойчивое и всегда падает на первый слог. Например: *«Iroi néidoi, imbi néidoi – Ирой девушка, непорочная девушка»*. В многосложных словах выделяется как главное ударение, падающее на первый слог, так и второстепенное, которое выпадает на каждый нечетный слог в слове. Например: *«løy-di tand-žoi-huon mä-je-llä» – «нашла она земляничку на горе»*. Вследствие этого общая схема стихотворного размера, основанная на чередовании ударного и безударного слога, не меняется.

Для калевальской метрики характерен восьмисложный стих с хореистической стопой (близкой к четырехстопному хорею). Причем первая стопа наиболее свободна, в ней отмечается трехсложный дактиль, в некоторых случаях даже четырехсложный пеон. Во второй, третьей, чет-

вертой стопах ударный слог должен быть длинным, тогда как слог, находящийся в безударном положении, – коротким [2; 132]. Следует отметить попутно, что в прафинском языке чередование длинных и коротких гласных было возможно только в первом ударном слоге слова. Таким образом, стихи рун относятся к так называемому квантитативному стихосложению, базирующемуся на регулярном чередовании длинных и коротких слогов [1; 150].

Однако при анализе имеющихся вариантов замечаем, что в южнокарельских песнях исполнители не всегда придерживаются этих правил, длинные слоги можно встретить и в безударных позициях, например: *«lä-hti lo-kak-si len-tä-mään» – «и улетела чайкой»*. Последний слог длинный, но он образовался за счет выпадения согласной. Первоначально слово имело форму *len-tä-mä-hän*, в ходе развития языка произошло усечение согласной, и безударный слог, преобразовавшись, стал длинным. Следовательно, развитие языка оказало влияние на изменения в поэтическом строе калевальского стиха.

В южнокарельских вариантах эпических песен нередко можно заметить отступления от правила использовать при пении только восьмисложный стих. В анализируемых текстах встречаются стихи с меньшим количеством слогов, например семью, или, наоборот, идет изменение за счет увеличения количества слогов до тринадцати. Таким образом, размер стиха в текстах, в отличие от беломорских рун, отступает от канонического, он более свободный, основная часть песен тяготеет к увеличению количества слогов в стихе, число слогов может колебаться от восьми до тринадцати.

Особенностью калевальской метрики является отсутствие рифмованного стиха:

Iroi neidoi, imbi neidoi,
eigo syö rugoi-leibeä,
orehillu kynnettydä.
Eigo syö rieskoa maiduo
häkkilöillä häksättydä.

Ирой-дева, непорочная дева,
не ела хлеба
(с поля), жеребцами вспаханного.
Не пила свежего молока
(от коров), быками обгулянных.
SKVR: II. 97, 1–5 [6]¹

Рифмованный стих получил распространение в народной поэзии Финляндии и Карелии только в XVI–XVII веках; произошло это под влиянием соседствующей европейской традиции, тогда же и началось постепенное вытеснение песен калевальской метрики.

В классической калевальской строке всегда выделяется цезура, являющаяся устойчивой и находящаяся за четвертым слогом, чаще всего за вторым двусложным словом. Например: «*se on seppo // Ilmoilline*» – «это кузнец Илмоиллине». Цезура, как правило, не может разделять слово. Подобную позицию она сохранила в большинстве вариантов южнокарельских песен.

Это оказывалось возможным, если исполнители придерживались правила помещать четырехсложные слова в конец стиха, ни в коем случае не в середину; таким образом, граница по центру стиха проходила точно за словом. Обращаясь к грамматике карельского языка, заметим, что преимущество остается за двусложными словами при большом количестве многосложных слов. Исполнители не ограничивали себя в выборе слов и форм, но соблюдали при этом определенный порядок расположения слов в стихе. Анализ текстов показывает, что наиболее длинное и сильное слово помещали, как правило, в конец стиха, только в некоторых случаях для смены ритма – в начало. В южнокарельских текстах появление многосложных слов в начале стиха – явление довольно частое, некоторые стихи могут состоять только из двух многосложных слов:

Vasturann raugumahe,
kattiloita keittämähe,
lusikoita syömähago.
Без котелка варить,
на противоположном берегу кричать,
без ложки есть.

SKVR: II. 95, 138–140

Однако наличие подобных стихов не меняет общего ритмического строя песни, стихи этого типа также являются восьмисложными, с цезурой за второй стопой.

Итак, в эпических песнях значимую роль играет количество слогов в слове. Построение стиха кажется простым и симметричным, если поддерживаются все основные правила: используется только восьмисложный стих, состоящий из четырех стоп, стих делится цезурой на две равные части, каждая из которых включает четыре слога и две стопы. Стихи, в которых первый слог двухсложного или многосложного слова выпадает на начало стопы, называют симметричными,

ровными [3; 32]. Если бы исполнители безукоризненно придерживались этого правила, то в стихах возможно было использование только одно-, двух-, четырех- и шестисложных слов. В финно-угорских языках, в частности в карельском языке, треть приходится на трехсложные слова; возьмем во внимание и различные падежные формы, а также некоторые пятисложные слова. По правилам «калевальского» стихосложения все эти слова не могли употребляться в рунах. Таким образом, большая часть языковых средств выражения просто оказалась за рамками употребления.

На основе этого противоречия возникло явление, получившее в финской фольклористике название «перебойный стих», надломленный стих (*murttelmasäe*). Симметричное построение стиха разбивается, и в песне возникает совсем иное, новое ритмическое и мелодическое явление. Первый ударный слог во многих случаях выпадает на безударную часть стопы. У исполнителя есть возможность выделить или скрыть ударное или безударное положение.

Понятия «перебойный стих» нет в других языках, чьи системы отличаются от карельского или любого другого языка, в котором встречается стих, подобный калевальской поэтической строке. В индоевропейских языках такое явление при стихосложении невозможно.

В беломорской эпической традиции «перебойные» строки встречаются довольно часто. «Их чередование придает калевальским рунам необычно редкий ритм» [4; 20]. Даже в рунах искусных исполнителей, таких как Архиппа Перттунен, подобные стихи не являются уникальными:

1 Niin sano Pohjan akka:
2 «Äsen neitti annetahan,
3 Saanet suuren suomuhauin,
4 Liikkujan kalan lihaven
5 Anopille antamiksi
6 Tuolta Tuonelan jojeltä».
1 Говорит старуха Похьи:
2 «Лишь тогда отдам девицу,
3 Выловишь если большую щуку,
4 Рыбу верткую поймашь
5 На гостинец для свекрови
6 В Туонеле реке широкой».

SKVR: II. 469, 285–290 [5]²

Из шести строчек приведенного примера ровно половина – это неправильный, надломленный стих (1, 4, 6).

При рассмотрении южнокарельских текстов замечаем, что «перебойная» строка встречается в песнях так же часто, как и обычная «бесперебойная» строка:

1 Yks on vanha Väiämöine,
2 toin on nuori Jougamoini,
3 kolmas on seppo Ilmoilline.
4 Suorimmogo sulhasiksi

- 5 Higi Hiijen tyttäreego,
 6 Vägi vuoren vunukkaago.
 7 Valjastammo hirvosen hevosen,
 8 lähemmö ajaa karittamaago
 9 yheksäs on meren ylitti,
 10 puol on merdy kymmenetty
 1 Один – старый Вайнямёйне,
 2 другой – молодой Йоугамойне,
 3 третий – кузнец Илмойллине.
 4 Собираемся свататься
 5 к дочери Хийен Хийси,
 6 к внучке Вяги Вуоры.
 7 Запряжем коня-лося,
 8 станем ехать-постукивать,
 9 через девять морей,
 10 через полморья десятого.
 SKVR: II, 91, 1–10

Обозначим количество слогов в каждом стихе: 1–8, 2–8, 3–9, 4–8, 5–8, 6–8, 7–10, 8–10, 9–9, 10–8 (вторая цифра – количество слогов). Из десяти строк правильную форму, соответствующую восьмисложному стиху с четырьмя стопами, имеют шесть. В четырех случаях замечаем отклонение числа слогов в сторону увеличения, в семи – смещение грамматического ударения. В первой, второй, третьей, седьмой, восьмой, девятой, десятой строчках стопа соединяет части двух разных слов и грамматическое ударение перестает соответствовать ритму стиха. В неправильном «перебойном» стихе цезура в некоторых стихах перестает проходить строго за вторым словом, а может в исключительных случаях делить слово, как, например, происходит в восьмой строчке: «lā-he-mmö a//jaa ka-rit-ta-maa-go» – «станем ехать-постукивать».

В таких случаях «за цезурой не может следовать короткий слог» [2; 133]. В вышеприведенном примере цезура делит слово a//jaa, и действительно, за цезурой следует длинный слог -jaa.

Выделяют три вида «перебойного стиха». В первой группе смещение грамматического ударения происходит один раз и цезура проходит строго за двумя стопами, вторая стопа за-

канчивается словом – это первая, вторая строчки. Следующая группа в какой-то степени похожа на предыдущую: грамматическое ударение смещается один раз, но цезура уже проходит по слову – седьмая строчка отражает данную группу «перебойных стихов». К последней группе относятся стихи, в которых смещение грамматического ударения происходит дважды, – это восьмая строчка из данного примера. В рассматриваемых текстах наиболее распространенным является второй тип неправильного «перебойного стиха».

В целом по всем вариантам соотношение в тексте южнокарельских песен о сватовстве «бесперебойных» и «перебойных» стихов практически одинаковое. Приведенный выше пример раскрывает возможную схему чередования (ПИБ ПБППП (П – неправильный стих, Б – правильный стих)), не подчиненную никаким правилам. Такое чередование не является обязательным и не выстраивает стихи в строфы, исполнитель постоянно импровизирует. В рамках одного неправильного стиха мы также можем заметить некое различие в его построении в зависимости от того, какие слова (одно-, двух-, трехсложные и т. д.) его наполняют. Так, по вышеприведенному примеру можно выделить следующие схемы:

1–1–2–4; 1–1–2–4; 2–1–2–4;
 5–4; 4–3–3; 3–2–5; 3–1–2–3

Заметим, что в «перебойном стихе» практически не повторяются идентичные схемы, исполнитель произвольно выбирает слова, удерживая при этом определенный ритм.

Таким образом, в отличие от севернокарельских рун, южнокарельские эпические песни более свободны при стихосложении: стих меняется за счет увеличения слогов, использования большего количества многосложных слов или различных форм слова, за счет несовпадения грамматического и ритмического ударения. Вследствие этого в текстах просматривается некое преимущество «перебойных стихов».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далее сокращенно SKVR II, затем следует номер текста и номер строк.

² Далее сокращенно SKVR II, затем следует номер текста и номер строк.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тампере Х. Эстонская народная песня / Ред., коммент. И. Рюйтел. Л.: Музыка, 1983. 160 с.
2. Kuusi M. Suomen kirjallisuus. 1: Kirjoittamaton kirjallisuus / Toim. M. Kuusi; kirj. M. Hako. Helsinki: SKS, 1963. 655 s.
3. Laitinen H. Runolaulu // Suomen musiikin historia. Kansanmusiikki / Toim. A. Asplund, H. Laitinen, T. Leisiö, H. Saha, S. Westerholm. Helsinki: WSOY, 2007. S. 14–79.
4. Laitinen K. Suomen kirjallisuuden historia / K. Laitinen. Helsinki: Otava, 1991. 666 s.
5. Suomen Kansan vanhat runot. 1: Vienen läänin runot / Julkaissut A. R. Niemi. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapaino Oy, 1908–1921. Кн. 1–4.
6. Suomen kansan vanhat runot. 2: Aunuksen, Tverin- ja Novgorodin-Karjalan runot / Julkaissut A. R. Niemi. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapaino Oy, 1927. 740 s.

АНГЕЛИНА МИХАЙЛОВНА ДУНДУКОВА
старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
gelya@onego.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПОДГРУППА «ВОДОПЛАВАЮЩИЕ ПТИЦЫ» В «ОНЕЖСКИХ БЫЛИНАХ» А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГА

Статья посвящена описанию лексико-семантической подгруппы «Водоплавающие птицы» в «Онежских былинах» А. Ф. Гильфердинга. Подобный анализ дает возможность не только наиболее подробно и с разных сторон охарактеризовать каждый из компонентов лексической парадигмы, но и выявить его значимость в пределах как одного текста, так и целого текстового корпуса, что при работе с языком фольклора представляется особенно важным.

Ключевые слова: язык фольклора, былина, лексико-семантическая группа, семантика, синтагматика, происхождение, морфемика, словообразование

Изучение системности организации лексики как одного из языковых уровней – сравнительно новое и при этом активно развивающееся направление исследований в современной лингвистике. Принято считать, что наиболее глубоко и всесторонне системный характер лексики может быть выявлен через ее описание с помощью так называемых лексико-семантических групп (ЛСГ) – единств, включающих принадлежащие к одной части речи слова, которые имеют общую категориально-лексическую сему (архисему), отличаются дифференциальными семами и связаны между собой парадигматическими, синтагматическими и деривационными отношениями. ЛСГ входят в состав того или иного лексико-семантического поля (ЛСП) – парадигмы высшего уровня и максимального объема в лексической системе языка. Внутри же самой ЛСГ тоже могут выделяться подгруппы, объединяющие слова, которые, помимо общности архисемы, характеризуются присутствием в своих значениях повторяющихся дифференцирующих сем [3], [9], [15] и пр.

Анализируемая в данной статье лексико-семантическая подгруппа «Водоплавающие птицы» входит (наряду с такими подгруппами, как, например, «Хищные птицы», «Певчие птицы» и т. д.) в состав ЛСГ «Птицы», которая, в свою очередь, является (как и ЛСГ «Млекопитающие», «Рыбы», «Насекомые» и др.) частью ЛСП «Животные». К исследуемой подгруппе, таким образом, будут относиться слова, обозначающие «покрытых перьями и пухом позвоночных животных с крыльями, клювом и двумя конечностями, имеющими перепонки для плавания»¹. В сборнике «Онежские былины» в записи А. Ф. Гильфердинга [5]² лексико-семантическая подгруппа «Водоплавающие птицы» (по количеству словоупотреблений она является самой многочисленной в ЛСГ «Птицы») включает 15 лексем: «гагара» (4)³, «гоголь» (2), «гусёныш» (2), «гусь» (47), «лебедь» (225), «лебёдка» (2), «лебёдушка» (38), «селе-

зень» (3), «утёныш» (5), «утёнышек» (4), «утица» (7), «утка» (2), «уточка» (2), «утушка» (16), «чирка» (1). В современном русском языке эти слова служат для обозначения следующих птиц: гагара (крупная северная водоплавающая птица с густым оперением [5; 124]⁴), гусь (родственная утке крупная дикая и домашняя водоплавающая птица с длинной шеей, 150), лебедь (большая водоплавающая птица семейства утиных с длинной, красиво изогнутой шеей, 320), утка (водоплавающая птица с широким клювом, короткой шеей и короткими, широко поставленными лапами, 843). Остальные лексемы, входящие в лексико-семантическую подгруппу, называют либо отдельные разновидности этих птиц (гоголь – нырковая утка, 135; чирок / *диал.* чирка – мелкая речная утка, 885), либо их самцов / самок (селезень – самец утки, 709; *нар.-поэт.* утица – самка утки, 843; лебёдка, *ласк.* лебёдушка – самка лебедя, 320), либо их птенцов (гусёныш, утёныш, *нар.-поэт.* утёнышек – птенцы гуся и утки соответственно [7; Т. 1, 410, Т. 4, 520]), либо являются уменьшительно-ласкательными названиями этих птиц (уточка, *нар.-поэт.* утушка [7; Т. 4, 520]).

С точки зрения жанровой характеристики тексты, в которых функционируют описываемые лексемы, это былины («Добрыня и Змей», «Дюк», «Михайло Потык» и др. – всего 20 сюжетов); былины-баллады («Хотен Блудович», «Молодец и королевна», «Кострюк», «Братья-разбойники и сестра»), исторические песни («Грозный царь Иван Васильевич», «Гришка Отрепьев», «Прусский король») и былина-скоморошина («Птицы»).

Для слов, входящих в рассматриваемую лексико-семантическую подгруппу, характерны типичные корневые морфемы: *гус-* (гусь, гусёныш), *лебед-* (лебедь, лебёдка, лебёдушка), *ут-* (утка, утёныш, утёнышек, утица, уточка, утушка), имеющие соответственно индоевропейское, общеславянское и исконное происхождение, а также

словообразовательные суффиксы *-ёныш-* (гусёныш, утёныш) и *-ушк-* (лубёдушка, утушка).

С точки зрения семантики и синтагматики наиболее интересными в пределах описываемой подгруппы являются лексемы «лебедь» и «лебёдушка». Они выступают в одинаковых или сходных контекстах и отличаются лишь частотностью употребления (первое слово встречается почти в 6 раз чаще), поэтому в дальнейшем будем рассматривать их вместе. Обе лексемы:

I. Выступая в прямом значении, называют одну из составляющих мира живой природы. 1) Дикую птицу, на которую герои былины едут охотиться, но которая чаще всего по каким-то причинам отсутствует или ее никак не удается подстрелить (40): *Стрелял Илья гусей да лебедей*. <...> *Не мог убить ни гуся, ни лебеда* (Илья Муромец и Идолище, 2, 445, 5). При этом в основном наблюдается сочетаемость с глаголами, обозначающими действия богатыря («стрелять», «бить», «ловить», «заворачивать», «убить», «палить», «не находить», «привезти» и т. д.); есть также 1 случай сочетаемости с глаголом, обозначающим действие самой птицы («лететь»), и 3 – адъективной сочетаемости («белый»). Интересно, что в большинстве примеров (35) с лексемой «лебедь» / «лебёдушка» соседствует лексема «гусь», также обозначающая в подобных контекстах дикую птицу, предмет охоты. Благодаря такому одинаковому употреблению эти слова сближаются в значении и периодически употребляются как нечто единое: *Гуся-лебедя* [неведомые люди] *повыстреляли* (Молодость Чурилы, 3, 228, 42). 2) Домашнюю птицу, которую пасут (5). Стадо этих птиц полностью уничтожает, чтобы привлечь к себе внимание, превращенный Маринкой в тура Добрыня Никитич: *Притоптал же [тур] лебедей всех до единое, не оставил он лебёдушки на симена* (Добрыня Никитич, 1, 127, 104–105); пасти лебедей отправляет Илью Муромца его сын Сокольник, который хочет так оскорбить отца, указав на слишком пожилой возраст родителя и отсутствие у него прежней богатырской силы (Илья Муромец и Сокольник, 2, 281, 34). Сочетаемость в данном случае только глагольная, птица выступает как объект действия («притоптать», «пасти»). Слово «гусь», выступая в аналогичных сочетаниях, постоянно соседствует с описываемой лексемой и в этих примерах. 3) Предмет дани, которую должен заплатить князь Владимир Сорочинскому королю Ботияну Ботиянову за 12 с половиной лет, а позже, наоборот, платит Киеву сам Ботиян (6, причем в таком контексте употребляется только лексема «лебедь»): *А двенадцать лебедей, двенадцать креченей* [послать надо в качестве дани] (Добрыня и Василий Казимиров, 2, 68, 17). Наблюдается постоянная сочетаемость с лексемой «двенадцать», а также глагольная сочетаемость (птица – объект действия: «отвезти», «при-

носить», «положить») и соседство со словом «кречень».

II. Называют блюдо из мяса лебеда, яство, которое на пиру герои «рушают», то есть делят [7; Т. 4, 115] друг с другом, когда все в порядке, или не делают этого, если этот порядок чем-то нарушен (35 случаев): *И белую лебедь оны [богатыри] рушают* (Сухман, 1, 568, 12). Сочетаемость у лексемы «лебедь» / «лебёдушка» в таких примерах постоянная: как глагольная (обозначение действия, совершаемого человеком, – «рушать», «есть»), так и адъективная (во всех случаях используется эпитет «белый»).

III. Входит в состав тропа или фигуры: 1) элемент отрицательного параллелизма (4): *Не ясен сокол да напукает на гусей на лебедей да на малых перелётных на серых утушек, напукает-то богатырь святоруськая а на тую ли на силу на татарскую* (Илья Муромец и Калин царь, 2, 26, 361–364); 2) элемент сравнительного оборота (2): [В погреб висят три бочечки], *будто белыи лебёдушки разговаривают* (Дюк, 1, 266, 149); 3) является метафорой (1): *А й за столом-то сидел прусский король белой лебеди* [т. е. «лебедью»] (Прусский король, 3, 45, 18).

IV. Обозначает героя. 1) Частично антропоморфный персонаж, птицу, которая выступает в роли, присущей человеку (4): Лебеди на море были бояра (Птицы, 2, 378, 49). В других вариантах этого сюжета высокое социальное положение в птичьем мире, выступающее калькой с мира человеческого, у лебедей также сохраняется: они являются «боярицкими жёнами» или «княгинями». 2) «Лебедь» / «лебёдушка» / «лебёдка» – символическое обозначение девушки или молодой женщины (16): *А й да белая лебёдка со двора сошла* [Имеется в виду жена Добрыни Настасья Микулична] (Добрыня и Алеша, 3, 124, 208). Подобное употребление вполне ожидаемо: лебедь в славянской культуре – ярко выраженный женский символ [6; 677–680], знак женской красоты, любви, нежности, верности⁵. В текстах «Онежских былин» этот образ используется для номинации любой молодой представительницы женского пола вне зависимости от морально-нравственных качеств героини: это может быть и верная жена (возлюбленная), и изменщица. Во всех примерах описываемая лексема сочетается с эпитетом «белый», а также может быть связана со словами «гусь» и «сокол», символически обозначающими героев-мужчин (по одному примеру с каждым из орнитонимов)⁶. 3) «Лебедь» / «лебёдушка» / «лебёдка» – зооморфное воплощение героини, которая умеет превращаться в птицу (20): *Обвернулася она [королевна] да лебедью белою* (Молодец и королевна, 3, 588, 44). В сюжете «Королевичи из Крякова» лебеди выступают в роли волшебных помощников героя, который сначала хочет подстрелить птиц: они дают богатырю совет, куда ехать, чем заняться. Таковую же

функцию в текстах «Онежских былин» выполняет и ворон [8]: обе птицы в народных представлениях являются почитаемыми, священными, тотемными. Следует отметить и то, что лексемы «ворон» и «лебедь» во многих языках обычно этимологизируются как указание на окраску птицы – черную и белую соответственно [16; Т. 1, 353, Т. 2, 470], [17; Т. 1, 166; Т. 2, 471], а эпитеты «черный» и «белый» для этих орнитонимов являются постоянными: определение «белый», например, сочетается со словами «лебедь» / «лебедушка» в этой группе 17 раз.

Однако лексема «лебедь» в текстах сборника А. Ф. Гильфердинга выполняет еще одну, не свойственную словам «лебедушка» и «лебедка» функцию: в былинном сюжете «Михайло Потык» этот орнитоним в сочетании с определением «белая» выступает в качестве постоянного приложения к имени главной героини Марьи, ее прозвища, дополнительного обозначения. Подобное употребление слова «лебедь» – самое частотное в «Онежских былинах» (132), «Марья лебедь белая» – королевична-подолянка, умеющая превращаться в птицу лебедя, – явно отрицательный персонаж. Она становится женой Михайло Потыка, заключив с ним соглашение, по которому один из супругов в случае смерти другого должен последовать за ним в могилу; вскоре после свадьбы Марья умирает, а Потыка хоронят с ней; богатырю удается оживить жену и вернуться вместе на белый свет, но Марья тут же изменяет мужу, убежав с «королём политовским»; Потык пытается вернуть неверную супругу, но Марья, хитростью опоив богатыря сонным зельем, старается вновь известить мужа: превращает его в «бел-горюч камень» или приказывает закопать живым, прибавляет к стене гвоздями и т. д. С точки зрения носителя современного сознания то, что отрицательная героиня постоянно именуется «белой лебедью», кажется странным: символика этого образа в народных представлениях обычно светлая и положительная. Однако если проследить мифологические истоки образа, все становится понятным: Марья – это переосмысленное имя Мары, в славянской мифологии злого духа, воплощения смерти, мора [10; Т. 2, 110], [13; 398–411]. Лебедь же, помимо своей положительной символики, имеет и почти забытую отрицательную⁷: нередко темные силы маскируются образом белого лебедя, лебедь является одним из символов смерти [10; 41], в средневековых bestiariaх лебедь предстает как олицетворение лицемерной души и обманчивого нрава (облик птицы противоречит ее сущности, поскольку ее прекрасное белое оперение скрывает черное мясо [14, 261]); на тесную связь с именем Марьи / Мары, по всей видимости, также повлияло то, что весной эти птицы улетают на север, в страну холода и смерти [13; 402]. А слово «белый», являющееся постоянным эпитетом описы-

ваемого орнитонима (в целом слова «лебедь», «лебедка», «лебедушка» в текстах «Онежских былин» сопровождаются эпитетом «белый» 209 раз, что составляет 79 % от общего числа употреблений этих лексем в сборнике А. Ф. Гильфердинга), называет цвет, который у многих народов был траурным. Неслучайно, вероятно, и то, что «Марья лебедь белая» – «королевна» (это слово характеризует образ в 32 примерах), «подолянка» (3): в былине подчеркивается, что героиня – часть чужого мира. Интересно, что в одном из вариантов сюжета «Михайло Потык», записанном в Толвуде от Андрея Тимофеева, Марья называется не только «лебедью белой», но и «ланью золоторогой» (5 случаев), а лань «во многих мифах представляет собой женскую животную природу потенциального демонического характера» [1; 144], золотая же окраска «есть печать иного царства» [12; 245]. Таким образом, тексты сборника А. Ф. Гильфердинга отражают как женскую, традиционную и известную большинству, так и связанную с чужим миром, миром смерти, почти забытую символику лебедя⁸.

Остальные слова, входящие в лексико-семантическую подгруппу «Водоплавающие птицы», в текстах «Онежских былин» выполняют в основном те же функции, а также имеют те же значения, что и лексемы «лебедь» / «лебедушка» / «лебедка». Значение «дикая птица, на которую охотятся» имеет, как уже было отмечено, орнитоним «гусь»: [Не видал Добрыня] *Не серого гуся пролётного* (Добрыня и Алёша, 3, 220, 125). Эту же семантику имеют слова «утушка» (10), «утица» (7), «утёныш» (5 случаев), «утёнушек» (4), «уточка» (1): *Стрелял Дунаюшка Серых утушок* (Дунай, 2, 730, 3). Значение «домашняя птица» характерно для лексем «гусь» (4), «гусёныш» (2), «утушки» (2): [Сокольник говорит отцу: Пас бы ты, Илья] *Да ведь пернатых серых утушок* (Илья Муромец и Сокольник, 2, 282, 82). Слова «гусь» (2), «утушка» (1), «уточка» (1) входят в состав отрицательного параллелизма, лексема «гоголь» является частью фразеологизма «плыть гоголем», то есть «двигаться величественно, гордо, высоко поднимая нос» [2; 143]: *Ещё горе вслед да гоголем плывёт, и гоголем плывёт, да выговариват* (Горе, 2, 669, 34–35). Слова «гусь» (5), «селезень» (3), «утушка» (2), «утка» (1) служат для обозначения частично антропоморфного персонажа, птицы, которая выступает в роли, присущей человеку: *А гуси-ты на море бояра* (Птицы и звери, 1, 562, 45), или: *Селезни [на море] гости торговые* (Птицы, 3, 516, 49)⁹. Лексема «гусь», как было сказано ранее, 1 раз является символом добра молодца: *А где пал как ведь серой гусь* [там пала и лебедь] (Молодец и королевна, 3, 588, 52), а слово «утушка» в 1 примере обозначает зооморфное воплощение героя-мужчины: [Роман Митриевич умеет] *А й как по синим морям плавать серой утушкой* (Наезд литовцев, 1, 660, 70).

Орнитонимы «гагара» (4), «утка» (1), «чирка» (1) употребляются в контекстах, отражающих внешний вид и особенности поведения этих птиц: «утка» – «сероплавка» (Птицы, 2, 379, 62), «чирка» и «гагара» – «рыболовки» (Птицы, 2, 378, 56 и 3, 516, 51).

С точки зрения синтагматики постоянную адъективную сочетаемость можно наблюдать только у лексем «утёныш», «утёнышек», «утица», «утка», «уточка», «утушка»: эпитет «серый» встречается 24 раза, «малый» – 23, «пернатый» / «пернатый» – 15, «перелётный» – 8, «заморский» – 2, при этом обычно к одному существительному относятся 2–3 прилагательных, например «малые серые пернатые утушки». Слова «гусь» и «гусёныш» имеют эпитеты гораздо реже: «серый» – 5 и «пролётный» – 2 примера, но и в этом случае они употребляются попарно. Глагольная сочетаемость лексем с корнями гус- и ут- почти полно-

стью дублирует подобную сочетаемость слов с корнем лебед-.

Итак, на основании анализа лексико-семантической подгруппы «Водоплавающие птицы», приведенного на материале текстов «Онежских былин», отметим, что компоненты этой парадигмы демонстрируют практически все свойства, которые характерны для подобных единств (например, способность единиц вступать в отношения сопредельности, то есть взаимодополнительности, гиперо-гипонимические отношения, а также отношения подобия и противоположения). Подобный метод работы с лексическим материалом дает возможность не только наиболее подробно и с разных сторон охарактеризовать каждый из компонентов парадигмы, но и выявить его значимость в пределах как одного текста, так и целого текстового корпуса, что при работе с языком фольклора представляется особенно важным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Определение выведено на основании словарных статей «Водоплавающие» и «Птицы» [11; 90, 630].

² Этим изданием сборника мы будем в дальнейшем пользоваться и на него ссылаться: после цитаты, выделенной курсивом, в круглых скобках указываются соответственно название текста, номер тома, страницы и строки; особенности орфографии и пунктуации источника сохраняются; в случае необходимости для облегчения понимания смысла цитаты в квадратных скобках приводятся необходимые пояснения.

³ В скобках рядом с цифрой указано количество словоупотреблений в каждом случае.

⁴ Далее в круглых скобках через запятую после определения указан номер страницы с одноименной статьей в том же издании.

⁵ О том, как возникают в народном сознании такие символы, см., например, [4].

⁶ Таким образом, принадлежащие к одной лексико-семантической подгруппе лексемы «лебедь» и «гусь» в фольклорном тексте оказываются противопоставленными друг другу по аналогии с антонимами «женщина» и «мужчина».

⁷ Отражение этих представлений можно увидеть, например, в «Слове о полку Игореве», где с девой-лебедью сравнивается обида, растущая в русских войсках.

⁸ Для языка фольклора, где лебедь чаще все-таки символ девушки-невесты, подобное положение вполне оправданно: фольклорный мир по природе своей амбивалентен, в нем свадьба и похороны – две стороны одной медали.

⁹ Обратим внимание на то, что хотя место в социальной иерархии птичьего мира у этих водоплавающих ниже, чем у лебеда, но все еще достаточно высокое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Общ. ред. и предисл. И. С. Свентицкая. М.: Республика, 1996. 336 с.
- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 928 с.
- Васильев Л. М. Теоретические проблемы лингвистики: Внутреннее устройство языка как знаковой системы. Уфа, 1994. 208 с.
- Веселовский А. Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. С. 101–154.
- Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные летом 1871 года: В 3 т. Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 2000.
- Дундукова А. М. Концепт «ворон» и его функционирование в русской былинной традиции // Материалы XXXVI Международной филологической конференции, 12–17 марта 2007 г. Вып. 21: Кафедра истории русской литературы / Под ред. А. О. Большева. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. С. 99–107.
- Кузнецова Э. В. Русская лексика как система. Свердловск: УрГУ, 1989. 89 с.
- Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М.: Рос. энциклопедия, 1997.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российской академии наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. 944 с.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
- Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 783 с.
- Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / Авт.-сост. В. Э. Богдасарян, И. Б. Орлов, В. Л. Телицына. М.: Локид-Пресс, 2003. 495 с.
- Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 1968. 272 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Астрель: АСТ, 2007.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Русский язык – Медиа, 2007.

ЛИЛИЯ ИВАНОВНА КАБАНОВА

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, Петрозаводский государственный университет
lila31@yandex.ru

ОТНОШЕНИЕ К ФЕНОМЕНУ НИГИЛИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

В статье предлагается вариант осмысления феномена «русского нигилизма» через обращение как к европейскому, так и отечественному философскому и литературно-художественному наследию.

Ключевые слова: культура, нигилизм, гуманизм, русская метафизика, русская литература

Тема нигилизма в начале прошлого века становится одной из наиболее проблемных для русских мыслителей, что вызвано ее концептуальной и практической равновеликостью. Приступая к освещению некоторых интересующих нас взглядов на данную проблему, заметим, что, по нашему убеждению, в глубинах нигилистического мироощущения зарождаются основополагающие для современного культурного сознания образы понимания и восприятия мира. Эти образы высвечивают широкое проблемное поле: крайнего положения культуры и человека в культуре, деформацию отношения к миру вплоть до потери его (мира) оснований и корней, истончение метафизической целостности человека. В русской литературе и философии конца XIX – начала XX века была предпринята попытка осмысления феномена нигилизма, его особенностей в применении к отечественному культурному пространству. Что такое нигилизм, существует ли феномен русского нигилизма, каковы последствия нигилистически ориентированного сознания? Эти и другие вопросы стояли перед русскими писателями и философами, попробуем и мы ответить на них, обращаясь к западноевропейскому и отечественному философскому и литературному наследию.

Начнем с того, что понятие нигилизма является крайне неопределенным в современной философии. Классическое определение предложил Ф. Ницше, затем его реинтранслировал М. Хайдеггер. Ницше, которому, наверное, лучше других удалось осмыслить свое время, а именно тот эпохальный сдвиг, который не мог не затронуть человеческое сознание и человеческое существование, является определяющей фигурой в деле понимания истоков и особенностей нигилизма. Чувство кризиса, захватившее мир в последующие десятилетия после высказанных немецким мыслителем радикальных идей об истоках и сути этого кризиса, стало подтверждением многих его предсказаний. Можно заметить, насколько прозорлив Ницше, поняв истоки, причины и возможные последствия кризиса, захватившего не только Европу, но и Россию. Основные его идеи (смерти Бога, Сверхчеловека, отрицание значи-

мости нравственных ценностей) стали философским подкреплением фундамента, на котором разрасталось событие нигилизма в культуре. Нигилизм, символом которого у Ницше является черная змея, заползает человеку в горло, и вырвать змею-нигилизм из горла самостоятельно человек уже не в силах, так что ему остается либо умереть, либо победить нигилизм в смертельной схватке. Как пишет Хайдеггер, «под нигилизмом Ницше понимает исторический факт, т. е. событие, в котором обесцениваются высшие ценности, упраздняются все цели и все оценки начинают противоречить друг другу» [13; 159]. Ницше считал, что самому серьезному упразднению подвергается сам человек или идея человека: «Вид человека утомляет – что же иное современный нигилизм, если не это? Нам надоел человек» [7; 30–31]. Антропологический кризис, на который обращает внимание Ницше, притянул в поле своей деформации и все традиционные ценности: эстетические, этические, религиозные и т. д.

В XIX столетии возник вопрос об особенностях русского нигилизма. Аналитика изучения и понимания феномена русского нигилизма обширна: например, в качестве характерного для русской культуры явления, возникшего в 60-е годы XIX столетия (Н. А. Бердяев), в качестве явления, символизирующего духовное и онтологическое истощение русской культуры (В. С. Соловьев, С. Н. Трубецкой, В. В. Зеньковский, С. Л. Франк и др.), в ряде литературных трактовок (Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский), в литературно-критических исследованиях (Л. И. Шестов, В. И. Иванов). Выделим два основных подхода. Первый связан с осмыслением феномена нигилизма в литературном творчестве, а второй – в отечественной философии. Оба эти подхода, несомненно, имеют «точку схода», ибо получают свое развитие от единого культурного корня.

В русской литературе в постановку проблематики нигилизма фигура Ницше оказалась тесно вплетена, потому что, по сути, разговор шел не столько о нигилизме, сколько об отношении к фигуре и философии Ницше, а через него уже и к самому нигилистическому миропониманию.

Неслучайно иронично, но верно замечает С. Хоружий: «Разве Ницше не русский философ? Какая свадьба без баяна, какой без Ницше Серебряный Век... Ницше – его пророк и столп!» [14; 24]. Символично, что нигилизм именуется Ницше еще и как «русский фатализм». Вполне возможно, это, может быть, случайное сравнение, используемое Ницше, когда он говорит о фатализме без возмущения, с каким русский солдат, когда ему слишком тяжел военный поход, ложится в снег и умирает, приобретает весьма недвусмысленное значение в деле понимания русского нигилизма. Ничего не принимать, не допускать к себе, не воспринимать в себя, вообще не реагировать больше (формула «мне все равно»). В литературе появляется такой «новый герой», но даже не Базаров Тургенева, в котором есть эта нигилистическая определенность, но человек, не осознающий вполне, что с ним происходит и почему, и куда девались все цели и устремления, и что делать со своим страданием. Разумеется, хочется сказать словами Достоевского: «...я говорю лишь про тех, которые живут и думают. Остальные же наживаются и не знают, для чего живут на свете» [3; 119]. Но есть ведь и начало этой фразы, в которой те, которые живут и думают, «циничны и сплошь нигилисты» [3; 119].

Такой человек живет по принципу «все равно», часто впадает в сомнамбулическое состояние перманентного самоубийства (вспомним интерес Достоевского к самому феномену самоубийства в русском обществе). На грани реализации этого последнего своего жеста находится типологический с точки зрения нигилистического миропонимания персонаж, герой рассказа Достоевского «Сон смешного человека». У него нет имени. Оно ему ни к чему, ибо имя определяет что-то весомое и важное. Именем многое предопределено. Оно предохраняет от падения в бездну невнятного и смешного. Достаточно того, что герой рассказа определяет себя в качестве «Я». «Я» – человек без имени, уставший, не реагирующий более ни на что. «Они» – люди, вызывающие грусть и тоску в его уставшей душе. Это чаще всего люди, на которых герой «натывается», случайные прохожие или собеседники. Они удивляют его своей жизненностью. Идут куда-то, о чем-то горячо спорят, отстаивают свое мнение, не понимая, что им, в сущности, тоже все равно, однако признать в этом – значит прослыть смешным или, хуже, сумасшедшим. Смешной человек всю свою жизнь подозревал, что смешон, но, подобно другим, боялся признаться, боялся думать об этом, пока и сама эта боль не притупилась более весомой, ощущением бессмысленности всего происходящего с ним. Тогда в душе зародилась и укрепилась мысль о том, что «везде все равно» [2; 479].

Если для Достоевского опустошенная душа, находящаяся на грани сведения счетов с жиз-

нью, – литературная тема, то для Льва Толстого – испытание всей жизни. Разумеется, тема нигилизма проходит сквозь его творчество невнятно, приобретая четкие контуры в одном из самых сложных произведений с точки зрения феноменологии души – в «Исповеди». Можно сказать, что это произведение об уникальном опыте преодоления (или непреодоления) душевной пустоты, возникшей вдруг, ниоткуда на самом пике жизни и творчества, когда все как будто безупречно: семья, дети, состояние, успех, здоровье, но... пустота (чему я могу научить, повторяет вновь и вновь Толстой, если сам ничего не знаю о жизни). Вопрос, который привел писателя в возрасте около пятидесяти лет к мысли о самоубийстве: «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожал бы неизбежно предстоящей мне смерти?» [10; 54], так и остался без ответа. На главный вопрос жизни «зачем?» для Толстого не нашлось ответа ни в современной науке, ни в философии, ни в религиозных учениях. Ответа Толстой не только не нашел, как ни старался, но убедился еще прочнее, что «бессмыслица жизни есть единственное и несомненное знание, доступное человеку» [10; 53]. Истиной стало убеждение, что жизнь есть бессмыслица, и оно сделало из жизни писателя, как он сам признается, «одно нераздельное по времени страдание» [10; 48]. Толстовская песнь отчаяния с перекором цитат из Платона, Шопенгауэра, библейских притч Соломона и индийской мудрости – это гимн нигилизму: «мир есть ничто» [10; 61]. В русской литературе тема нигилизма слилась воедино с темой бессмысленности (одновременно в русской философии тематика поиска смысла станет определяющей). Что же до творчества Толстого, то, как замечает Шестов, в основе его желание разрешать только те вопросы, которые лично глубоко волновали писателя, а также «потребностью понять себя и окружающую жизнь, отбиться от преследующих сомнений и найти для себя – хоть на время – прочную почву» [15; 54]. Поиск почвы характеризуется бескомпромиссностью и беспощадностью в отстаивании своих принципов, но разве не то же самое, задается вопросом Шестов, так раздражало русскую публику, прикоснувшуюся впервые к текстам Ницше? Не эта ли сосредоточенность Ницше на своих внутренних переживаниях, кои должны были стать мерилом для всех и ни для кого? И почему тогда именно Толстой в русском сознании явился той нравственной силой, которая может и должна противостоять европейскому ницшеанству? И насколько, собственно, они чужды друг другу – Толстой и Ницше? Доводы Шестова основаны на идее понимания добра Толстым и Ницше. В обоих случаях концепт добра безотносительно к мотивам и способам его реализации становится определяющим, а тезисы «Бог умер» и «Бог есть добро» имеют один и тот же источник – страда-

ющая душа автора. Впоследствии Толстой признается, что смысл можно найти в вере, и именно в вере простых людей, но как поверить? Ницше, как известно, также положил все силы своей души на то, чтобы найти веру. И вот резюме Шестова: «Там, где не верит Ницше, не верит и гр. Толстой. Но Ницше этого не скрывает (он скрывает другое), граф же Толстой считает возможным не рассказывать своим ученикам о той пустоте в своем сердце, над которой он воздвиг столь блестящее в литературном отношении здание проповеди» [15; 112].

Огромное влияние литературы на культуру в России бесспорно. На данный аспект обращает свое внимание А. Пятигорский, определивший литературоцентризм русского сознания как «фиксацию» [8; 262] объекта, и таким объектом была и остается литература, поэтому и отечественная философия, возникнув в сфере литературы, вокруг литературы как своего основного объекта, продолжала развиваться на протяжении всего XIX, да и XX столетия тоже.

С философской точки зрения определяющим в деле понимания феномена нигилизма является представление о его сущностных, связанных с истощением онтологических приоритетов в культуре, основаниях. Одной из основных причин распространения нигилизма стала углубляющаяся с середины XIX столетия в европейском и русском сознании тенденция к позитивизации и закономерному в этих условиях смещению от метафизического измерения в сторону утилитарно-позитивистскую, что отразилось на общем состоянии культуры. Наиболее актуальными оказались в связи с возникшей обеспокоенностью положением культуры размышления Владимира Соловьева. Согласно важнейшей для становления русской философской традиции концепции Соловьева о Всеединстве, частное бытие идеально лишь тогда, когда не отрицает всеобщего, а дает ему место в себе, а общее идеально в той мере, в какой оно дает место частному. Эти элементы не должны исключать друг друга и одновременно не должны исключать целого, то есть утверждать свое частное бытие на единой всеобщей основе. В ситуации ухода от онтологических приоритетов в культуре теряется «целое культуры» [9; 78], что является показателем нарушения взаимной солидарности и равновесия частей и целого. Следствием «разбалансировки» будет то, что почва начнет уходить из-под ног, обнаруживая критическую недоволощенность, несформированность опыта онтологического постижения мира. Не выдерживая напора того, что должно быть понято и реализовано в некоем сознательном усилии, но не понимается и не реализуется, прорвется тончайшее заграждение над бездной, именуемой хаосом. Обнаружится вдруг, что подпорка, на которой держалось Все, не вызывавшая, однако, сомнения в своей прочности и надежно-

сти, может оказаться не более чем жалкой бутафорией, не обеспеченной ничем, как то усилием понимать и видеть, и человек виснет в пустоте, прямо как во сне Л. Н. Толстого, описанном им на последних страницах «Исповеди». Кажется, что все хорошо и прочно, но вдруг видишь себя висающим над бездной на одной помочи, которая тоже того и гляди не выдержит.

Поиск онтологических ориентиров в начале XX столетия выдвинул на первый план проблему смысла. Интерес к проблеме смысла в русской философии свидетельствует о поиске адекватных времени и состоянию человеческого сознания ответов. Важность данного усилия нарастает по мере укрепления в культуре и сознании феномена нигилизма, определяемого в русской философии, как, собственно, и в литературе, что мы могли заметить, через актуализацию тематики бессмысленности.

Е. Н. Трубецкой пишет книгу «Смысл жизни», в которой поясняет, что смысл – это безусловная, общезначимая мысль, которая носит всеобщий и необходимый характер и потому является истинной. Он наделяет смысл онтологическими качествами, которыми в ранней греческой философии наделяется Бытие. Однако любая постановка вопроса о смысле упирается в непостижимое и мучительное для человека представление о бессмысленности жизни: «Тот смысл, которого мы ищем, в повседневном опыте нам не дан и нам не явлен; весь этот будничный опыт свидетельствует о противоположном – о бессмыслице» [11; 23]. Символом бессмысленной жизни является порочный круг, ницшеанская идея вечного возвращения. Интуиция порочного круга, замечает Трубецкой, – основа нигилизма, религиозного, философского, экзистенциального (феномен скуки). «Но впечатление “скуки” производит это круговращение лишь до тех пор, пока речь идет о мертвом веществе. Скучным может казаться бесконечное чередование прилива и отлива в море, бессмысленное вращение земли, наподобие волчка, вокруг своей оси. Но когда мы от мертвого переходим к живому, ощущение этой всеобщей суеты становится несравненно более болезненным» [11; 24]. Эта болезненность связана с осознанием бессмысленного кружения человека по кругу (словно волчок вокруг своей оси), в котором цель остается недостигнутой, а иллюзия смысла – разрушенной. Русская литература богата персонажами, находящимися в тисках дурной бесконечности, и чем более они эту свою человеческую участь осознают, тем невыносимее и отвратительнее кажется им жизнь. Но и это еще не предел бессмыслицы человеческого существования. Предел наступает тогда, когда человек не по своей воле оказывается втянутым в чужие планы, является средством в большом и равнодушном механизме государственной, идеологической или военной машины. Включение

хотя бы одного человека в механизм убийства, вражды или наживы обнаруживает мировую бессмыслицу «культуры». Что же говорить о бесконечных военных кампаниях, в которых люди убивают друг друга? Мы не знаем, замечает Трубецкой, служит ли культура очеловечению или «озверению духа», так как очень часто мы наблюдаем картину, при которой человек приобретает звериные черты, опускаясь в примитивный биологизм. Размышляя о «новом» положении современного человека, Вяч. Иванов в одной из работ по теории культуры замечает, что основным настроением человека в мире стали растерянность и уныние: «...неопределенно-жуткое ощущение, как будто бы почва поплыла из-под ног» [5; 103]. Это настроение стало проявляться в начале века в эпидемии самоубийств, прокатившихся не только в России, но и на Западе. Мир заболел нигилизмом. Нигилизм – «пафос обесцениения и обесформления» [6; 83]. Русский нигилизм, продолжает Иванов, кроется в отрицательном полюсе человеческой объективирующей способности, то есть, попросту говоря, в определенном взгляде на мир, который характеризуется «отрицательной, нетворческой, косной, дурной стихией варварства... истинный русский нигилизм следствие... полунадменного, полубуддийского убеждения нашего в несущественности и неважности всего» [6; 83].

Основной в отечественной философии является мысль о духовных истоках нигилизма. В. В. Зеньковский отмечает, что «бесшабашный нигилизм» довольно прочно вошел в русский обиход в XIX веке: «...весь этот нигилистический строй ума слагался в связи с утерей былой духовной почвы» [4; 87]. Нигилизм, по мнению автора, проходит красной чертой через всю историю духовной жизни в России; Зеньковский связывает его проникновение в сознание с характерным для русского миропонимания радикализмом и максимализмом. Эта особенность русской души нашла себе поддержку в религиозном чувстве. Присущие ему формы «ухода» от мира способствовали формированию и укреплению в русской душе демаркационной линии между миром эмпирическим и миром божественным, что связано с русским восприятием христианства, для которого существенно чувство «нераздельности», но и «неслиянности» мира божественного и человеческого. Если выразить это в философских терминах, то мы имеем здесь дело с мистическим реализмом, который признает всю действительность эмпирической реальности, но видит за ней иную реальность; обе сферы бытия действительны, но иерархически неравноценны; эмпирическое бытие держится только благодаря «причастию» к божественной реальности. Умозрительное видение за этим чувственным миром мира божественного и трансцендентного породил феномен, называемый Зеньковским русским ради-

кализмом (нигилизмом), который учит бояться всякой «серединности» и умеренности. Таким образом, радикализм становится оборотной стороной нигилизма, а обе эти стороны крайне опасны, так как вкупе порождают монстров сознания то в виде какой-нибудь утопии, то в виде отказа от какой-либо деятельности вообще. Отсюда и антитеза «все или ничего». Так как «все» остается лишь мечтой, то «ничего» приобретает практическую значимость, «оставляет душу чуждой житейской трезвости» [4; 40].

Кульминацией развития темы служат размышления С. Л. Франка. В стремлении распознать и описать особенности современной культуры, «схваченной» нигилизмом, он использует метафорический образ «тьмы» и характеризует это духовное затемнение как «кризис веры в человека или кризис гуманизма» [12; 40]. В основе философской концепции Франка – вера в Богочеловеческую основу человеческого существования, в идею того, что Бог есть внутренняя основа нашего собственного бытия – та почва, на которой мы стоим. Настаивая на необходимости восстановления идеи человека, кризис которой в современной культуре породил феномен нигилизма, то есть безверия и опустошенности, Франк разделяет в человеке природное и сверхприродное: «Бытие человека не ограничено тем, что он есть природное существо; именно в качестве личности он есть существо сверхприродное, родственное Богу» [12; 85]. Сама идея личности привнесена в мир христианством и не была знакома античному миру. Осознание себя личностью в новоевропейской истории привнесло трагическое чувство одиночества в мире, но, будучи одиноким в мире, человек не должен быть одиноким в бытии, и это чувство рождается вместе с верой в свое божественное происхождение. Не обходит вниманием Франк и упоминаемое уже нами в свете рассмотрения философии Ницше понятие гуманизма. Гуманизм, или вера в человека, имеет христианскую основу. Новоевропейский гуманизм, дитя эпохи Просвещения, возникший в качестве оппозиции христианскому человекоутверждающему мировоззрению, подразумевает идею прогресса и материализма. Это мировоззрение, властвовавшее над умами людей на протяжении XIX и XX столетий, Франк именует «профанным гуманизмом» [12; 42]. Профанным, ибо человек, согласно научным теориям, получившим самое широкое развитие с конца XIX столетия, был признан частью природного мира, потомком обезьяноподобного существа. Дарвинизм переместил внимание с человека как существа нравственного и разумного к представлению о человеке как существе природном. Так называемый профанный гуманизм, по мысли Франка, стал новой псевдорелигиозной верой, и опасной стороной его распространения становится культивируемое в натуралистиче-

ских установках довольно примитивное представление о человеке. Не вдаваясь в дальнейшие развиваемые Франком идеи, отметим, что основная критика за саму возможность распространения нигилизма в русском обществе возлагается им на интеллигенцию. Франк критикует русскую интеллигенцию за пассивность и несмелость в вопросах противостояния негативным тенденциям в культуре, что связано с сильно развитым субъективизмом, а «субъективизм адекватен только чистому последовательному нигилизму» [12; 54]. Субъективизм руководствуется местечковым (провинциальным) миропониманием, а любой провинциализм – это узость взглядов и сужение ореола фундамента, почвы. То, на что мы опираемся, должно быть чем-то большим, чем наше собственное субъективное настроение: «Опирается можно только на почву, которая нас держит, а не на собственное “нутро” и руководиться можно только звездами, а не собственным вымыслом» [12; 54].

В некотором смысле особняком в деле понимания «истоков и смысла русского нигилизма» стоит точка зрения Н. А. Бердяева, который обозначил нигилизм как характерно русское явление, возникшее в России в неизвестной для Западной Европы форме, то есть как политический, а не духовный феномен. Бердяев отмечает, что в основе нигилизма – некая принципиальность, тоталитаризм русского сознания, доведение всего до крайности, например, в увлеченности какими-нибудь политическими или социальными идеями. Потому и русскую интеллигенцию он называет не иначе, как радикальной, догматической интеллигенцией, которая приняла раскольничий характер, то есть жила в расколе с окружающей действительностью. «Русские, – пишет Бердяев, – вообще плохо понимают дифференциацию разных сфер культуры. С этим связан русский максимализм» [1; 19]. Бердяев поясняет, что нигилизм – это своеобразное «эмансипированное умственное движение» [1; 37] 60-х годов, главными идеологами которого выступили Писа-

рев, Добролюбов, Чернышевский – представители русских просветителей-материалистов, догматично и революционно настроенные: «Русский нигилизм отрицал Бога, дух, душу, нормы и высшие ценности. В основе русского нигилизма лежит... признание греховности всякого богатства и роскоши жизни, всякого творческого избытка в искусстве, в мысли» [1; 38]. Что стало исходом подобного умонастроения, общеизвестно. Нигилизм и большевизм слились в революционном порыве, приведя Россию к тому, к чему они ее привели, но это, вероятно, тема для другого исследования.

Резюмируя, заметим, что осмысление нигилизма в русской культуре не было однозначным, но объединяющим для литературы и философии стало представление, согласно которому нигилизм соразмерен с онтологической, духовной, экзистенциальной недоовещанностью человеческого бытия. Нигилизм – потеря опоры или почвы. Поэтому практически в каждом тексте на эту тему и в тех, которые мы рассмотрели, есть интуиция этой утраченной основы, того, что удерживает человека на поверхности. Чувство потери почвы на философском языке означает потерю мира, потерю смысловых ориентиров, невозможность дать адекватный ответ на вопрос о смысле жизни. Тогда нигилизм приобретает черты отрицания принципиальных оценок, объективного различия между добром и злом, объективных ценностей, таких как научная истина, художественная красота, религиозная вера и т. д. И последнее, на что хотелось бы обратить внимание, – это первоначальная кажущаяся безобидность нигилизма, при которой попадание в это состояние не воспринимается как попадание во что-то такое, что действует разрушительно, и тем более не воспринимается как смертельная опасность. Но вспомним образы проникновения нигилизма в душу человека, которые описывает Ницше, Достоевский или Толстой. Нигилизм – черная змея, заползающая в горло, и этот неприглядный образ тем и хорош, что убедителен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Достоевский Ф. М. Сон смешного человека // Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М.: Лексика, 1994. С. 478–497.
3. Достоевский Ф. М. Записные книжки. М.: Вагриус, 2000. 158 с.
4. Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. Т. 1. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. 544 с.
5. Иванов В. И. О кризисе гуманизма. К морфологии современной культуры и психологии современности // Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 102–111.
6. Иванов В. И. Спорады // Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 73–90.
7. Ницше Ф. Генеалогия морали // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Избранные произведения. Кн. 2. М.: Мысль, 1990. С. 3–149.
8. Пятигорский А. М. Философия или литературная критика // Пятигорский А. М. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 2005. С. 256–263.
9. Соловьев В. С. Общий смысл искусства // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 73–90.
10. Толстой Л. Н. Исповедь // Толстой Л. Н. Не могу молчать. М.: Сов. Россия, 1985. С. 39–97.
11. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 432 с.
12. Франк С. Л. Свет во тьме. М.: Факториал, 1998. 256 с.
13. Хайдеггер М. Ницше: В 2 т. Т. 1. СПб.: Владимир Даль, 2006. 457 с.
14. Хоружий С. С. Опыты из русской духовной традиции. М.: Издательский дом «Парад», 2005. 446 с.
15. Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше // Избранные произведения. М.: Ренессанс, 1993. С. 39–159.

КОНСТАНТИН ЯКОВЛЕВИЧ КОТКИНаспирант кафедры философии и социологии социально-гуманитарного факультета, Мурманский государственный педагогический университет
*kostyakotkin@rambler.ru***НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИЧНОСТНОГО И СОЦИАЛЬНОГО НАЧАЛ
В ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ ПАМЯТИ**

В статье исследуются вопросы взаимосвязи личностного и социального начал с точки зрения воспоминания и забвения. Индивидуальная память во взаимодействии с другими психическими процессами формируют социальный выбор.

Ключевые слова: память, забвение, речь, автобиография, биография, история, великая личность

Современная социокультурная ситуация примерно с последней четверти XX века характеризуется многими исследователями как «шокирующая», «кризисная» [19], [4], [22], что заставляет переосмысливать предыдущий опыт, восприятие прошлого, отношение к нему и приводит к актуализации в широком спектре социально-гуманитарных наук категории «память» и связанных с ней понятий («припоминание», «воспоминание», «памятование»). Если учитывать психологическое содержание понятия, то предварительно память можно определить как способность психики сохранять, передавать и возрождать прошлый опыт. Однако память лежит в основании множества процессов – от элементарных человеческих действий до социальных [26]. В то же время о мышлении или внимании нельзя сказать, что они так глубоко и повсеместно пронизывают все уровни организации живого и в определенной степени неживого. Память – это уникальное и универсальное явление. Вместе с тем введение категории, традиционно используемой в психологической науке, в более широкое научное поле ставит ряд вопросов. Во-первых, действительно ли необходим анализ проявлений памяти именно в социальном, гуманитарном и философском знании? Во-вторых, каким образом память личности проявляется в социальном измерении и как социальные формы памяти влияют на личность? И, в свою очередь, к каким выводам позволяет прийти анализ проявлений памяти, которые рассматриваются вне личности? Одним из возможных ответов на данные вопросы как раз и будет поиск взаимосвязей личностного и социального начал в контексте осмысления некоторых сторон феномена памяти.

Память отдельного человека позволяет предполагать реальность, невымысленность коллективного опыта прошлого как бывшего во времени и пространстве. К нему косвенно имеет отношение каждый человек, непосредственно связанный через собственную жизнь или жизнь его предков [6; 23], [9; 52–54, 197]. Исходя из представленных рассуждений, нельзя говорить о том,

что только память человека создает условия для социального восприятия прошлого, но и отрицать значение индивидуального памятования также невозможно.

Припоминание, восстановление в памяти – это всегда воспроизведение только части прошлого, потому памятование нельзя представить без забвения. М. Хайдеггер писал, что «забвение придает кажущемуся исчезновению забытого собственное присутствие в настоящем» [21; 22]. Степень фрагментарности в припоминании прошлого следует, по определению М. К. Мамардашвили, из «завершенности индивида», то есть неполноты восприятия мира в пространстве и времени. В анализе отношений памятования прошлого как связанного с окружающей действительностью часто подразумевается память одного человека как отдельного, а значит, отделенного и одновременно связанного с окружающим. Воспоминание совместно с изменяющимися условиями, в которых находится человек, дает новое восприятие прошлого: путем акта постоянного памятования создается новое «вечное тело». В данном случае М. К. Мамардашвили понимает как науку, научное мышление, методологию, так и знаковую, символическую, текстовую передачу знаний в культуре в целом [11; 39, 94–95].

Ориентация памяти vorne – это социальная ориентация. В забвении, по мнению многих исследователей, выражается важная социальная функция. Например, забвение открывает возможность для отделения главного материала от второстепенного, создает базу опыта, необходимого для использования, увеличивает возможность обобщений [15; 45]. Это, в свою очередь, позволяет при сохранении необходимого прошлого в различных формах осуществлять социально-культурное развитие. П. Рикер, раскрывая специфику отношений памяти и забвения, показывает необходимость забвения, он пишет о забвении как неотъемлемой части памяти, приводя для доказательства античную мудрость: «Ничего слишком». С точки зрения П. Рикера, «диалектика присутствия и отсутствия составляет глав-

ное в репрезентации прошлого» [17; 575]. Таким образом, через взаимодействие памяти и забвения осуществляется взаимосвязь человека, общества, истории, государства, нации.

Память в то же время связана со всеми составляющими психики: ощущениями, мышлением и воображением. Данные процессы так или иначе влияют на память, опосредуют построение картины прошлого. В контексте процессов психики памятование в отношении к социальному изменению – проявление индивидуальности человека в социальных действиях. Индивидуальность памятования в данном случае – это и проявление свободы через выбор конкретного опыта прошлого, и его непосредственное воспроизведение в различных социальных ситуациях. Непосредственно не связанные с процессом воспоминания психологические особенности личности (темперамент, характер) откладывают отпечаток на то, как происходит восприятие прошлого, что имеет отражение в социальной действительности: например, Аристотель замечает, что лучше припоминают проворные, а память лучше у медлительных [2; 161]. Эмоции являются еще одним фактором воспоминания, воздействующим на складывание образа воспоминания: отмечается их долгое сохранение в виде аффективного отпечатка образов эмоциональной памяти. В свою очередь, произвольное воспроизведение происходит с большой трудностью [12; 341]. П. П. Блонский отмечает, что зрительные образы эмоционально сильных впечатлений появляются сравнительно легко. Введя понятие «генерализация чувства», он стремится продемонстрировать, что воспоминания об одном объекте переходят на все другие, а само чувство и стимулы, которые были причиной возникновения этого чувства, в свою очередь, становятся менее дифференцируемыми [7; 318, 336]. Эмоциональное содержание памяти выявляет новый аспект, находящийся на грани частного (личного) и общего (надличностного). К событиям прошлого выражается симпатия или антипатия, прошедшее воспринимается как «хорошее» или «плохое».

Нравственно-этическое содержание памяти проявляется через оценку и отношение к фактам и периодам прошлого. Например, для античной философии характерна оценка памяти как индикатора добродетели: в памяти постоянно сохраняется тот поступок, который добродетелен [1; 71]. В философии Платона этическое содержание воспоминания находит еще более широкую трактовку: через воспоминание, связанное с миром идей, человек постигает идеи и заложенные в них благо, прекрасное, истинное. Но нравственно-этическое содержание процессов памяти также ярко проявляется в языке современной обыденной жизни, например в устойчивых словосочетаниях. Они предписывают необходимость памятования или забвения для потомков, отделяя

положительное и отрицательное через отношение к нему, переданное средствами языка (см. [8], [18; 177–178]).

Память человека связана с социальными явлениями и так или иначе обусловлена ими. Следует рассмотреть посредников, через которых происходит обмен между личностным и социальным уровнями, трансформация индивидуальной памяти в социальную или социализированную память.

Одним из проводников, объединяющих два полюса, выступает речь. Речь индивидуальна, это воспроизведение памятования чего-то одного через неговорение или забвение многого другого, остального. Речь ориентирована социально: человек говорит что-то и всегда кому-то (пусть даже самому себе, но как другому). Ключевые процессы вербализации – типизация и детализация – отражают социально ориентированную работу памятования (точнее, памятования совместно с забвением). На память в процессе вербализации оказывает влияние социальная ситуация (от создания условий через оценку адресата до определения темы при выделении событий различного уровня в качестве центральных). В акте вербализации человек выделяет какой-либо образ, эпизод или идею. Появляется их иерархия, а затем они становятся типичными, знаковыми, показательными [23], [25]. При описании человеком отдельных образов немедленно проявляются социальные интересы и отношения; смысл, который воспринимается как реальный, является конвенциональным, а основой для его возникновения служит отдельное мнение или мнение социальной группы в целом; на восприятие и воспоминание оказывают влияние типизация и схематизация, основой для которых служит сформировавшийся ранее опыт [25; 216, 235, 253].

При вербализации жизненный опыт человека выражается в словах. Это не что иное, как описание своей собственной жизни. Автобиографии являются особенными письменными источниками, к которым относятся письма, дневники, мемуары. События, которые описываются в автобиографиях, имеют определенную внутреннюю иерархическую структуру: выделяются обычные факты и важные происшествия, которые затем сводятся к общему, конкретизация часто отсутствует. Данные процессы являются общими для памяти в целом [23], [27; 74–75]. Автобиография – это именно социальный акт, акт усилия для восстановления и систематизации прошлого знания, принимающий во внимание социальное окружение. Текст, повествующий о собственной жизни, является социальным по форме и содержанию. Автор, излагая свою жизнь, довольно часто стремится реализовать и воспитательные цели. Автобиография часто является продуктом пережитого кризиса. Особенность написания автобиографии заключается и в том, что человек ограничен рамками собственной памяти. Но одновременно

он не может открыто выдумывать нечто [5; 10–12]. Автобиография – яркое проявление индивидуальной работы памяти. Часто текст становится особенным по форме и содержанию потому, что предугадываются мысли читателя. В данной ситуации делается расчет на определенную публику и выражение мыслей вопреки нормам или в подтверждение их, на что воздействует социальная ситуация. События, происшествия, социальная среда присутствуют в любое время и в любом месте, однако в автобиографическом тексте они так или иначе систематизируются, располагаются, разделяются. Жизнь как прожитое время делится на периоды, относительно которых выбираются и устанавливаются главные и второстепенные события. Они являются своеобразными символами перехода на границе периодов, точками, разделяющими и связывающими прошлое в кажущуюся единой линию. Периодизация как стремление охватить в единстве разрозненные события частной жизни с общим временным потоком развития человечества является одним из сходных моментов с описанием прошлого личности и социального прошлого. Выделение событий в описании личностного и социального прошлого объединяется процессом памятования.

Биография – это описание не своей жизни, а жизни другого. Биография как текст исторически появляется ранее, чем автобиография: первые биографии как жизнеописания – это мифы, основой сюжета которых нередко были события жизни реальных людей. Объектом описания современных биографий также является личность, выходящая из ряда обычных людей, – «великая личность». Согласно М. Элиаде, человек традиционной культуры в мифологизированной личности ищет образец подражания – архетип [24]. Установление величия исторической личности требует сходную процедуру – текстуально оформленную передачу традиции для того, чтобы сам текст и/или личность стали «каноническими». Переход текста из репрезентирующего прошлое в канонический текст описал Я. Ассман [3]. Величие исторической личности устанавливается сходным путем: повторением через возрождение в мифе или мифологизированной истории и сакрализацией или установлением традиции через толкование, отбор приемлемого. Закрепление в традиции происходит через механизмы типизации и конвенционализации. Появляется стереотип, схема социального восприятия великой личности, в формировании которой большую роль играет эмоциональная сторона воздействия: событие, связанное с закреплением в памяти образа великой личности, должно быть происшествием, то есть тем, что выходит из обычного течения жизни (распятие Христа или осуждение Галилея). Большую роль играет эмоциональная сторона воздействия: «Смерть героев всегда будет трагической и грандиозной, великие вожди будут

иметь величественное лицо. <...> Работа идентификации автоматически замораживает персонажи и оправляет их в рамки», – комментирует С. Московичи работу памяти по отбору событий прошлого и роль эмоционального воздействия в этом отборе [13; 359]. В итоге получается окончательный вид, образ выдающейся личности прошлого, несущий роль эквивалента – «имаго», по определению С. Московичи. Через типизацию, конвенционализацию, появление стереотипного образа великой личности вновь проявляют себя взаимосвязанные механизмы социально ориентированного памятования и забвения.

В великой личности концентрируется восприятие прошлого, оценки настоящего, цели и надежды будущего. Текст, для того чтобы отвечать интересам читателя биографий великих людей, должен соответствовать его представлениям об истории. Так описание характеристик биографии великой личности, выход на описание прошлого вне действий отдельного человека ставят вопрос об описании истории. Историк создает то, что можно было бы назвать образом прошлого, картиной прошлого. Память играет ключевую роль в деятельности историка, опосредуя собой индивидуальную историю, переходящую во внеиндивидуальную: историк описывает историю и одновременно собственный опыт, так как для описания он использует факты своей жизни, а также испытывает воздействие исторического источника. Как отмечает П. Рикер, человек в настоящем расположен к восприятию истории потому, что «ищет» воспоминание. Опыт узнавания через доверие является важной чертой феноменологии памяти, в которой память находится между присутствием воспоминания и его поиском [16; 25]. Кроме того, историк становится посредником между властью и обществом, а сама позиция посредника дает новое понимание исторической личности, дат, материальных символов культуры, которые, по определению П. Нора, являются «местом памяти» и ориентируют из прошлого в настоящем для будущего, следуя механизмам актуализации одного и замалчивания другого. Историк в этом процессе часто становится почти незаметным «орудием передачи, тире» [20; 38]. Однако сама возможность познания истории формируется по причине отстояния прошлого во времени, то есть наличия того, что помнится или известно и что забыто или неизвестно. На необходимость отстояния во времени для возможности оценки прошлого обращал внимание Р. Дж. Коллингвуд [10; 281–288]. Ранее Ф. Ницше оценивал восприятие прошлого через единство памятования и забвения как проявление сущности человека, живого и живущего существа [14].

Таким образом, анализ проявлений памяти в социальном, гуманитарном и философском знании выявляет сущностное содержание процессов социокультурного развития, показывает важность

и актуальность исследования как памяти вообще, так и отдельных ее аспектов.

В целом процессы памятования являются той границей, где сходятся личностное и социальное, внутреннее и внешнее, частное и общее. Память личности и социальные формы памяти (речь, текст, история, культура) связывают в одно целое

отдельного человека и общество и позволяют изменяться, сохраняя преемственность. Через процессы памятования и забвения личность формирует отношение к миру, к социальному окружению, в то же время социальное задает изначальные условия этого отношения и является фактором его изменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Никомахова этика: Пер. с др.-греч. // Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 53–294.
2. Аристотель. О памяти и припоминании: Пер. с др.-греч. // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 161–168.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности: Пер. с нем. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Бауман З. Текучая современность: Пер. с англ. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
5. Безрогов В. Г. Память текста: автобиографии и общий опыт коллективной памяти // Сотворение истории. Человек – память – текст: Цикл лекций / Науч. ред. Л. П. Репина; отв. ред. Е. А. Вишленкова. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 5–38.
6. Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002. 448 с.
7. Блонский П. П. Избранные психологические произведения. М.: Просвещение, 1964. 548 с.
8. Брагина Н. Г. Фразеологические тексты. Память как фразеологический текст // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 189–201.
9. Карсавин Л. П. Философия истории. М.: АСТ: Хранитель, 2007. 510 с.
10. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография: Пер. с англ. М.: Наука, 1980. 488 с.
11. Мамардашвили М. К. Стрела познания (набросок к естественноисторической гносеологии). М., 1997. 304 с.
12. Механизмы памяти / И. П. Ашмарин, Ю. С. Бородин, П. В. Бундзен и др. Л.: Наука, 1987. 432 с.
13. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс: Пер. с франц. М., 1996. 478 с.
14. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни: Пер. с нем. // Так говорил Заратустра. М.: ЭКСМО; СПб: Мидгард, 2005. С. 123–188.
15. Рибо Т. Память в ее нормальном и болезненном состоянии: Пер. с франц. СПб., б. г. 150 с.
16. Рикер П. Историописание и репрезентация прошлого: Пер. с франц. // Анналы на рубеже веков. М., 2002. С. 23–41.
17. Рикер П. Память, история, забвение: Пер. с франц. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
18. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект / РАН. Институт языкознания. М.: Academia, 2005. 640 с.
19. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. М.: АСТ, 2003. 557 с.
20. Франция-память / П. Нора и др.: Пер. с франц. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 328 с.
21. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Пер. с нем. / Под ред. А. Л. Доброхотова. М., 1991. 192 с.
22. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112–123.
23. Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта: Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII: Прикладная лингвистика / Сост. В. А. Звегинцев. М.: Радуга, 1983. С. 35–74.
24. Элиаде М. Космос и история: Пер. с франц. и англ. М.: Прогресс, 1987. 312 с.
25. Bartlett F. C. Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge: University press, 1950. 317 p.
26. Goethals R. G., Solomon P. R. Interdisciplinary perspectives on the Study of Memory // Memory: Interdisciplinary approaches / Ed. by P. R. Solomon, R. G. Goethals, C. M. Kelley, B. R. Stephens. N. Y.: Springer-Verlag, 1989. P. 1–13.
27. Neisser U. Domains of memory // Memory: Interdisciplinary approaches / Ed. by P. R. Solomon, R. G. Goethals, C. M. Kelley, B. R. Stephens. N. Y.: Springer-Verlag, 1989. P. 67–83.

ГАЛИНА БОРИСОВНА КОЗЫРЕВА

доктор экономических наук, доцент, заведующий отделом
институционального развития региональных социально-
экономических систем Института экономики, Карельский
научный центр РАН
kozyreva@krc.karelia.ru

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ СОБСТВЕННОСТИ (на примере приграничного сырьевого региона России)

В статье анализируются процессы формирования института собственности в условиях рыночных реформ применительно к приграничному лесосырьевому региону России. Для анализа привлекаются данные экономико-социологических обследований.

Ключевые слова: собственность, эффективный собственник, модель корпоративного управления, приграничный сырьевой регион

Через 18 лет после старта российских рыночных реформ ученые и профессионалы задаются вопросом о том, какая экономическая система сформировалась в стране к настоящему времени. Многочисленные исследования свидетельствуют, что на сегодня вопрос о сущности сформированных институтов остается открытым. Основной механизм рыночных реформ – приватизации – имел тройную цель. «Передать собственность активным элементам общества от выдохшегося государства. Создать новую ответственную (за полученные возможности) и порядочную (в этическом смысле слова) деловую элиту. Поставить внешнюю институциональную среду, которая бы стимулировала бизнес к эффективному использованию ресурсов, как это делает бизнес тех развитых стран, у которых мы копируем законодательство» [1]. Сегодня понятны основные мотивы и известен основной круг «активных носителей» приватизации на первом ваучерном этапе. Используя административный опыт, связи с новыми органами власти, пробелы в законодательстве, они лучше других оценили возможные выгоды от ваучерной приватизации. Остальное население или стали не состоявшимися собственниками своих предприятий, или вложили свои ваучеры в различные финансовые пирамиды, или продали их за бесценок. Ни один из этих вариантов не приблизил российских граждан к светлому капиталистическому будущему.

Кроме того, основа среднего класса России – интеллигенция – выпала из формата реформ. «Движущей силой перестройки, гласности, реформ была интеллигенция. Она хотела гражданской и политической свободы, а получила свободу эмиграции, но не возможность участвовать в управлении или собственности. Массовая интеллигенция осталась просто вне процесса. Приватизация была проведена против интеллигенции, последствием чего стал экспорт среднего класса» [1].

Вместе с тем приватизация стала ядром реформ, благодаря чему в России произошел коренной экономический перелом, наиболее важ-

ной тенденцией которого является ликвидация государственной монополии. К настоящему времени государство сохранило за собой менее 10 % собственности на фоне формирования смешанного и частного секторов при доминирующем значении последнего. Сегодня важно понимать, как эти процессы происходили и происходят на уровне регионов, которые являются модельными территориями институциональных изменений российской экономики. Результаты приватизации в Республике Карелии демонстрируют общероссийские тенденции. Мощный прорыв произошел в 1992–1994 годах. Уже к 1996 году в государственной собственности оставалось чуть более 20 % предприятий [12]. В дальнейшем процесс приватизационной активности замедлился, но тем не менее частная форма собственности уверенно завоевывает все больше позиций.

Сопоставление количественных показателей по предприятиям и занятым в государственном и частном секторах позволяет наблюдать следующие тенденции (рис. 1).

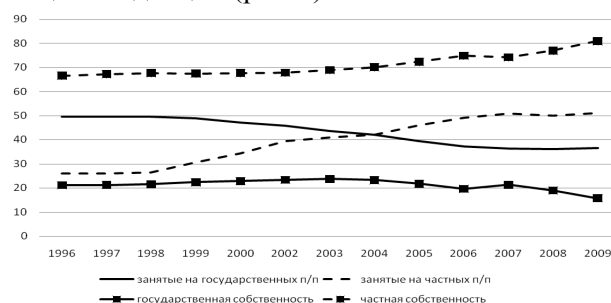

Рис. 1. Число предприятий по формам собственности и численность занятых на них в РК, %

В 1996–2009 годах в количественных изменениях государственных и частных предприятий отчетливо виден процесс разбегающихся трендов – частный сектор постепенно растет, государственный падает. На фоне данного процесса происходили более интенсивные изменения численности занятых. В 2004 году обозначилась точка пересечения (так называемый «крест»), когда госу-

дарственные и частные предприятия сравнялись по количеству работающих. После 2004 года тенденции роста частного сектора и падения государственного приобрели устойчивый характер.

Рис. 1 демонстрирует принципиальные изменения в экономике РК. Во-первых, начались процессы укрупнения частных предприятий: рост численности занятых на них происходит быстрее, чем увеличение количества самих предприятий. На государственных предприятиях наблюдается постепенное медленное снижение численности предприятий, что сопровождается почти синхронным падением численности занятых. Во-вторых, в 2004 году экономика региона прошла точку невозврата, когда частный сектор полностью и устойчиво занял доминирующую позицию.

Анализ процесса инвестиций в основной капитал (рис. 2) демонстрирует те же тенденции [12].

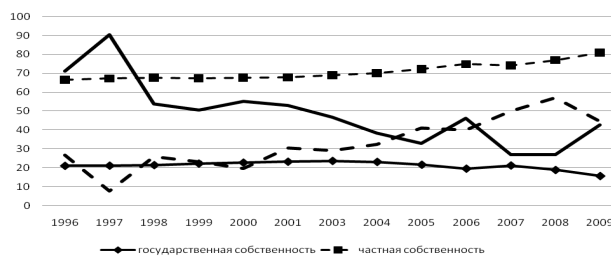

Рис. 2. Структура инвестиций и число предприятий по форме собственности, %

Государственные инвестиции в общей структуре имеют отчетливо выраженный понижающийся тренд. Причем на фоне медленного снижения численности государственных предприятий инвестиции падают достаточно быстрыми темпами – к 2007 года они потеряли около 50 %. Частные же инвестиции, напротив, имеют выраженный повышающийся тренд, уверенно прирастая ежегодно в среднем на 5–7 % на фоне постепенного медленного роста частных компаний. За 10 лет (до 2007 года) частный сектор по инвестициям в основной капитал отвоёвал у государственного более 40 % [12]. Вместе с тем в целом предприятия Карелии имеют низкую инвестиционную активность: индекс физического объема инвестиций в основной капитал с 2004 года снижал темпы прироста, а в 2007 году начал падать.

Необходимо учитывать, что картина, отраженная в статистической информации, – это только формально зафиксированные данные. Подавляющее число частных компаний – еще не рынок и еще не сформированный институт собственности. Приходится констатировать, что частная собственность, несмотря на свою легализацию и широкое распространение, не признается населением справедливой, то есть остается нелегитимной с точки зрения большинства населения России [10]. Неслучайно в последние 5 лет наметились процессы активного включения государства в управление собственностью. Чтобы дать

объективную оценку сформировавшейся модели собственности¹ в периферийном сырьевом регионе России, важно иметь объективную информацию о латентных процессах, связанных с формированием в региональном сообществе новых социальных отношений в ответ на современные вызовы. Исследование данных процессов проведено в рамках выполнения проекта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, Государственный контракт № 16.740.11.0418 от 26.11.2010.

Экономика приграничных сырьевых регионов имеет особую исторически закреплённую специфику, связанную с ее экспортной ориентацией. При этом «граница» имеет неоднозначный эффект. С одной стороны, когда барьерная функция границы уступает место контактной, создаются благоприятные условия для развития самой экономики. С другой стороны, происходит закрепление сырьевой структуры экономики, что в целом сказывается на общей социально-экономической ситуации приграничных регионов.

Как уже говорилось выше, приватизация через ваучеризацию и акционирование предприятий вовлекла в собственнические отношения практически все население страны. Затем произошел массовый отъем и передел собственности через формальные и неформальные институты. Одним из таких неформальных институтов является смена модели корпоративного управления. Так, результаты экономико-социологических обследований предприятий Карелии демонстрируют общероссийские тенденции, связанные с перераспределением собственности на акционерных предприятиях региона². Как видно из рис. 3, за последние годы произошло практически 3-кратное сокращение доли работников предприятий в акционерной собственности и некоторое снижение доли менеджерского корпуса. На этом фоне наблюдается устойчивая тенденция увеличения доли власти разных уровней, частных лиц и иностранных инвесторов, то есть внешних собственников. Причем если в 2004 году доля администрации предприятий была чуть выше доли властных структур, то в 2007-м ситуация существенно изменилась – доля администрации предприятий снизилась, в то время как государственное участие выросло на 10 % и стало превосходить долю менеджеров практически в 2 раза. В итоге государство сегодня имеет самую высокую долю в акционерной собственности предприятий. Кроме того, отчетливо заметен рост долевого участия в собственности других предприятий, частных лиц и иностранных инвесторов.

Таким образом, место инсайдеров – администрации и трудового коллектива, постепенно занимают внешние акционеры (аутсайдеры), что свидетельствует о смене модели корпоративного управления. Российские экономисты доказывают, что «нетривиальная роль государства отлич-

чает работу региональных компаний. Участие государства в собственности поддерживает институт концентрированной собственности. Масштабы государственного участия в собственности компаний остаются значительными и относительно стабильными. Государство выступает гарантом прав собственности и инициатором импорта норм корпоративного управления» [13].

Усиление роли государства в крупных компаниях обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, российская власть пришла к переосмыслению своей роли в построении рыночного общества. «Нам в России необходимо избавиться от своеобразной “детской болезни правизны в капитализме”, в соответствии с которой только частная компания эффективна, а государство является неэффективным собственником по определению. Если брать в качестве критерия эффективности прибыль, то в большинстве случаев это так. Но при объективном экономическом анализе нельзя смешивать эффективность с точки зрения хозяйствующего субъекта и эффективность для общества. То, что может быть эффективным для частной компании, вовсе не означает автоматически эффективность для общества. И наоборот: частная компания, например, никогда не станет держать избыточные мощности и дублирующие сети, она их выведет из оборота как неэффективные, а государство в интересах общества, хоть и с повышенными издержками производства, может и должно иметь “запас прочности”, достаточный для работы сетевых систем в чрезвычайных ситуациях» [2].

Во-вторых, проблема «агентских отношений» снижает эффективность работы крупных корпораций. «Слабость институциональной среды, и в первую очередь защиты прав собственности, привела к трансформации основных механизмов корпоративного управления, выдвинув на первый

план концентрированную собственность, совмещенную со сращиванием владения и управления, которые гарантировали крупному собственнику реализацию его интересов. Именно крупные собственники могут реально претендовать на высшие исполнительские посты, что гарантирует им защиту прав собственности. Агентская проблема может решаться с помощью дополнительных механизмов мониторинга в руках собственника. Такими инструментами в первую очередь обладает государство как собственник, которое, с одной стороны, выступает регулятором, а с другой, открывает доступ к ресурсам, повышающим конкурентоспособность компании» [13].

Исследования Р. Капелюшника [5] подтверждают, что для России в настоящее время свойственна модель концентрированной собственности, когда крупная собственность начинает контролироваться богатыми семьями, в отличие от англосаксонской, в которой доминирует распыленная собственность множества более мелких собственников. Сегодня в России роль богатых семей выполняют олигархи и государственные структуры или подменяющая их силовая олигархия. Данный аспект показывает тренд усиления региональной власти-собственности.

Для Карелии процесс приватизации происходил в рамках общей для всех регионов идеологии, но с учетом региональных особенностей. Общая ситуация складывалась таким образом, что директора предприятий, освободившись от государственного «указующего перста», получили неограниченную власть над всеми ресурсами не только своих предприятий, но и локальных территорий, где они функционируют. Специфика Карелии состоит в том, что это приграничный лесосырьевой экспортноориентированный регион, еще недавно имевший монопромышленную структуру экономики, основные предприятия которой к моменту начала приватизации выполняли градообразующую функцию.

В советские времена директора градообразующих предприятий (их до сих пор называют «красными директорами», а директоров бывших леспромпхозов – «лесными генералами») отличались авторитарной политикой не только по отношению к своим работникам, но и к местному населению поселков и малых городов. Кроме того, они, как правило, имели тесную, в том числе и родственную, связь с местной и региональной властью. В ситуации высокой неопределенности будущего и в условиях отсутствия защиты прав контрактов «красные директора» и «лесные генералы» стали носителями «специальных групп интересов» [9], которые ориентируют производственную деятельность на семейно-родственные отношения, имеющие в значительной степени теневой или криминальный характер. Все это создает почву для ограничения конкуренции и монополизации рынков. Там, где государство не

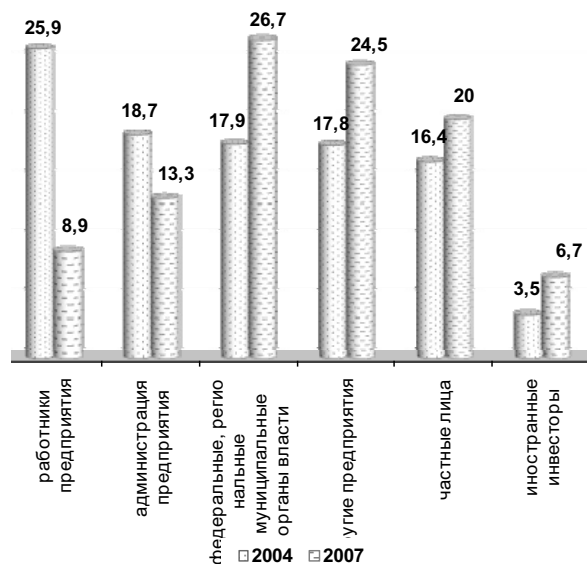

Рис. 3. Структура собственников предприятий, %

защищает и не специфицирует права собственности, эту функцию начинают выполнять экономические агенты с целью поиска ренты, получение ренты связано с использованием перераспределительной функции государства [9]. В первые годы рыночных реформ несколько «лесных генералов» монополизировали рынки сырья и сбыта лесопroduкции практически на всей территории Карелии и узурпировали власть на локальных территориях. Этому процессу способствовала старая советская лимитная система распределения лесосырьевых баз, которая была оставлена вновь созданным акционерным предприятиям в наследство от леспромхозов.

Приватизация, несмотря на доминирование в структуре собственности доли рабочих и служащих, позволила директорам контролировать собственность своих и смежных предприятий силовыми методами. В последующем акции трудового коллектива были скуплены все теми же силовыми методами (угроза увольнения, невыплата заработной платы и т. п.). В результате в середине 1990-х годов в лесном комплексе Карелии была создана модель собственности «лесных генералов» по типу феодальной; они фактически незаконно стали безраздельно владеть лесными, производственными и трудовыми ресурсами локальных территорий. Как сказал М. Делягин, «бизнес развивался за счет захвата чужой собственности и при отсутствии института защиты прав собственности свою собственность гарантировал за счет политических механизмов» [1]. Монополисты блокировали идею создания вертикальных структур, объединяющих лесозаготовителей и деревообработчиков, полагая, что будут и дальше контролировать лесной рынок. Приграничное положение давало им преимущественный выход на европейские рынки с необработанной древесиной и получение «быстрых денег» без каких-либо инвестиционных нагрузок. Здесь для региона возникают три опасных момента.

Во-первых, экономика, ориентированная на экспорт сырья, имеет сильную зависимость от колебаний спроса и цен на сырьевые товары европейских рынков и от изменения курса рубля. В ситуации с Карелией в 1990-е годы эти колебания определили нестабильное социально-экономическое развитие республики. «В 1994 г. промышленное производство упало на 20,7 %, в 1995 г. – выросло на 2,6 %, в 1996 г. – опять упало на 16,5 %, в 1997 г. – выросло на 1,7 %, в 1998 г. – упало на 2,8 % и в 1999 г. – выросло на 21,6 %. Небольшой спад в европейских странах вызывает снижение спроса на сырьевые товары и снижение цен, что сказывается на уровне жизни населения Карелии. При периодическом ухудшении ситуации на мировых сырьевых рынках в республике ощущается недостаток средств для покрытия внутренних потребностей, связанных с финансированием социальной сферы» [3].

Во-вторых, близость к границе стала фактором неконкурентоспособности карельской древесины и остается им до сих пор. Ориентация на рынок Финляндии заранее определяет завышенную цену и себестоимость заготовленной в Карелии древесины, так как предприятия заинтересованы продать ее в Европе в 1,5–2 раза дороже, чем на внутреннем рынке. Поэтому значительная часть карельских лесозаготовителей оказалась оттесненной от российского рынка, так как их древесина была слишком дорогой по сравнению, например, с архангельской или костромской [3].

В-третьих, сложившаяся ситуация закрепляет «голландскую болезнь». Лесной комплекс, а вместе с ним весь лесной кластер попадают в институциональную ловушку, созданную еще в 1990-е годы. Регионы, не имеющие возможности экспортировать лесное сырье и не имеющие финансовых льгот, как Карелия (федеральные налоги оставались в республике в специальном инвестиционном фонде), вынуждены были искать пути развития через развитие инновационных проектов в образовании, обрабатывающих производствах, новых отраслях [4]. Закрепление «голландской болезни» чревато отставанием региона в плане устойчивого развития, так как от нее страдают и экономика, и социальная сфера, и экология.

В результате использование монопольного положения создает тройной негативный эффект для республики и ее населения. В таких условиях цель бизнеса – максимизация прибыли – реализовалась в виде получения монопольной прибыли или ренты (по Бьюкенену, рента – доход, получение которого сопровождается нанесением ущерба благосостоянию общества) [14]. Экономические показатели лесных отраслей в 1990-е годы свидетельствуют об их неэффективном развитии, а следовательно, о неэффективном собственнике.

К концу 1990-х годов в рамках нового лесного законодательства (Лесной кодекс 1997 года) региональная власть стала восстанавливать рычаги влияния на лесной бизнес через лесные ресурсы – началось внедрение арендных отношений, лесные ресурсы начали распределяться на конкурсной основе. Эти меры привели к перераспределению «прав собственности» на лес от директоров предприятий к региональным и муниципальным чиновникам, которые также в свою очередь монополизировали собственность на лесные ресурсы. Формально этот процесс проходил в рамках закона, а фактически ренту начали получать представители власти без учета интересов большинства регионального сообщества. Манипулируя лесными конкурсами, распределением прав аренды леса, требованиями к оплате аренды, чиновники действовали по тому же семейно-клановому принципу [8].

Вместе с тем в этот период начались некоторые структурные подвижки в лесном комплексе республики. «В Карелии начали реализовывать

ся инвестиционные проекты в лесопереработке – были восстановлены стоящие несколько лет деревообрабатывающие предприятия, работавшие до реформ на экспорт. Создавались интегрированные бизнес-группы, включавшие лесозаготовительные предприятия и лесозаводы» [4]. Тем не менее сырьевая зависимость не преодолена, региональная лесная политика продолжается на местнической основе. В результате регион снова не получил эффективного собственника ни предприятий, ни лесных ресурсов.

Новый разворот в структуре собственности лесных предприятий произошел с вводом нового Лесного кодекса в 2007 году. Характерной особенностью этого этапа является усиление роли региональной элиты. Закон дает преференции крупному бизнесу, так как основной формой распределения лесосырьевой базы становятся аукционные торги. Средний и малый бизнес в таких условиях становится неконкурентоспособным. Региональные власти заинтересованы в привлечении крупных инвесторов на территорию республики. Именно они делают основной выбор потенциальных собственников леса и лоббируют их победу. За этим просматривается появление сращенного интереса региональной власти и крупного бизнеса.

В настоящее время продолжают процессы, связанные с закреплением зависимости работников предприятий, жителей поселков и малых городов от политики главного собственника. Новая лесная власть при этом не несет никакой социальной ответственности. У людей отбирается не только право на работу, но и право на жилище, которое на сегодня пришло в негодность, а ремонт или приобретение нового для них практически неподъемно. Крупный бизнес сегодня не заинтересован вкладывать инвестиции в социальную сферу. У него практически нет обязательств (ни социальных, ни моральных) перед местными сообществами. Особенно остро эти вопросы стоят в депрессивных районах Республики Карелии.

Кроме того, эффективность лесной экономики Карелии крайне низка: уже в 2007 году, не говоря о настоящем периоде, 90 % лесозаготовительных предприятий были убыточными. Более стабильно лесозаготовительные предприятия работали небольшой период с 1998 до 2001 год, когда действовало валютное преимущество, которое, к сожалению, не использовали для модернизации и диверсификации производства. Первое десятилетие XXI века прошло под знаком убытков. Приходится констатировать, что эффективный собственник леса пока остается недостижимым для таких регионов, как Карелия.

В результате региональный лесной кластер, включающий, помимо самой лесной экономики, и работников предприятий, и так называемые лесные поселки, условия существования этих поселков [7], не только не развивается, а фактиче-

ски деградирует. Мы неслучайно делаем акцент именно на кластере и говорим, что сегодняшние собственники леса в новых заданных институциональных форматах приобретают еще больше собственности, а следовательно, и власти без ответственности над территорией своего присутствия, что чревато дальнейшей социально-экономической деградацией этих территорий и местных сообществ.

Л. Г. Григорьев пишет: «В идеале государство должно было бы вводить некие правила, которые ограничивали бы бизнес. А у нас действует не государство, действуют индивидуальные чиновники, которые грабят конкретный бизнес. Я не вижу каких-то новых правил, которые бы обязывали бизнес что-то делать. В этом смысле у нас формально свобода бизнеса сохраняется. Она ограничивается фактически – вмешательством конкретных организаций или чиновников, а не системно» [1]. Таким образом, через некачественные институты, создающие препятствия для развития бизнеса (разрешительная система, налоговая система, система кредитования и т. п.), в которых заинтересованы и которыми управляют конкретные чиновники, подменяются функции государства. Чиновники при этом узурпируют государственную собственность, вводя частный режим собственности [11]. В сложившихся условиях от фактических собственников ресурсов (а на сегодня это региональная власть в связке с крупным бизнесом) требуется выстраивание строгих и прозрачных схем взаимодействия с бизнесом, что могло бы способствовать легитимизации и спецификации сформированных прав собственности. Население должно участвовать в этой системе взаимодействия через компенсационные механизмы, обеспеченные как государством, так и бизнесом. А. Бузгалин уверен, что для России с ее коллективистскими традициями вполне подошла бы «модель, когда часть прав собственности принадлежит государству. В скандинавских странах частный собственник не может сделать очень много, поскольку государством установлены жесткие рамки в отношении того, как он может использовать объект собственности, какие правила он должен соблюдать. В этих странах не социализм, но сильно социализированная система прав собственности, где нет личной зависимости, сильна социальная составляющая собственности. Отношения собственности должны удовлетворять двум критериям. Во-первых, быть адекватными историческим условиям и культурным традициям России. Во-вторых, обеспечивать переход общества к экономике, основанной на знаниях. По всей видимости, в такой системе отношений собственности большие права принадлежат государству, большие права принадлежат работникам и гражданам, а бизнес существенно ограничен, социально ответственен, но при этом имеет систему чет-

ких гарантий» [1]. Может ли в России развиваться «скандинавская модель» собственности? Вопрос дискуссионный и даже где-то риторический. Обратимся к исследованиям С. Кирдиной. «Базируясь на теории институциональных матриц, можно говорить о прогнозе развития отношений собственности в современной России. Прогноз предполагает, что сохранится основополагающая роль условной верховной собственности, будут легитимизированы и специфицированы ее формы и правила действия, оформится роль реди-стрибутивного хозяйствующего центра (что-то вроде прежнего Госплана), которая сегодня в значительной мере расплыта и явно не обозначена. Одновременно сформируется поддерживаемая обществом и органами государственной власти разных уровней ниша действия “частной” собственности и будет осознан ее дополнительный характер, что найдет отражение в соответствующих законодательных актах» [6].

Перераспределение собственности, которое наблюдается в настоящее время в России, показывает, что происходит закрепление модели «сильного чиновника». Ни частный, ни государственный сектор институционально не защищены. Права собственности размыты, что позволяет чиновнику их узурпировать. Выстраивание вертикали власти сопровождается усилением роли власти-собственности. Государство (под ним в нашем

анализе нужно понимать чиновников) активизировалось в усилении контроля над собственностью.

Как показывают результаты исследования, институты, которые в настоящее время регулируют экономические отношения в российском обществе, еще не вполне сложились. Изменившись принципиально, они до конца не оторвались от своего исторического прошлого (и советского, и более раннего российского) и не приобрели рыночные черты, то есть имеют переходный характер. Причем этот характер в большей степени формируется и воспроизводится под воздействием рентоориентированных групп общества.

С 1990-х годов в России продолжается поиск оптимальной модели собственности. Заложенная в институциональной матрице российского общества модель «власть-собственность» (или, как ее называет С. Кирдина, условная верховная собственность) сегодня не вписывается в форматы власти-ответственности, которая доминирует в странах с развитой рыночной экономикой. Может быть, выход в глобальную экономику и повышенные требования мирового потребителя смогут создать стимулы для формирования социальной ответственности российского государства вкупе с бизнесом, что позволит им «пережить» распад сложившихся групп специальных интересов и освободиться от рентозависимости. Тогда возможным станет сценарий С. Кирдиной [6].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Модель собственности, с одной стороны, это сформированная к настоящему времени конфигурация состава собственников, их инвестиционного потенциала, а с другой – эволюция структуры групп политических интересов федерального и регионального уровней в отношении собственности.

² Исследования реализованы в рамках проектов: РФФИ «Проблемы формирования института собственности в условиях переходной экономики» (№ 06-06-80413а), 2006–2008 годы (рук. Г. Б. Козырева); РФФИ «Организация и проведение экспедиционного экономико-социологического обследования процессов формирования института собственности в условиях лесной реформы» (№ 08-06-10031к), 2008 год (рук. Г. Б. Козырева); РГНФ «Исследование региональной инновационной системы и разработка методов перехода от в основном сырьевой экономики к инновационной в условиях финансовых ограничений» (№ 06-02-04059а), 2006–2008 годы (рук. М. В. Сухарев); РГНФ «Карельская модель трансграничного сотрудничества» (№ 07-02-009а), 2007–2009 годы (рук. Т. В. Морозова).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бузгалин А., Григорьев Л., Делягин М. и др. Проблемы собственности в современной России // Отечественные записки. 2005. № 1. С. 6–28.
2. Варнавский В. Государственно-частное партнерство в России: проблемы становления // Отечественные записки. 2004. № 6. С. 172–180.
3. Дружинин П. В. Проблемы развития экономики Карелии // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 51–59.
4. Дружинин П. В. Развитие экономики приграничных регионов в переходный период. Петрозаводск, 2005. 245 с.
5. Капелюшников Р. Концентрация собственности и корпоративный ландшафт современной мировой экономики // Отечественные записки. 2005. № 1. С. 166–192.
6. Кирдина С. Г. Собственность в Х-матрице // Отечественные записки. 2004. № 6. С. 128–129.
7. Козырева Г. Б. Социально-экономические последствия лесной политики современной России. М., 2007. 248 с.
8. Козырева Г. Б. Экономическое поведение предприятий лесного сектора Карелии в условиях рыночных преобразований // Вопросы экономики. 2007. № 7. С. 136–151.
9. Морозова Т. В., Козырева Г. Б., Сухарев М. В. Регион как социально-экономическая система: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 308 с.
10. Политическая экономия России: динамика общественного договора в 2000-х годах: Избранные труды Института национального проекта «Общественный договор», 2000–2009 / А. А. Аузан, А. В. Золотов, В. Л. Тамбовцев. М., 2010. С. 384–430.
11. Права собственности, приватизация и национализация в России / Под общ. ред. В. Л. Тамбовцева. М., 2009. 504 с.
12. Республика Карелия в цифрах. Статистический сборник. Петрозаводск: Карелиястат, 2009. 61 с.
13. Ружанская Л. С. Развитие совета директоров как внутреннего механизма корпоративного управления // Корпоративные финансы. 2007. № 4. С. 14–33.
14. Скоробагатов А. С. Современная российская стабильность: предпосылки экономического развития или институциональный склероз? // Постсоветский институционализм-2007. Варианты национального развития России: предпосылки, закономерности, перспективы / Под ред. Р. М. Нуреева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. С. 12–27.

ДАВИД БОРИСОВИЧ ОДЛИС

соискатель кафедры технологии и оборудования лесного комплекса лесинженерного факультета, Петрозаводский государственный университет
odlis@onego.ru

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ РУДАКОВ

доктор экономических наук, профессор кафедры технологии и оборудования лесного комплекса лесинженерного факультета, Петрозаводский государственный университет
rud@drevlanka.ru

РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ: СУЩНОСТЬ И ВЫБОР СТРАТЕГИИ, РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА (на примере машиностроения)

В статье на примере машиностроения анализируются процессы и результаты рыночной адаптации российских предприятий. Определено основное содержание реструктуризации, ее соотношение с корпоративной стратегией и факторы выбора. На основе практики машиностроительных предприятий Республики Карелии обосновывается стратегия выживания.

Ключевые слова: машиностроение, реструктуризация, стратегия

Важнейшим направлением государственной региональной политики является обеспечение сбалансированного социально-экономического развития субъектов России, сокращение межрегиональной дифференциации экономического состояния и уровня жизни населения. Перспективным инновационным механизмом формирования и реализации конкурентных преимуществ регионов может стать создание инновационных специфически-региональных комплексов, основанных на специализации субъектов Федерации, модернизации региональной экономики и ускорении ее инновационно-структурной перестройки, важнейшим элементом которой является реструктуризация российских предприятий [6], [11].

В странах с развитой рыночной экономикой реструктуризация является составной частью естественного и постоянного процесса активного развития, осуществляемого с целью сохранения конкурентоспособности в быстро меняющейся экономике. Перед постсоветскими предприятиями стояла более сложная задача – найти свое место в рыночной экономике, сформировать видение бизнеса, способного эффективно осуществлять свою деятельность в новых условиях, разработать и реализовать комплекс реструктуризационных мероприятий, направленных на трансформацию дореформенных предприятий в компании или группу компаний рыночного типа.

Кроме того, преобладание тех или иных ключевых субъектов реструктуризации (собственников, менеджмент предприятия, профсоюз предприятия, государство, кредиторы и др.), а также степень их добросовестности по отношению к предприятию определяли в каждом конкретном случае мотивы реструктуризации (долгосрочное повышение ликвидности и стоимости собствен-

ных акций, сохранение рабочих мест, повышение заработной платы, налоговые или спекулятивные мотивы и др.) и ее цели (долгосрочный рост капитализации предприятия, увеличение объемов производства, восстановление и сохранение платежеспособности предприятия и др.). При этом выбор конкретной стратегии реструктуризации не в меньшей степени определялся состоянием объекта реструктуризации и факторами внешней и внутренней среды.

С учетом сказанного под понятием «реструктуризация» подразумевается комплексное преобразование структуры постсоветского предприятия и всех его подсистем с целью создания конкурентоспособного в условиях рыночной экономики предприятия или предприятий, а также повышения эффективности использования и стоимости всех имеющихся активов в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Необходимым условием успешной реструктуризации предприятия является создание на его базе или с использованием его ресурсов, включая человеческие, одного или нескольких конкурентоспособных предприятий. Например, на базе корпусов предприятия электронной промышленности – завода «Онего» – создана группа торговых предприятий «Центральная стройбаза Карелии».

На наш взгляд, совпадающий с мнением ряда зарубежных и российских исследователей, ключевой стратегией всех постсоветских предприятий, испытывающих трансформационный шок, является стратегия выживания. В соответствии с теорией выживания предприятия переходного периода не являются рыночными и не ориентированы на получение прибыли, а попытка отдельного предприятия реализовать рыночную стратегию при соблюдении остальными хозяй-

ствующими субъектами старых правил игры не даст ему никаких преимуществ [1].

Известно, что отраслевой спад характеризует неопределенностью будущей динамики спроса, темпами падения, структурой остающегося спроса, причинами падения спроса [7]. Можно условно принять за причины падения спроса на машиностроительную продукцию отечественных предприятий в период трансформации изменение потребностей и технологическое замещение, что в какой-то мере соответствует действительности, поскольку импортная техника, вытеснившая с рынка отечественную, являлась по отношению к ней инновационной. При этом темпы падения были просто огромными. Структура остающегося спроса сдвигалась в сторону более дешевых и менее производительных видов продукции.

Так, Онежский тракторный завод с начала 1990-х годов практически перестал продавать машины с манипулятором для бесчokerной трелевки леса, а трелевочные трактора на новой более мощной и производительной базе продавались лишь со значительными скидками в цене.

Однако и барьеры для выхода предприятий из отрасли были в краткосрочной перспективе также непреодолимы: наличие специализированных активов и активов длительного пользования (что свойственно для всех машиностроительных предприятий), постоянные издержки выхода, стратегические барьеры для выхода (в соответствии с действующим законодательством Онежский тракторный завод должен был производить запасные части для огромного парка своих тракторов, выпущенных при социализме, кроме того, отвечал за госкапвложения, которые продолжали выделяться на строительство второй площадки), управленческие и психологические барьеры, барьеры, связанные с государственной политикой (правительство оказывало на менеджмент компании формальное и неформальное воздействие, используя своих представителей в советах директоров, право «золотой акции», рычаги господдержки и пр.), барьеры, связанные с социальными последствиями, механизм ликвидации активов (большинство имеющихся у машиностроительных предприятий активов в первую половину 1990-х годов были практически неликвидны и в качестве бизнеса, и в качестве имущественного комплекса).

В таких условиях эгоистичная ненаучная стратегия выживания во многих случаях оказывалась единственной успешной стратегией для предприятий. При этом органы власти осуществляли реальные действия, соответствующие ожиданиям предприятий, реализующих стратегию выживания: практиковались государственные заказы на некоторые виды продукции, выделялись бюджетные ссуды для поддержки предприятий, списывались проценты по ним, а иногда и сам долг, списывались пени по налогам, допускались

зачеты по налогам готовой продукцией, чиновники закрывали глаза на многомесячные задержки заработной платы и на огромные недоимки в бюджеты и внебюджетные фонды.

В ходе рыночных реформ в России не удалось сформировать хозяйствующие субъекты рыночного типа, и в результате многолетней борьбы за выживание в российской экономике возникла (уточним – вынужденно возникла) модель хозяйствующего субъекта, представляющего «эkleктическую комбинацию предприятия периода централизованного управления и разномасштабных рыночных элементов, механически заимствованных из зарубежной практики» [4].

Кроме того, в условиях отсутствия теоретической базы постсоциалистической трансформации, отсутствия серьезной государственной концепции реструктуризации российских промышленных предприятий, острого дефицита информации, касающейся практического опыта трансформации зарубежных и российских компаний, существующие на тот момент субъективные факторы (характеристики топ-менеджмента предприятий), на наш взгляд, в значительной степени определяли конкретные сценарии трансформации на российских промышленных предприятиях, включая предприятия машиностроения.

В целом трансформационный кризис начала 1990-х годов тяжело отразился на российском машиностроении. Резко снизилась емкость рынков инвестиционных и потребительских товаров, а также продукции «оборонки», в результате объем производства в машиностроении и металлообработке упал в 3,1 раза. Производство отдельных видов продукции упало многократно. При этом галопирующая инфляция первых лет реформ практически полностью лишила большинство промышленных предприятий, включая и предприятия машиностроения, собственных оборотных средств. В 1996 году коэффициент текущей ликвидности в целом по промышленности РФ составлял 0,96, что свидетельствовало о неудовлетворительной структуре баланса у большинства хозяйствующих субъектов. От многократного падения удержались лишь несколько позиций, включая дефицитные при социализме легковые автомобили [10].

В результате произошедшего «обвала» производительность труда на среднем российском машиностроительном предприятии, значительно отстававшая от уровня развитых стран еще в дореформенной экономике, снизилась до уровня 10–20 % от передовых стран, а доля отрасли от всей промышленности России сократилась с 29,6 % в 1990 году до 19,0 % в 2000 году. Для сравнения: в США она составляла по состоянию на конец XX века 46,0 %, в Великобритании – 39,6 %, в Японии – 51,5 %, в Венгрии и Китае, успешно завершивших к тому времени основной этап трансформации, – 47,2 и 35,2 % соответственно [5], [9].

Не стало исключением и машиностроение Республики Карелии. Тем более, что в его составе значительную долю занимали подотрасли, в наибольшей степени пострадавшие от реформ, – тракторостроение и станкостроение: по данным статистики, объем производства тракторов в Карелии сократился более чем в 20 раз (с 10,7 тыс. шт. в 1990 году до 0,5 тыс. шт. в 1996-м), производство деревообрабатывающих станков за этот же период времени упало почти в 12 раз (с 248 шт. в 1990 году до 21 шт. в 1996-м).

О том, что значительное падение объемов затронуло большинство машиностроительных предприятий Карелии, можно судить по сократившейся за период 1991–1999 годов в 2,5 раза численности промышленно-производственного персонала отрасли, а также снижению доли машиностроения и металлообработки в промышленности республики с 20 % в 1990 году до 6,9 % к 1996 году [8].

Для отечественного машиностроения, обремененного многочисленными диспропорциями командной экономики и отставшего по своему техническому уровню на десятилетия от передовых предприятий развитых стран, многократное падение объемов производства (продаж) до уровня платежеспособного спроса стало настоящей катастрофой. Если в дореформенных условиях уровень специализации машиностроительных предприятий и их производственных подразделений не соответствовал мировым стандартам, то в результате трансформации в производственных подсистемах возникли просто беспрецедентные диспропорции.

Стороннему наблюдателю трудно представить масштабы финансовой катастрофы предприятия, пережившего двадцатикратное падение объемов производства и вынужденного содержать значительную часть персонала и состав-

рившийся имущественный комплекс, построенный по принципу «натурального хозяйства». Например, полная восстановительная стоимость основных фондов Онежского тракторного завода, созданных в СССР, в сегодняшних ценах составляет примерно 10 млрд рублей (по экспертной оценке), что соответствует 1600 ежегодным амортизационным отчислениям этого предприятия в начале 2000-х годов. Безусловно, такие сопоставления носят в большей степени теоретический характер. Рыночная цена изношенных основных фондов Онежского тракторного завода исчисляется отнюдь не миллиардами рублей, и сегодня нет потребности в воспроизводстве морально устаревшего производственного комплекса.

Можно без преувеличения сказать, что на уровне микроэкономики процессы реструктуризации конкретных предприятий и их трансформации в условиях изменяющейся, крайне неустойчивой внешней среды находились под определяющим влиянием разнонаправленных факторов, интересов и тенденций. Для их понимания и систематизации воспользуемся таблицей классификации факторов, определяющих стратегии реструктуризации [3], [5], внеся в нее определенные изменения исходя из специфики реструктуризации машиностроительных предприятий в Республике Карелии (см. таблицу).

Практика реструктуризации машиностроительных предприятий Республики Карелии показывает, что выбор и реализация стратегий реструктуризации находились, как правило, под влиянием нескольких ключевых субъектов реструктуризации. При этом их значимость и позиции нередко менялись в ходе реформ и в зависимости от ситуации.

В первые годы рыночных реформ ОАО «Онежский тракторный завод» много раз вынуждено было отдавать кредиторам в счет погашения

Классификатор факторов, определяющих стратегии реструктуризации

Основные компоненты экономического меха- низма реструктуризации	Характеристики компонент											
	Основные цели реструктуризации	Сохранение рабочих мест		Сохранение платеже- способности		Восстановление объемов производства		Диверсификация		Другие		
	Объект реструктуризации	Структурное подразделение предприятия		Самостоятельное подразделение, филиал		Подсистема пред- приятия (производст- венная и др.)		Отдельное предприятие или объединение		Другие		
	Состояние объекта ре- структуризации	Полное прекраще- ние деятельности		Потеря платежеспособности при наличии заказов			Финансовые проблемы при наличии заказов		Успешная адаптация к условиям рынка			
	Ключевые субъекты ре- структуризации	Собственники (акционеры)		Кредиторы		Государство		Менеджеры предприятия		Коллектив		Другие
	Мотивы реструктуризации	Повышение стоимости акций	Взыскание задолженности		Недопущение социального взрыва		Обеспечение успешной карьеры		Личное обогащение		Другие	
	Ключевые факторы внешней среды	Государственная политика реформи- рования экономики		Темпы формирова- ния инфраструк- туры рынка		Отраслевые особен- ности – отсутствие инвестиций		Отношения с региональной властью			Другие	
	Ключевые факторы вну- тренней среды	Профиль произ- водства	Возраст и состояние основных фондов	Финан- совое состояние	Устойчивость поведенческих стереотипов		Степень влия- ния трудового коллектива		Механизм принятия решений	Наличие не- скольких цен- тров власти		Другие

долга готовую продукцию по заниженным ценам. ЗАО «Петрозаводскмаш» в счет задолженности по налоговым платежам рассталось с целым рядом социальных объектов – профилакторием, спорткомплексом, комбинатом общественного питания, двумя детскими садами, базой отдыха, подсобным хозяйством.

На большинстве рассматриваемых предприятий ключевыми и главными субъектами реструктуризации в 1990-х годах выступал топ-менеджмент. В дальнейшем (с конца 1990-х годов) активное участие в формировании стратегий реструктуризации также стали принимать акционеры, сформировавшие крупные пакеты акций.

Несмотря на отсутствие результативной государственной концепции в отношении реструктуризации машиностроительных предприятий и непоследовательность власти в этом вопросе, собственники и топ-менеджеры нередко реализовывали современные и оригинальные стратегии реструктуризации. Примером является стра-

тегия реструктуризации подсистемы маркетинга, реализованная Онежским тракторным заводом, когда в 1994 году в Республике Карелии была создана лизинговая компания «Онего-лизинг» для обеспечения лесопромышленного комплекса Северо-Запада европейской части России продукцией машиностроения на основе лизинга. В числе первых в стране компания получила лицензию на лизинговую деятельность [2] и, несмотря на неблагоприятные условия внешней среды, сумела обеспечить лесозаготовительной техникой в тяжелые годы переходного периода многие леспромхозы Северо-Запада России.

В заключение отметим, что единства в понимании стратегий реструктуризации машиностроительных предприятий до сих пор не существует. Более того, множественность факторов, обуславливающих выбор конкретной стратегии и их комбинации, предопределяет и многообразие образцов поведения предприятий в дореформенную эпоху интеграции машиностроения России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айкс Б., Ритерман Р. От предприятия к фирме: заметки по теории предприятия переходного периода // Вопросы экономики. 1994. № 8. С. 31–39.
2. Волнухин Н. М., Одлис Д. Б., Кобзев М. В. Разукрупнение предприятия путем создания дочерних обществ (на опыте ОАО «Онежский тракторный завод»). Петрозаводск, 1999. 121 с.
3. Жданов В. В. Анализ и формирование стратегии управления реструктуризацией предприятия: на примере предприятия электроэнергетической промышленности: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2008. 18 с.
4. Мильнер Б. З. Управление реструктуризацией экономики // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 1. С. 115.
5. Народное хозяйство СССР в 1990 году. М.: Финансы и статистика, 1991. 752 с.
6. Одлис Д. Б., Шегельман И. Р. Предпосылки к формированию в Карелии кластера лесного машиностроения // Микроэкономика. 2009. № 8. С. 253–256.
7. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 453 с.
8. Промышленность Карелии. Петрозаводск: Карелиястат, 2005. 60 с.
9. Промышленность России. М.: Госкомстат России, 2002. 454 с.
10. Российский статистический ежегодник, 2001. М.: Госкомстат РФ, 2001. 679 с.
11. Рудаков М. Н., Одлис Д. Б. Пути выхода из кризиса российского лесного машиностроения // ЭКО. 2010. № 1. С. 76–89.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ БЕЛОУСОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов экономического факультета, Марийский государственный технический университет
belousovas@marstu.net

СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА ВИНОКУРОВА

аспирант кафедры экономики и финансов экономического факультета, Марийский государственный технический университет
vinokurovasa@marstu.net

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФИНАНСОВОМУ АНАЛИЗУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

Рассмотрены теоретические аспекты, связанные с современными методическими подходами к анализу финансово-экономической деятельности коммерческого банка, сделано их обобщение, выявлена роль факторов, оказывающих влияние на деятельность банка, дано понятие предмета финансового анализа применительно к коммерческим банкам.

Ключевые слова: банковская система, банковская деятельность, финансовый анализ, кредитные организации, финансовые ресурсы

В настоящее время собственные методы финансового анализа разрабатывают многие банки, аудиторские фирмы, рейтинговые агентства и другие заинтересованные лица. Уместно подчеркнуть, что теория и методология экономического анализа хозяйственной деятельности предприятия (хозяйствующего субъекта) как наука уже сложилась и постоянно совершенствуется, что нельзя сказать о теории и методологии анализа банковской деятельности.

Современная российская банковская система имеет относительно недолгую историю становления и развития. Она начала свое формирование с конца 80-х годов прошлого века, когда осуществлялась перестройка управления плановой экономикой (первый коммерческий банк появился в августе 1988 года), и получила интенсивное развитие на этапе трансформации централизованной экономики в экономику рынков в 1990-е годы. Таким образом, современная модель экономической организации банковской деятельности функционирует чуть больше 20 лет. За это время финансовый анализ банковской деятельности еще не сложился как система научных знаний, о чем свидетельствует содержание учебников, изданных в последние годы [2], [4], [5], [7], [9], [11], [12], а научно-исследовательские работы описывают только отдельные вопросы, связанные с финансовым анализом банковской деятельности [1], [3], [6], [10]. У их авторов нет даже общего подхода к названию этой дисциплины, но справедливо отмечается, что прежде всего требуется разработка вопросов методологии и методов осуществления анализа, определения его места среди других экономических наук.

При изучении финансового анализа банковской деятельности наиболее неопределенными являются подходы к выявлению предмета финансо-

вого анализа, в качестве которого чаще всего указывается банковская деятельность или деятельность коммерческого банка.

Если банковскую деятельность рассматривать как особый вид деятельности, требующий получения для ее осуществления специального разрешения (лицензии), то следует понимать ее как деятельность по выполнению только банковских операций. Но, как вытекает из Закона о банках и банковской деятельности [8], банк, получая лицензию на выполнение банковских операций, одновременно с этим получает право осуществлять сделки, а также оказывать услуги и проводить операции с ценными бумагами, которые не являются банковскими по своей сути. Отсюда следует, что «деятельность коммерческого банка» и «банковская деятельность» – понятия не тождественные (рис. 1).

Таким образом, предметом анализа является деятельность коммерческого банка, осуществляемая в соответствии с Законом и направленная на получение прибыли или обеспечение сбалансированности расходов и доходов, изучаемая комплексно с целью объективной оценки ее эффективности и выявления резервов ее повышения, а также обеспечения финансовой устойчивости банка.

Следует подчеркнуть, что методические подходы разных авторов к проведению анализа далеко не однозначны. Для получения адекватной оценки финансовой деятельности банка необходима методика, основанная на единой системе показателей, которой сейчас нет.

Западная методика финансового анализа банков неприемлема в российской банковской практике. Поэтому необходима разработка организации и методологии финансового анализа деятельности коммерческого банка с учетом российских

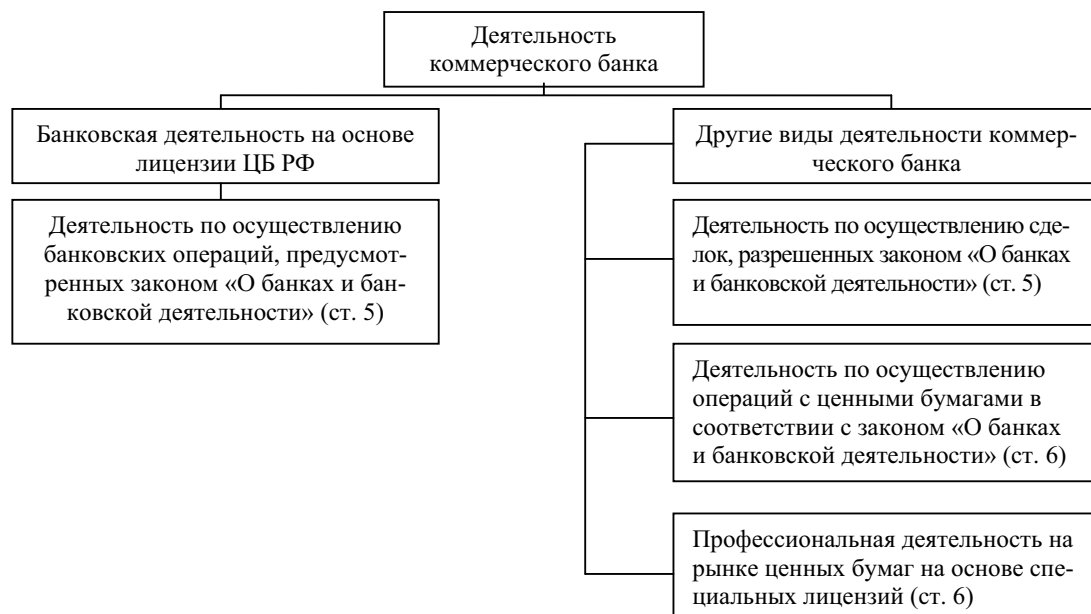

Рис. 1. Соотношение понятий «деятельность коммерческого банка» и «банковская деятельность»

национальных экономических особенностей и возможностей построения аналитической модели финансового анализа на основе действующей системы банковского учета и отчетности и возможностей использования западных стандартов в этой области [9].

Успешность проведения комплексного финансового анализа требует системного подхода к изучению деятельности коммерческого банка, в основу которого целесообразно положить механизм его функционирования или модель экономической организации банковской деятельности с учетом особенностей, присущих этой деятельности.

Современная экономическая теория рассматривает банки как особый вид финансовых посредников. Как финансовые посредники банки характеризуются следующими отличительными признаками.

- Они осуществляют двойной обмен долговыми обязательствами, что присуще только банкам. Привлекая финансовые ресурсы в свой оборот, банки выпускают долговые обязательства от своего имени и мобилизованные на этой основе средства размещают также от своего имени в долговые обязательства, выпущенные другими. Это отличает банки от других финансовых посредников (брокеров и дилеров), осуществляющих деятельность на финансовом рынке без выпуска собственных долговых обязательств.
- Банки формируют собственные обязательства на основе высоколиквидных и фиксированных по суммам вкладов (депозитов). Только банки принимают на себя безусловные обязательства с фиксированной суммой дол-

га и уплаты процентов по нему физическим и юридическим лицам. Такие обязательства несут в себе наибольший риск для банков, поскольку должны быть оплачены в полной сумме независимо от изменения стоимости их активов. С другой стороны, риск невозврата размещенных ими средств банки тоже берут на себя, что может существенно сказаться на результатах деятельности.

- Наряду с посреднической важнейшей функцией банков является качественная трансформация активов. Содержанием этой функции является изменение банком при осуществлении им посреднической деятельности параметров финансовых требований своих вкладчиков при выдаче кредитов, имеющих отличные от депозитов характеристики (другие суммы, сроки, ставки). Именно банки способны наиболее эффективно решать проблему трансформации пассивов в активы. Как правило, они обладают активами, срочность которых превышает сроки исполнения их собственных обязательств перед клиентами; размеры отдельных активов превышают размеры отдельных обязательств; ликвидность финансовых требований клиентов выше ликвидности активов, а степень риска активов банка выше, чем степень риска его обязательств. Такое различие качественных характеристик активов и пассивов баланса банка означает, что банк берет на себя часть риска поставщика финансовых ресурсов, в связи с этим у него возникает задача управления этим риском с целью исключения или возможного сокращения своих экономических потерь.

- На всех этапах движения ресурсов основным их видом для банка являются финансовые ресурсы, и подавляющую их часть (более 90 %) представляют заемные и привлеченные, а не собственные средства.

Эти особенности позволяют разграничить для банка понятия «экономическая деятельность» и «финансовая деятельность», хотя они очень близки по смыслу. Анализ экономической литературы показывает, что большинство авторов относят анализ деятельности коммерческого банка к области финансового анализа, поскольку финансовая деятельность в банке является преобладающей, и понятия «экономический анализ» и «финансовый анализ» для банков практически тождественны [12]. То есть для обозначения всех аспектов трансформации банком финансовых и других ресурсов представляется необходимым использовать термин «финансовая деятельность». Именно в процессе ее осуществления совершаются банковские и некоторые другие операции.

По мнению А. Ю. Петрова и В. И. Петровой, основными подходами к анализу финансовой деятельности банка являются: 1) подход к анализу, основанный на изучении банковских операций; 2) подход к анализу, основанный на изучении в динамике объемов используемых финансовых и других ресурсов банка; 3) подход к анализу, основанный на исследовании финансовых результатов. Исследователи считают, что данные подходы следует рассматривать отдельно, но обязательно во взаимосвязи [9].

Финансовая деятельность банка при этом выступает как совокупность отдельных банковских операций. Анализ предполагает их привязку к конкретным суммам финансовых и других ресурсов, чтобы оценить результаты и эффективность отдельных операций. Однако в силу огромного множества совершаемых операций на практике такой аналитический подход применить очень трудно. Более применимы в силу сказанного другие подходы к анализу.

Весьма целесообразным является подход на основе анализа объема ресурсов. Он дает возможность определить общую величину ресурсов банка в целом и по отдельным видам и характеристикам (срок, ликвидность, риск и др.), а также источникам их образования и направлениям использования. Основным источником информации для такого анализа является бухгалтерский баланс банка.

Подход к анализу финансовой деятельности с точки зрения финансовых результатов позволяет определять и анализировать суммы доходов от использования финансовых, материальных, трудовых и других ресурсов, расходов по всем видам ресурсов, а также величину прибыли банка и ее распределение. Такой подход устраняет ограниченность второго подхода, основанного

на объемных показателях, позволяет учесть результаты использования финансовых и других видов ресурсов банка. Этот подход базируется на анализе информации, содержащейся в банковском отчете о доходах и расходах.

Из изложенного можно сделать вывод, что наиболее приемлемым способом анализа финансовой деятельности банка является объединение второго и третьего подходов. Блок-схема такого способа анализа деятельности коммерческого банка показана на рис. 2.

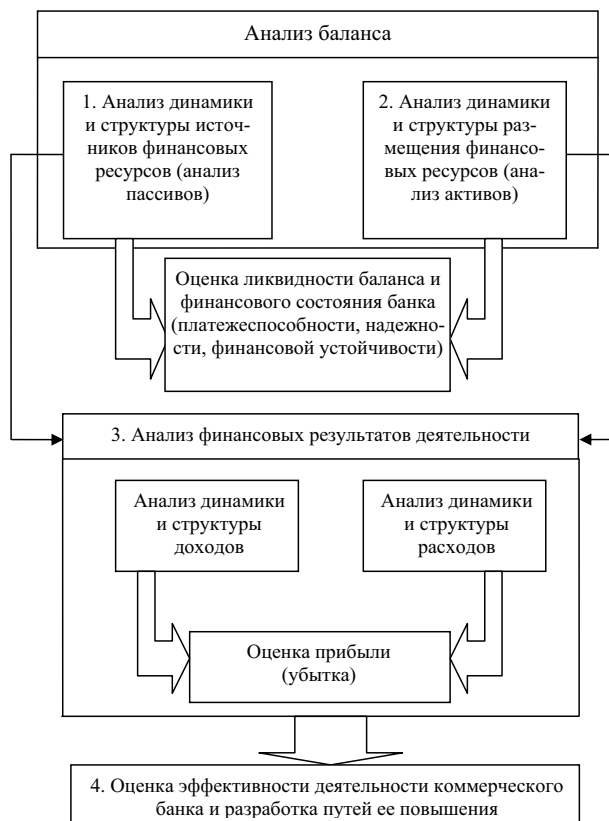

Рис. 2. Основные этапы финансового анализа деятельности коммерческого банка при комплексном подходе

На первом этапе выполняется анализ динамики и структуры источников финансовых ресурсов как системного фактора, определяющего возможный размер финансового оборота банка и формирующего основную составляющую его расходов. На втором этапе проводится анализ динамики и структуры размещения финансовых ресурсов как системного фактора, влияющего на формирование доходов в банковской деятельности. Путем сопоставления источников финансовых ресурсов и их размещения выполняется оценка ликвидности баланса и финансового состояния банка (его платежеспособности, надежности, финансовой устойчивости). На третьем этапе выполняется анализ динамики и структуры доходов и расходов и их влияния на прибыль

как на конечный результат деятельности банка. В заключение выполняется расчет показателей экономической эффективности, на основе которых дается комплексная оценка результативности деятельности банка и разработка путей дальнейшего ее повышения.

Таким образом, существующие методики и практика проведения финансового анализа дея-

тельности коммерческих банков позволяют обобщить имеющийся опыт в этой области, разработать концепцию и методические положения анализа на основе системного подхода. Наиболее обоснованной и комплексной представляется методология финансового анализа деятельности коммерческого банка, построенная на сочетании методических подходов, описанных выше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакина Р. Т. Особенности оценки устойчивости коммерческих банков // Вестник Омского университета. Сер. «Экономика». 2007. № 3. С. 69–71.
2. Батракова Л. Г. Экономический анализ деятельности коммерческого банка: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2007. 368 с.
3. Бреславцев С. М. Теоретико-методологические основы формирования банковского капитала // Аудит и финансовый анализ. 2008. № 6. С. 27–38.
4. Бувеч С. Ю. Экономический анализ деятельности коммерческого банка: Учебник. М.: Экономист, 2006. 240 с.
5. Вешкин Ю. Г., Авагян Г. Л. Экономический анализ деятельности коммерческого банка: Учеб. пособие. М.: Магистр, 2007. 350 с.
6. Герасимова Е. Б. Анализ качества активов и динамическое равновесие кредитной организации // Вестник Финансовой академии. 2006. № 3. С. 71–90.
7. Жарковская Е. П. Финансовый анализ деятельности коммерческого банка: Учебник. М.: Омега-Л, 2010. 325 с.
8. О банках и банковской деятельности. Федеральный закон № 395-1 от 02.12.1991 (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
9. Петров А. Ю., Петрова В. И. Комплексный анализ финансовой деятельности банка. М.: Финансы и статистика, 2007. 560 с.
10. Рогожина Н. С. О комплексном подходе к анализу деловой активности коммерческого банка // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер. «Общественные науки». 2006. № 24. С. 70–73.
11. Черкасов В. Е. Финансовый анализ в коммерческом банке. М.: Консалтбанкир, 2006. 320 с.
12. Щербакова Г. Н. Анализ и оценка банковской деятельности (на основе отчетности, составленной по российским и международным стандартам). М.: Вершина, 2007. 464 с.

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЖИЛИНА

адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России
y.zhilina@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ЧИНОВ СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ЦЕЛИ, СРЕДСТВА И РЕЗУЛЬТАТЫ

В статье описываются вопросы, связанные с профессиональной подготовкой чинов сыскных отделений дореволюционной России. Отсутствие специализированных учебных заведений, слабое финансирование компенсировались изданием различных пособий, справочников, созданием временных курсов и предъявлением к чинам сыскных отделений высоких морально-нравственных требований; однако единой системы полицейского образования так и не было сформировано.

Ключевые слова: сыскные отделения, профессиональная подготовка, обучение, морально-нравственный облик, полицейские курсы и школы

В настоящее время принимается много мер, направленных на реформирование Министерства внутренних дел. Особое значение в ходе реформы уделяется кадровому составу криминальной полиции. В связи с этим особую роль играет необходимость обращения к опыту кадрового обеспечения, профессиональной подготовки чинов сыскных отделений дореволюционной России, правовой регламентации данного вопроса.

В данной статье на основе нормативно-правовых актов дореволюционной России, архивных материалов, сведений из периодической печати, обобщений ранее известных материалов рассматриваются цели, средства и результаты проводимой подготовки чинов сыска для борьбы с уголовным контингентом.

Чиины сыскных отделений – учреждений полиции, созданных для борьбы с уголовной преступностью Законом от 6 июля 1908 года «Об организации сыскной части» [8], занимались предотвращением и раскрытием преступлений общеуголовной направленности. Деятельность чинов вновь созданных учреждений полиции была невозможна без профессиональной подготовки кадров, овладения чинами сыска определенными знаниями и навыками, необходимыми для качественного выполнения своей работы.

В начале комплектования сыскных отделений не было четкой системы назначения и увольнения чинов. Никаких особых требований при приеме на службу в сыскную полицию законом не было установлено. На страницах официального журнала издательства Министерства внутренних дел «Вестник полиции» статский советник Гр. М. Л. заметил, что на должность начальника сыскного отделения назначались преимущественно те, «кто более или менее был уже известен своим хорошим поведением, аккуратным взысканием недоимок да бойким исполнением поручений и у кого по ревизии не обнаруживалось по настоящему реестру особой медленности, особых пробелов». Причем «на индивидуальные

способности по сыску назначаемых лиц особенного внимания не обращалось» [2; 638]. Все зависело от личной подготовки, опытности, способностей поступающего и от выбора начальника отделения. Необходимо было знать только общие условия полицейской службы и порядок производства по уголовным делам.

Наиболее подготовленных кандидатов для прохождения службы в сыскной полиции можно было бы набрать из числа чинов общей полиции. Нельзя не учитывать положительные стороны их работы, которые могли бы сыграть неоценимую роль в деятельности вновь созданных полицейских учреждений: знание оперативной обстановки и обслуживаемой территории, знакомство с населением, знание преступного контингента, имевшийся опыт в делах дознания и розыска.

Нехватка подготовленных чинов сыскной полиции во вновь созданных сыскных отделениях являлась одним из недостатков организационного обеспечения деятельности данных учреждений. В связи с этим Департаментом полиции в 1908 году открываются двухмесячные курсы для начальников сыскных отделений с ежедневными практическими и теоретическими занятиями. Однако «сложность программы преподавания, акцентировавшей внимание на технике и приемах уголовного сыска, методике расследования преступлений, предполагала наличие у слушателей предварительного знакомства с сыскной деятельностью» [12; 40]. Начальникам сыскных отделений после окончания курсов выдавался ряд специальных пособий, в которых содержались указания по использованию форм, методов и приемов уголовного сыска в повседневной практической деятельности. Но курсы начальников сыскных отделений, несмотря на их одобрение со стороны Департамента полиции, в дальнейшем не проводились. А ведь от начальников этих отделений, от уровня их подготовленности, знаний, профессиональной работы зависела подготовка кадров в сыском отделении, поскольку

именно они проводили служебные занятия с вверенными им сотрудниками. Начальник сыскного отделения, согласно положениям Инструкции, должен был направлять деятельность своих подчиненных «в духе законности к наиболее успешному исполнению возложенных на них обязанностей» [4; 7]. От личных и профессиональных качеств начальника нередко зависел и уровень профессиональной и общеобразовательной подготовки сотрудников, и успешная работа всего сыскного отделения.

Что же со своей стороны могли дать высшие учебные заведения для подготовки квалифицированных кадров для сыскной полиции? При нормально поставленном деле уголовного сыска люди, посвятившие себя борьбе с уголовной преступностью, должны иметь высшее юридическое образование. Нельзя не учитывать тот факт, что уголовный сыск – начальная стадия всего процесса судопроизводства, он имеет огромное значение для успешного принятия решения по делу. Существующие в университетах кафедры административного или полицейского права предметом своего преподавания охватывали широкую область знания. Но приобретаемые студентами знания носили теоретический характер и не подготавливали будущих чинов сыска к практической деятельности. В качестве положительного примера приведем материалы дела об удовлетворении Департаментом полиции в 1912 году рапорта начальника Харьковского сыскного отделения Богуславского. Богуславскому разрешили прослушать лекции по уголовному праву и уголовно-судебной медицине «в интересах службы». Начальник отделения пояснял, что профессора Харьковского университета по кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства (А. Д. Кисилев) и судебной медицины (Н. С. Бокариус) изучали постановку сыскной части в Харьковском сыскном отделении. Профессора предложили Богуславскому «в целях расширения научным путем специальных знаний по уголовному праву и судебной медицине, касающихся деятельности полиции, прослушать в Харьковском университете лекции... по означенным выше специальным предметам, имеющим непосредственное отношение к полицейской и сыскной деятельности» [3; 2].

В Инструкции чинам сыскных отделений много внимания уделялось морально-нравственному облику сотрудника сыскной полиции, назывались качества, которыми он должен обладать: исполнять службу по совести, быть неподкупно честным, правдивым, вести жизнь нравственную, трезвую и ни в чем не зазорную, быть терпеливым, рассудительным, мужественным, решительным и вежливым, бескорыстно оказывать помощь, вне службы вести себя с достоинством, не быть резким в словах или в действиях [4; 8]. Инструкция закрепляла своеобразный кодекс чести чинов сыскных отделений. Исходя из нравственно-

эстетических и физических критериев, предъявляемых к кадрам сыскных отделений, в сыскную полицию, по мнению редактора журнала «Вестник полиции» Л. Косуновича, должны набираться люди «как в гвардию из вполне здоровых, выносливых людей, которые ничем не запятнаны нравственно. Чины уголовной полиции должны быть физически крепкими и нравственно кристаллически чистыми» [5; 6].

Все сотрудники сыскных отделений независимо от чина должны были иметь навыки судебно-полицейской фотографии, знать приемы обнаружения и сохранения следов, дактилоскопии и антропометрии, исследования следов преступления. В инструкции чинам сыскных отделений отмечается, что «каждый вновь поступающий в отделение на службу обязан пробыть достаточное время на практических занятиях по регистрации преступников» [4; 12].

С целью повышения эффективности работы Министерство внутренних дел учредило официальный еженедельный журнал с иллюстрациями «Вестник полиции», издававшийся с декабря 1907 года, в котором публиковались законопроекты, распоряжения правительства. На страницах журнала действующие полицейские чины могли высказать свое мнение о проводимых преобразованиях, поделиться опытом работы, рассказать об использовании передовых технологий раскрытия преступлений в зарубежных странах; освещалось историческое прошлое страны, рассматривались успешно раскрытые уголовные дела. Для более качественной работы издавались различные пособия, рекомендации, специальная литература. Для постоянного пользования в сыскных отделениях «по местным условиям и в пределах средств» [4; 18] имелись справочные издания: справочники по различным отраслям торговли, по морским и сухопутным сообщениям, списки чинов, проходящих службу в разных учреждениях, путеводители, планы уездных и губернских городов. Важное место в обучении сотрудников сыскной полиции занимали учебные музеи, которые образовывались при регистрационном бюро. В них находились орудия преступления, воровские инструменты, мошеннические приспособления, коллекции не подлежащих приобщению к дознаниям писем и бумаг с почерками преступников. Созданный при Департаменте полиции учебно-показательный музей технических средств должен был постоянно пополняться как за счет «наиболее поучительных образцов» [4; 16], доставляемых сыскными отделениями, так и за счет новейших вспомогательных технических средств розыска. И. М. Снигирев заметил, что «для сыскной полицейской службы, кроме всестороннего развития и помимо изучения преступного мира, требуется достаточное знание материального и процессуального уголовного права и некоторых знаний различных

отраслей науки о человеке... необходимо совершенное знакомство с судебной медициной, практическое знакомство со стрельбой и фотографией... сыщик должен быть энциклопедистом» [10; 224].

Одной из составляющих процесса воспитания чинов сыскальной полиции являлись парады и строевые смотры. 9 мая 1909 года в Санкт-Петербурге был установлен праздник – День Управления Градоначальства и столичной полиции. В этот день в центре города «на плацу 2-го лейб-гвардейского конного полка осуществлялось построение подразделений столичной полиции, заканчивавшееся торжественным прохождением и вручением наград» [16; 51].

В некоторых губернских городах иногда проходили курсы с преподаванием уголовного сыска: в сыскальной полиции г. Санкт-Петербурга на основании приказа градоначальника № 207 от 29 сентября 1909 года были организованы регулярные занятия. Занятия еженедельно проводил начальник сыскальной полиции В. Г. Филиппов или его помощник. В ходе занятий до сотрудников доводились требования приказов, циркуляров, инструкций, разбирались приемы дознаний и розысков, делались разъяснения по поводу неправильных действий, допущенных чинами сыскальной полиции [14; 120]. В. Перль в статье в журнале «Вестник полиции» отметил, что зимой 1912 года московская прокуратура читала лекции по уголовному праву [7; 709]. Но все эти проходившие занятия были редкими исключениями.

При учреждении сыскальных отделений их начальники получили пусть и минимальные, но необходимые практические навыки и теоретическую подготовку на подготовительных курсах. Но «к 1913 году из 83 человек, бывших на курсах в Петербурге, осталось на службе в должности начальников сыскальных отделений только 38. Оставили эту должность 45 чиновников, из которых 2 стали полицмейстерами, 1 – исправником, 1 – начальником уездной полиции, 3 – помощниками полицмейстера, 2 – помощниками исправника, 10 – приставами, 3 – полицейскими надзирателями, 19 оставили службу, 4 преданы суду за служебные преступления» [18; 99]. Начальник Митавского сыскального отделения Бацул с целью увеличения продуктивности работы сыскальных отделений в 1915 году предлагал: «...для основательного ознакомления с делом розыска и подробного изучения дактилоскопии желательно учредить при Департаменте полиции курсы, которые должны пройти начальники сыскальных отделений, не бывшие на первых курсах» [9; 6]. Большинство сыскальных отделений находились в плачевном состоянии. Автор статьи «К съезду начальников сыскальной полиции» отмечает: «...отсутствие начальников в одних и опытных работников в других заставило эти учреждения как-нибудь существовать до реформы полиции» [6; 318]. При та-

ких условиях деятельности сыскальной полиции возникла необходимость провести съезд представителей сыскальных отделений для совместного обсуждения пробелов в организации подведомственных им учреждений.

26 июня 1913 года при Департаменте полиции открылось «особое совещание для рассмотрения вопроса о мероприятиях по борьбе с преступностью, упорядочению уголовного сыска и развитию планомерности его организации» [13; 222], на которое были созваны не только деятели уголовного розыска, но и наиболее опытные чины жандармской полиции, представители прокурорской и следственной власти, выдающиеся криминалисты. Членами совещания была признана необходимость создания профессиональных полицейских учебных заведений не только для рядового состава, но и для классных чинов. Д. В. Кудрявцев и В. Ю. Пиотровский отмечают, что в ходе работы совещания «в Петербурге предложено учредить курсы для начальников сыскальных отделений... Высказано пожелание об учреждении в каждом губернском городе, вместо существовавших школ урядников, курсов для классных чинов полиции и надзирателей сыскальных отделений» [15; 396]. В статье «Вопросы, намеченные к обсуждению на съезде начальников сыскальных отделений» автор утверждает, что «основой программ курсов могли служить программы и учебные темы школ парижской, берлинской, венской и нью-йоркской полиции, программа лозаннского “Института научной (технической) полиции” профессора доктора Рейсса» [1; 598], то есть программы заграничных школ, которые уже были испытаны на практике и хорошо зарекомендовали себя. На совещании рассматривались вопросы об издании уголовно-розыскального журнала, который постоянно публиковал бы для сотрудников уголовного сыска сведения о совершенных преступлениях, новых способах и приемах, используемых преступниками, методах борьбы с ними.

В 1913 году министр внутренних дел Н. Макалов представил на рассмотрение в Государственную думу проект «О преобразовании полиции в Империю» в рамках комиссии для выработки предложений по совершенствованию организации и деятельности полиции. В главе III данного проекта «Полицейские курсы и школы» министру внутренних дел предоставлялось право учреждать:

1. Особые курсы для подготовки к полицейской службе классных чинов полиции;
2. Особые полицейские школы для подготовки к службе нижних чинов полиции, а также для производства при этих школах испытаний в грамотности [17; 124].

Данное направление реформы полиции так и не было реализовано. Провал полицейской реформы в данной области и Первая мировая война отодвинули вопросы профессиональной под-

готовки и комплектования кадров сыскных отделений Империи на неопределенное время.

В 1916 году Совет министров принял постановление «Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов», в котором впервые был определен образовательный ценз для служащих сыскных отделений. Так, городовые должны были уметь читать и писать по-русски и выдержать испытание в общем знакомстве с полицейской работой. Для полицейских надзирателей предусматривалось обязательное окончание курса наук не ниже двухклассного училища или соответствующего учебного заведения, или они должны были пройти испытание. Образование начальников сыскных отделений и их помощников должно было быть не меньше шести классов среднего учебного заведения, или они также были обязаны пройти ис-

пытание [11; 346]. Но данные меры, направленные на усовершенствование профессиональной подготовки чинов сыска, так и не нашли своей реализации в условиях начавшихся изменений в социально-политической обстановке России.

Таким образом, результативность уголовного сыска в борьбе с преступностью зависит от качественной профессиональной подготовки чинов сыскных отделений, для которой, в свою очередь, требуется обучение сотрудника профессиональным знаниям, умениям, практическим навыкам, формирование его профессионально-нравственных качеств. В течение всего времени функционирования сыскных отделений не была сформирована единая система полицейского образования, главной целью которого была бы качественная подготовка кадров сыскной полиции и зависящее от нее повышение эффективности борьбы с общеуголовной преступностью.

ИСТОЧНИКИ

1. Вопросы, намеченные к обсуждению на съезде начальников сыскных отделений // Вестник полиции. 1913. № 26. С. 597–598.
2. Гр. М. Л. К вопросу о постановке дела в провинциальных сыскных отделениях // Вестник полиции. 1909. № 30. С. 638–639.
3. Дело о разрешении начальнику Харьковского сыскного отделения Богуславскому прослушивания лекций по уголовному праву и уголовно-судебной медицине // Государственный архив Харьковской области. Ф. 3. Оп. 289. Д. 3427. Л. 1.
4. Инструкция чинам сыскных отделений. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1910. 112 с.
5. Ко с у н о в и ч Л. Сыскные отделения // Вестник полиции. 1911. № 1. С. 6.
6. П. Ч. К съезду начальников сыскной полиции // Вестник полиции. 1913. № 14. С. 318.
7. Пер л ь В. [Без названия] // Вестник полиции. 1912. № 32. С. 709.
8. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание 3. Т. 28. № 30672.
9. Сведения, данные начальником Митавского сыскного отделения в Департамент полиции относительно эвакуации Митавских сыскных отделений преступного элемента // Государственный архив РФ. Ф. 102. Д. 8. Оп. 222, 1915. Д. 24. Л. 1–6.
10. С н и г и р е в И. М. Безопасность и полиция. Витебск: Тип. П. А. Подземского, 1912. 315 с.
11. Собрание узаконений 1916. № 307. Ст. 2426, 33.1 // Полиция России: документы и материалы: 1718–1917 гг. / Авт.-сост. А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев. Саратов: Изд-во Саратовского юридического ин-та, 2002. 400 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

12. Бай кее ва С. Е. Правовое регулирование подготовки кадров в специализированных учебных заведениях МВД царской России // Вестник Санкт-петербургского ун-та МВД России. 2007. № 3. С. 37–42.
13. Дж у н к о в с к и й В. Ф. Воспоминания. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 688 с.
14. Иго ш и н Н. А. Особенности комплектования и профессиональной подготовки органов полиции России XIX – начала XX в.: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 165 с.
15. Кудрявцев Д. В., Пиотровский В. Ю. Совещание по вопросам упорядочения дела уголовного сыска // Полиция России: самые громкие преступления прошлого. М.: АСТ: Полиграфиздат; СПб.: Астрель-СПб., 2010. 510 с.
16. МВД России: 1802–2002. Исторический очерк / Под общ. ред. В. Н. Сальникова. СПб., 2002. Т. 1. 528 с.
17. Про ц ен ко Е. Д. Государственная образовательная политика в системе МВД России: Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1998. 398 с.
18. Ры ж о в Д. С. Борьба полиции России с профессиональной преступностью (1866–1917 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия МВД России, 2000. 212 с.

СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА ЛЕОНТЬЕВАкандидат филологических наук, доцент кафедры детского чтения, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств
svetlana@sovietschool.org.ru**КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ МАСЛИНСКИЙ**аспирант факультета антропологии, Европейский университет (г. Санкт-Петербург)
kirill@altlinux.org

Рец. на кн.: Илюха О. П. Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX века / Очерки. Документы. Материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. 145 с.

Каждый исследователь, перед которым встает задача популярного изложения своего материала, оказывается в непростом положении: как сократить, не исказив фактов, как отобрать только самое важное и все же сообщить как можно больше, как заразить читателя собственным увлечением, не наскучив излишними деталями. В новой книге Ольги Илюха «Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX века» безусловно видно стремление исследователя поделиться обширными результатами своей исследовательской работы. Надо признать, что автору удалось вместить весьма значительный и разнообразный этнографический и исторический материал в компактном и легко читающемся издании. При том что текст не перегружен терминологией и лишен тяжеловесности академического стиля, он сопровождается аккуратно оформленным и полным справочным и библиографическим аппаратом, позволяющим заинтересованному читателю найти источники всех цитат и исследовательскую литературу по теме. Список источников свидетельствует об огромной архивной работе, стоящей за приведенными в книге сведениями и историческими эпизодами, что нечасто бывает в популярных исторических и этнографических изданиях.

Книга представляет собой издание в хорошем смысле региональное: в исследовании карельской школьной повседневности раскрывается не только академическая ценность изучения социальной истории образования и процессов модернизации общества на грани XIX–XX веков, но и более близкая широким кругам современных карельских читателей ценность краеведческая. Читатель найдет здесь множество карельских реалий: знакомые топонимы и имена местных учителей, типичные местные обстоятельства (например, дорожные тяготы и огородные трудности). Не случайно в аннотации среди аудиторий книги первыми названы карельские учителя. Возможно, книга послужит созданию у кого-то из читателей ощущения преемственности учительских поколений в Карелии, тем более что за-

боты и мнения ушедшей эпохи иногда звучат очень злободневно и сегодня. Так, в книге приводится запись в «Отчете о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1894 г.»: «Грошовые жалования приводят к грошовым учителям, а грошовые учителя дают и грошовые успехи».

Книга разделена на два больших очерка: первый посвящен учителям, второй – ученикам карельских школ. Как пишет О. П. Илюха, «жизнь тех и других была тесно связана, но одновременно и разделена социально-культурной и возрастной дистанцией». Очерк «“Учащие”: учитель и учительница в карельской деревне» посвящен описанию социального состава молодых людей, выбиравших профессию учителя, вступлению будущих учителей на свое профессиональное поприще, особенностям финансирования труда учителей, формированию профессионального учительского сообщества, бытовым подробностям жизни сельских учителей. Очерк «Карельский Филипок: региональные особенности социокультурного облика сельского школьника» содержит характеристику крестьянского карельского детства по фольклорным и языковым источникам, освоения детьми нового режима повседневной жизни в стенах школы, следствия школьной социализации и др. Такое разделение материала «про учителей» и «про учеников» отдает дань академической традиции изложения и действительно представляется очевидным и логичным. Однако в то же время оно накладывает и довольно жесткие композиционные рамки, которые, как нам представляется, не позволяют автору в полной мере использовать потенциал многочисленных упоминаемых эпизодов повседневной школьной жизни. Возможно, в книге был бы уместен третий очерк, чьей композиционной основой стали бы подобные эпизоды, которые для широкого читателя могут быть интересны не только как иллюстрации к тезисам о социальном положении учащихся и учащихся, но и сами по себе – как целостные сюжеты из жизни, где неразрывно переплетены судьбы учащихся, учащихся и карельской деревни.

Особо стоит отметить обилие любопытнейших деталей повседневности («реалий повседневной жизни», как их называет автор), рассеянных по книге. Они придают объемность и полноту картине экспансии учителей в карельское село: будь то самовар, который везли с собой на место службы будущие культуртрегеры, или повседневный аксессуар учительницы – часики, вещь редкая на селе. Именно «теплые» подробности бытовой жизни учителей составляют самое интересное в этой книге: как одевались, чего боялись, чего не хватало. За этими описаниями маячат разные жизненные траектории учителей и учительниц (многолетняя служба и безбрачие или недолгий профессиональный опыт и брак, уход из школы), но подчас не хватает более пристального, антропологического взгляда на частные «жизненные случаи» («individual case history»). За предпринятой типизацией «сельский учитель в Карелии» и «сельская учительница в Карелии» ускользает разнообразие индивидуальных биографий. Так, остается неизвестной судьба учителя И. В. Оленева, написавшего столь трогательное по своим подробностям письмо своей невесте, учительнице Л. А. Сосиной. Быт сельского учителя предстает из этого письма во всем многообразии проявлений: куры несутся, картофеля выросло 40 мешков, перечитывание Достоевского и т. д. и т. п. И хочется заинтересованно спросить (и в книге таких интригующих мест много): что было дальше? Как сложился профессиональный и личный путь этих учителей? Что написал о них в отчете инспектор? Соположение хотя бы нескольких частных случаев позволило бы показать более тонкие грани общего учительского (или ученического) опыта.

Материалы и документы вынесены за границы исследовательского повествования (собраны в приложении), но периодически О. П. Илюха помещает документальные фрагменты в свою реконструкцию карельской школьной повседнев-

ности. Отдельно вынесенные документы хороши для исследователей, которые смогут их использовать в своей дальнейшей научной работе, но в популярной книге смотрятся немного сиротливо. Признаемся, если бы документы из приложения были полностью включены в текст и снабжены развернутыми комментариями, это бы придало научно-популярной книге, предназначенной учителям и всем, кто интересуется прошлым Карелии, гораздо большую занимательность.

Типизации объектов описания – учителей и учеников – или даже, правильнее сказать, стереотипизации послужили, к сожалению, и иллюстрации в высшей степени условно-схематичные, лишённые карельской специфики. Они парадоксальным образом опровергают авторскую концепцию о «многомерном культурном пространстве», складывавшемся в стенах карельской школы. На иллюстрациях молоденькие глазастые с инфантильными выражениями лиц учительницы соседствуют с простоватыми, с виду недалекими карельскими детками. Остается только сожалеть, что в оформлении издания не был использован богатый фотографический материал, проанализированный автором. Страницы издания очень украсили бы копии выкроек, по которым учительницы шили свои платья, страницы школьной письменности, сохранившиеся предметы школьного быта, фотографии учительниц и учителей, учебного процесса и любые другие документы эпохи.

Как и к любому научно-популярному тексту, вопросов к рецензируемому изданию и пожеланий «по улучшению» остается много. Тем не менее перед нами тот случай, когда хотелось бы увидеть второе издание, улучшенное и дополненное. Впрочем, авторам довелось этой весной быть в одной карельской сельской школе, где на столе у директора мы заметили рецензируемую книгу с множеством вложенных закладок. Книга уже нашла своего благодарного и вдумчивого читателя, и это отраднo.

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА ЕФИМОВА

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории, истории государства и права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет
efimova1870@rambler.ru

«О БЕДНОМ РЕЦЕНЗЕНТЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...»

Обратиться в редакцию журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» меня побудила переданная мне на рецензию статья аспиранта N, в которой обнаружились факты прямого плагиата, в результате статья к публикации допущена не была.

Проблема плагиата всегда стояла перед научным сообществом, но в последнее время она приобрела небывалые масштабы – им не брезгают представители всех групп, начиная со студентов и заканчивая претендентами на степень кандидата и доктора наук (особенно много таких желающих стало среди чиновников!). У этого явления много причин. Одной из важнейших преград этому процессу, грозящему превратиться в «девятый вал», который окончательно сметет все представления о сложности научно-исследовательского поиска и нормах научной этики, являются рецензенты, от чьей компетенции и беспристрастности зависит престиж любого издания, дорожащего своей научной репутацией. В этой связи не пора ли нам, рецензентам, «выйти из тени»? Я предлагаю начать на страницах нашего журнала дискуссию, которая должна выявить наиболее эффективные способы как обнаружения плагиата, так и борьбы с ним.

Вернемся к упомянутой выше вполне заурядной статье аспиранта N (по просьбе редакции я не буду разглашать его фамилии в надежде на то, что данный молодой человек либо в корне пересмотрит свой подход к научной деятельности, либо навсегда покинет эту стезю) и на ее примере покажем, как нами были выявлены факты плагиата. Статья была посвящена истории создания Гражданского уложения в 1-й четверти XIX века. Однако при первом беглом ознакомлении со списком литературы, приложенном к ней, сразу же возник вопрос, почему автор не использовал некоторые имеющие самое непосредственное отношение к теме его исследования работы, в частности статью В. А. Томсинова «Развитие русской юриспруденции в первой трети XIX в.», опубликованную в 2007 году в журнале «Законодательство» [1], [2], [3]. При более же пристальном знакомстве с содержанием самой статьи стало понятно – представленный труд есть плагиат, причем самого худшего качества, так как автор, активно используя материал, не только ни разу не сослался на него, но и изложил многие события и факты хуже, чем это было сделано в ориги-

нале. Приведем самые яркие примеры как собственно самого плагиата, так и крайне недобросовестного подхода молодого исследователя к разработке избранной им темы. Автор начинает свою статью следующим образом: «С перестройкой деятельности Комиссии составления законов работы по систематизации стали продвигаться очень быстро». О какой перестройке идет речь и, главное, когда она состоялась, любознательный читатель, по-видимому, должен догадаться сам, так как автор нигде далее в тексте не считает нужным объяснить это. Только узкий специалист догадается, увидев в третьем предложении статьи фамилию Сперанского (при этом автор даже не удосуживается указать инициалы этого исторического деятеля, как принято делать при первом упоминании в научном тексте любой фамилии!), что случилось это в 1808 году. Все это, впрочем, читатель может узнать из упомянутой статьи профессора В. А. Томсинова [1; 86]. Но даже если согласиться с мнением аспиранта N, полагающего, что в контексте выбранной им темы читателя и не следовало посвящать в подробности произведенной М. М. Сперанским «перестройки» структуры Комиссии (об этом подробно пишет В. А. Томсинов, и автору достаточно было лишь сноской отправить читателя к нему за этими подробностями!), от какого, кем и когда составленного и «утвержденного плана Гражданского уложения» отступил Сперанский, поручив Г. А. Розенкампу, как пишет автор на странице 2 своей статьи, «составлять его по новому плану, подобному по содержанию с французским кодексом», и, собственно, как проходили сами работы по созданию 1-го проекта Гражданского уложения 1809 года, автор был просто обязан поведать читателю, так как в резюме к своей статье он обещал, что рассмотрит в ней «специфику подготовки проектов Гражданского уложения Российской империи как сложного правового акта». Тогда бы читателю стали более понятными и причины отторжения Государственным советом в 1810 году 1-й и 2-й частей проекта Гражданского уложения 1809 года, о структуре и ходе обсуждения которых далее пишет в своей статье аспирант N. Конечно же, об этом более подробно и компетентно написал профессор Томсинов [1; 86–88]. Он же, кстати, посчитал необходимым оспорить мнение, которое, как считается, и послужило основной причиной непринятия 1-го проекта Граж-

данского уложения, а именно то, что Государственный совет посчитал его всего лишь переложением на русский язык французского Гражданского кодекса 1804 года [1; 87–88], [2; 85, 88]. Аспирант N действительно внес бы вклад в историко-правовую науку, если бы более подробно, нежели это сделал В. А. Томсинов, сравнил нормы проекта Гражданского уложения 1809 года с аналогичными нормами французского Гражданского кодекса 1804 года в части особо его заинтересовавшей 9-й и 11-й глав, дабы подтвердить или опровергнуть заявление уважаемого профессора о том, что это миф, распространенный (если не созданный) известным историком Н. М. Карамзиным [1; 88], [2; 88]. Аспирант N излагает историю работы Комиссии над проектом Гражданского уложения уже в отсутствии М. М. Сперанского, которая в версии В. А. Томсинова представлена более подробно, а главное, более точно. Сравним для примера, как описывают аспирант N и В. А. Томсинов одно и то же событие, произошедшее 4 мая 1812 года. Первый пишет, что «уже 4 мая Лопухин распорядился для успешного и окончательного рассмотрения проектов, представляемых начальниками отделений, учредить особый совет из трех чиновников: Розенкампа, Дружинина и Тургенева. Во вновь учрежденный совет начальники отделений обязаны представлять составляемые ими проекты с необходимыми пояснениями. После этого они передаются управляющему делами Комиссии составления законов для внесения на рассмотрение государственного совета». (Заметим, что автор не посчитал нужным сделать сноску на то, откуда он узнал об этом событии!) А вот как это делает В. А. Томсинов: «4 мая 1812 года в журнале Комиссии составления законов было записано следующее распоряжение князя П. В. Лопухина: “Вникнув в положение дел Комиссии составления законов, в записке г. Розенкампа изъясненное, для введения единообразия и единства во всех отраслях российского законодательства для успешнейшего и окончательного рассмотрения проектов, представляемых начальниками отделений, – определил я учредить особый Совет из трех чиновников, именно: Розенкампа, Дружинина и А. Тургенева”» (в своем тексте Томсинов, в отличие от аспиранта N, не считает возможным приписывать себе эту цитату и делает сноску на работу П. М. Майкова, который и привел эту выписку из журнала Комиссии от 4 мая 1812 года). Далее В. А. Томсинов уже своими словами продолжает: «Лопухин придал данному Совету значение высшего органа управления делами Комиссии. Именно в Совет начальники отделений обязаны были отныне вносить все составленные ими законопроекты». В отличие от аспиранта N, Томсинов обращает внимание на то, почему Комиссия полностью отказалась от плана систематизации, проводимого М. М. Сперан-

ским, предложив взамен новый, что, по существу, как полагает В. А. Томсинов, означало возвращение к плану 28 февраля 1804 года [3; 86–87]*, о котором так и не поведал читателю аспирант N в начале своей статьи. Если бы он сделал это, то не надо было, читая его статью, ломать голову над тем, когда и почему «на государственном совете единогласно было решено: прежде окончательного рассмотрения составить по порядку, содержащемуся в самом проекте, Систематический свод существующих узаконений с извлечением из них кратких правил ныне действующего права» (при этом аспирант N, излагая этот факт, не считает нужным ни указать даты этого заседания Государственного совета, ни сделать сноску на источник информации!). Только из статьи В. А. Томсинова мы можем узнать, что это решение было принято в 1814 году и тогда же был опубликован текст 2-го проекта Гражданского уложения [3; 88], который, впрочем, аспирант N приводит в своем списке литературы, но при этом никак его не использует в тексте (или использует, но не делает на него сноски?). На этой же странице автор, указывая на решение Комиссии составления законов от 21 июня 1815 года, которым во исполнение решения Государственного совета «было решено издать Систематический свод законов» (здесь мы склонны поверить автору, так как он ссылается на архивные дела из Российского государственного исторического архива, которые не использовал в своих статьях профессор Томсинов), сразу же начинает описывать его структуру. При этом автор не считает нужным уведомить читателя о двух очень важных моментах: а) что печатание «Систематического свода» закончилось к 1821 году и б) что 29 февраля 1816 года Александр I утвердил доклад П. В. Лопухина об итогах деятельности Комиссии и ее планах на будущее, среди которых, между прочим, планировалось создать «последние части Устава Гражданского Судопроизводства». Об этом, конечно же, нам сообщает Томсинов [3; 88–89]. Неужели аспирант N мог так спокойно проигнорировать упоминание об этом докладе? Неужели его не заинтересовало, что это за Устав Гражданского Судопроизводства: изменение ли названия Гражданского уложения или князь Лопухин так назвал заключительные его части? В любом случае нельзя ли из этого заключить, что систематизаторы наконец-то решили изменить саму концепцию структуры Гражданского уложения, предприняв, возможно, первую попытку разделить материальное гражданское право от процессуального? Ведь, как известно, такое отделение состоится лишь в 1864 году с принятием Устава гражданского судопроизводства. Таким образом, чтобы понять все «темные» места статьи аспиранта N, любознательному читателю надо все время обращаться к статьям В. А. Томсинова. Так не лучше ли ему это сде-

лать напрямую, нежели тратить свое время на чтение научного опуса г-на N? Налицо и факты плагиата.

Как мы уже говорили в начале, редакционная коллегия «Ученых записок ПетрГУ» отвергла статью аспиранта N. Но где гарантия, что автор этой статьи не попытается ее «пристроить» в другом журнале? Остается только надеяться, что рецензент там окажется таким же бдительным, но сколько драгоценного времени будет им вновь потрачено на выявление плагиата? Мне представляется, что для борьбы с этим явлением следует взять на вооружение средневековый принцип наказания «чтоб другим неповадно было», который состоял в том, чтобы проводить наказание публично, другими словами, необходимо предавать гласности все выявленные случаи плагиата. Более того, я считаю, что нельзя слагать вину и с научных руководителей подобных аспиранту N лиц, которые обязаны контролировать качество выходящих из-под пера их учеников произведений (за рамками своего выступления оставляю

проблему некомпетентности некоторых научных руководителей, являющуюся темой для отдельной дискуссии!). В связи с этим я предлагаю внести в «Единые требования к рукописям» следующий абзац: «Представляемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук статьи должны сопровождаться письменным отзывом их научных руководителей. В случае обнаружения плагиата редакция журнала оставляет за собой право впредь не только не принимать от таких авторов к публикации статьи, но и публиковать в своих ежегодных “черных” списках их фамилии с одновременным указанием фамилий их научных руководителей в качестве нежелательных для журнала авторов». Возможно, что коллеги предложат иные варианты решения этой проблемы, так как настало время давать жесткий отпор тем, кто прибегает к плагиату сам или допускает к тому своих аспирантов и соискателей, чем дискредитирует труд тысяч честных исследователей и ученых, а в конечном итоге, авторитет отечественной науки.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Возможно, аспирант N использовал текст другой статьи В. А. Томсинова [4], но это простая перепечатка статьи [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Томсинов В. А. Развитие русской юриспруденции в первой трети XIX века. Статья 9-я // Законодательство. 2007. № 9. С. 84–89.
2. Томсинов В. А. Развитие русской юриспруденции в первой трети XIX века. Статья одиннадцатая // Законодательство. 2007. № 10. С. 85–90.
3. Томсинов В. А. Развитие русской юриспруденции в первой трети XIX века. Статья двенадцатая // Законодательство. 2007. № 12. С. 77–82.
4. Томсинов В. А. Систематизация российского законодательства в 1-й четверти XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2008. № 3. С. 14–49.

ХРОНИКА

■ 23–25 мая 2011 года в Петрозаводском государственном университете состоялась 2-я Международная конференция «РОССИЯ И ГРЕЦИЯ: ДИАЛОГИ КУЛЬТУР».

Конференция была организована кафедрой классической филологии филологического факультета ПетрГУ и посвящена актуальным проблемам греко-латинской лингвокультурологии, классического образования, рецепции античного наследия в европейских литературах, переводе литературных памятников, изучения различных аспектов многовековой коммуникации греческой и русской культуры. В конференции приняли участие исследователи из разных городов России (Петрозаводск, Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Нижний Новгород) и Греции (Афины). Пленарное заседание открыл декан филологического факультета А. Е. Кунильский. Председатель оргкомитета конференции – заведующая кафедрой классической филологии, доктор филологических наук, профессор Т. Г. Мальчукова сделала доклад, посвященный 70-летию доктора исторических наук, профессора Санкт-Петербургского университета А. К. Гаврилова. Вниманию слушателей были представлены доклады: Э. Пантелоглу (Афины) «Понимание устной речи и его значение в преподавании новогреческого языка как иностранного. Теоретическое описание навыка – методологические и дидактические предложения»; М. Н. Славятинской (Москва) «Современное предназначение греко-латинской культуры в России»; М. М. Позднева (Санкт-Петербург) о времени написания «Поэтики» Аристотеля. В этот же день участников конференции пригласили на «Античный вечер» с показом фильма о работе кафедры классической филологии и театральными выступлениями студентов этой кафедры.

24 мая утреннее заседание открылось докладом Л. М. Лукьяновой (Саратов) «Тема красоты в трактате Петрарки “О средствах против превратности судьбы”»; доклад Н. К. Малинауспене (Москва) был посвящен преподаванию древнегреческого языка в Сретенской духовной семинарии. Е. Ю. Басаргина (Санкт-Петербург) рассказала о гимназической реформе 1871 года, более детально остановившись на вопросе «Д. А. Тол-

стой и реформа гимназического образования 1871 г.». Е. В. Шевцова (Санкт-Петербург) сделала доклад о возможном источнике стихов 5–18 шестой Пифийской оды Пиндара. А. М. Брагова (Нижний Новгород) выступила с докладом «Синтаксические трудности при аналитическом чтении и переводе латинской прозы студентами-лингвистами и пути их преодоления». В заключение утреннего заседания прозвучал доклад Н. Ю. Музалевского (Саратов) «Античная комедия в драматургических опытах А. Н. Островского». Это выступление, посвященное рецепции античного наследия в русской литературе, положило начало целому ряду докладов хозяев конференции, учеников Т. Г. Мальчуковой. Очевидно, что в ПетрГУ создана целая школа молодых ученых, работающих под ее руководством над проблемами русской античности. Именно коллектив кафедры (и в первую очередь Е. В. Глариантова) проделал огромную работу по подготовке и проведению конференции, которая прошла в атмосфере сотрудничества и благожелательности.

А. Ю. Нилова рассказала о горацанских мотивах и образах в ранней лирике М. Ю. Лермонтова. А. А. Скоропадская подняла тему истории в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». Е. В. Колышнева проанализировала традиции римской любовной элегии (Тибулл, Проперций) в творчестве Давыдова. О. О. Козлова поведала о некоторых литературных источниках драмы А. С. Пушкина «Пир во время чумы». Темой доклада М. Д. Шаповаловой были «Новогреческие народные песни в переводе Гнедича». Е. В. Кужеева прочитала доклад «А. С. Пушкин и греческое восстание 1821 года». О. А. Колоколова обратилась к осмыслению мифа в пьесе Н. Гумилева «Актеон», А. В. Дехтярёнок – к концепции «двух градов» в трилогии Дм. Мережковского «Христос и антихрист». По материалам конференции предполагается издание сборника.

*Н. К. Малинауспене,
кандидат филологических наук,
доцент Сретенской духовной семинарии*

■ 11–14 июля 2011 года на базе Петрозаводского государственного университета прошла Международная научная конференция «Компьютерные технологии и математические методы в исторических исследованиях».

Участниками конференции стали представители ведущих вузов страны из Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Ижевска, Перми, а также ученые из Германии, Норвегии, Финляндии, Латвии. Целью конференции стало обобщение опыта и результатов исследований, а также укрепление и расширение сотрудничества между университетами в области применения информационно-коммуникационных технологий и мате-

матических методов в исторических исследованиях. Конференцию открыли Президент ПетрГУ В. Н. Васильев и президент Ассоциации «История и компьютер», профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой исторической информатики МГУ Л. И. Бородин.

По итогам научной конференции выйдет сборник работ, который станет источником ценного материала по данной тематике.

CONTENTS

HISTORY

Senyavskaya E. S.

FINISH AND SOVIET PROPAGANDA ABOUT FINLAND'S PARTICIPATION IN WORLD WAR II AND EFFECT OF FINISH MILITARY AGGRESSION ON HISTORICAL MEMORY

Summary: The article considers the official ideological attitude of the Finnish authorities regarding Finland's participation in the war against USSR in 1941 and propagandist substantiation of the Finnish troops' withdrawal in 1944. Based on the archival documents and sources of personal origin the attitude of the Soviet military men to the Finnish contenders at different stages of confrontation is described. The effect of the military past on the mutual perception of the people of the two countries is shown.

Key words: World War II, Finland, USSR, Karelian front, ideological substantiation of the war, propaganda, public consciousness, historical memory

Golubev A. A.

MURMANSK RAILWAY AT HISTORICAL TURNING POINT (1917–1918)

Summary: The article deals with the completion of the Murmansk railway construction and the beginning of the railway operation; repurchase of the privately owned Olonez railway and its unification with Murmansk railway into united state main line. The solution of the organizational administrative problems is shown.

Key words: Railway transport, length of the railway tracks, railway operation, infrastructure, circular letter, joint-stock company, People's Commissariat for Railway Transport

Pashkov A. M.

LITERARY-MUSICAL PARTY IN PETROZAVODSK ON JUNE 5, 1863 (essay on microhistory)

Summary: The article is concerned with the small episode from the history of Olonez Province during the time of Alexander II reforms – the literary-musical party in Petrozavodsk on June 5, 1863. Local officials and teachers (Y. K. Arsenjev, D. V. Polenov, I. P. Khrustchov, etc.) together with political exiles (P. N. Rybnikov, P. V. Zavadsky, etc.) participated in the party. Poems of the pro-opposition poets (T. G. Shevchenko, N. A. Nekrasov, etc.) were recited at the gathering. This party was really an attempt to consolidate educated elite of Petrozavodsk in view of the introduced reforms.

Key words: Reforms of Alexander II, public activity, political exile, microhistory

Shafranskaya K. V.

REGIONAL EXPERIENCE OF TOURISM INDUSTRY DEVELOPMENT IN KARELIA IN 1920–1930S

Summary: A research of the regional experience of the tourism industry development in Karelia in 1920–1930s is presented in the article. Active development of tourism in Karelia began in the wake of the national rebound prompted by the establishment of AKSSR. It was soon followed by the dynamic study of the region.

Key words: Establishment of AKSSR, local history movement, industrialization as a factor of tourism development, massive tours on the territory of Karelia and Petrozavodsk

CULTURAL STUDIES

Pivoeva M. V.

CORPORAL AND SPIRITUAL IN SHAMANISM

Summary: The paper considers possibilities of shaman's magical spiritual energy influence on the body of a sick tribesman.

Key words: Corporal, material, spiritual, energy, shaman, spiritual birth, disharmony, liminality

PEDAGOGY

Babakova T. A., Kremneva V. N.

PEDAGOGICAL SUPPORT OF INNOVATIVE PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES' IMPLEMENTATION PROCESS AT PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

Summary: The article substantiates the necessity of systematic efforts during the process of the current innovative pedagogical technologies' implementation into educational practice at the university. The components of this process and the importance of its pedagogical support are considered. Pedagogical support is regarded as the integrity of efforts providing instructors with scientific and methodical basics and pedagogical assistance in the course of this activity.

Key words: Pedagogical support, pedagogical technologies, competency approach, traditions, innovations, active and interactive teaching, upgrading of instructors' proficiency

Kolesnikova I. L., Vikulina O. V.

SPECIFICS AND STRUCTURE OF LEGAL INTERNATIONAL COMMUNICATION IN RUSSIA

Summary: The article examines the structure of the professional legal communicative activity in Russia. It reveals the specific features of the international communication of Russian lawyers connected with their specialization. The article deals with five types of lawyers' specializations and communication skills to be taught within each type.

Key words: International legal communication, profession, lawyer, ESL, language learning, communicative skills

Gavrilova A. N.

DEVELOPMENT OF ESL ARGUMENTATION WRITING COMPETENCE FOR NON-LINGUISTIC STUDENTS (results of pedagogical experiment)

Summary: The article presents the results of the experimental work aimed at developing ESL students' argumentation competence in writing. The assessment criterion for non-linguistic students' argumentation competence in writing is suggested along with its specific characteristics.

Key words: Experimental argumentation writing course, ESL methodology, argumentative competence in writing, the English language, non-linguistic university

Popova S. I.

ACQUISITION OF PEDAGOGICAL MANAGEMENT SKILLS THROUGH SYSTEM OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT

Summary: The paper addresses the problem of pedagogical management skills' acquisition by the teachers through the system of professional development. Strategies, tactics, and different types of pedagogical management are presented. Consistent patterns and dynamics of teachers' thinking skills from the perspective of the modern education are described.

Key words: Pedagogic regulation, thinking of the teacher, teacher training, student's emotional state. 47

POLITICAL SCIENCE

Grokhotov A. V.

ORGANIZATIONAL ASPECTS OF POLITICAL PARTIES' FORMATION IN MODERN RUSSIA

Summary: The article is concerned with the possibilities to form new political parties in modern Russia. Special attention is given to the study of the models of political unions.

Key words: Political party, models of political unions, the party member, state financing, the party organization. 53

Ershov O. V.

RUSSIA AND LATVIA: FROM CONFLICT TO PARTNERSHIP?

Summary: The article reveals some aspects providing rationalization for Latvia's decision to join the European Union and become a member of NATO. It describes the state of the Russian-Latvian relationships in modern times and reveals possible ways of transition to constructive dialogue between two countries. The author focuses on the problems that Latvia is experiencing and suggests that Latvia's problems can hardly be solved without support of the Russian Federation.

Key words: Latvia, foreign policy, world financial crisis, Russian-Latvian relations 57

SOCIAL SCIENCE

Sorokin G. G.

EXPERTS ON SENIOR CITIZEN EDUCATION IN RUSSIA

Summary: Problems and tendencies of the education for seniors in the Russian Federation are studied. Results of the survey carried out among Russian experts dealing with the problem of senior citizen education provide the basis for the article.

Key words: Senior citizen education, sociology of the education, demographic ageing of the population 62

PHILOLOGY

Balanchuk O. Ye.

DIALOGY OF «PETTY-BOURGEOIS HAPPINESS» AND «MOLOTOV» BY N. G. POMYALOVSKIY: GENRE AND IDEOLOGICAL-THEMATIC SINGULARITY

Summary: The narratives «Petty-Bourgeois Happiness» and «Molotov» written by N. G. Pomyalovskiy are studied in the context of their dialogical integrity. In the course of the analysis, the main form-building principles of the composite text structure and figurative system were determined. The role of the genre dominants in the dialog establishment is substantiated.

Key words: N. G. Pomyalovskiy, dialog, dialogisation, genre story, principles of formation, «initial elements» of the dialog 65

Suzi V. N.

ABOUT GENRE OF «MOZART AND SALIERI» BY A. S. PUSHKIN

Summary: The focus of the article is the genre problem in «Small Tragedies». The problem is studied on the material of «Mozart and Salieri». If dramaturgic conflict is considered within the framework of the Christian paradigm, it transpires that these are not tragedies (publishers' definition) but dramas, as the author himself called them.

Key words: Author, genre, drama, dramaturgic conflict, character, poetics 71

Babalyk M. G.

SOURCES OF APOCRYPHA «DISCOURSE OF THE THREE SANCTIFIERS»

Summary: The article is dedicated to the popular in Russia apocrypha «Discourse of the Three Sanctifiers». The apocrypha is listed in many canons and contains a large number of borrowings from various works of Byzantine-Russian literature and folklore. The author establishes the origin of one of the apocrypha fragments in the writings of Ermolay Erazm, a XVIth century Russian scribe.

Key words: Old-Russian booklore, the «Discourse of the Three Sanctifiers», Apocrypha, the problem of literature origin, Ermolay Erazm. 75

Kunil'skii D. A.

SLAVOPHILES' CRITICISM OF DOSTOEVSKY'S DEBUT WORKS

Summary: The article analyses comments of the Slavophiles about Dostoevsky's debut works. It deals with the critical works of both the Slavophiles themselves (K. S. Aksakov, A. S. Khomyakov) and litterateurs of their circle (S. P. Shevyrev). The present article studies the reasons that influenced the negative opinion of the Slavophiles about the first works of Dostoevsky. The necessary historical and literary context is created by comparing the Slavophiles' point of view with the opinions of V. G. Belinsky and Val. Maykov.

Key words: Criticism, the Slavophiles, naturalism, humanism, philanthropic tendency, analysis, synthesis 78

Mironova V. P.

VERSIFICATION SYSTEM OF EPIC SONGS IN SOUTH KARELIA (courtship runs case study)

Summary: The article considers the Kalevala poetic line. The Kalevala poetic line serves as the basis for many archaic genres of Karelian folk poetry including Karelian runes. The analysis shows that the epic songs of the South Karelia, retaining the basic features of Kalevala metrics, are rather unbound regarding versification.

Key words: Karelian runes, South Karelia epic traditions, size of Kalevala, «interrupted» and «uninterrupted» poems 82

Dundukova A. G.

LEXICO-SEMANTIC SUBGROUP «WATERFOWL» IN ONEGO TRADITIONAL HEROIC EPICS BY A. F. GUILFERDING

Summary: This paper is aimed at the description of the lexico-semantic subgroup «Waterfowl» in «The Onego Traditional Heroic Epics» collected by A. F. Guilferding. Such analysis allows not only to characterize each component of the lexical

paradigm comprehensively and in detail, but also to clarify its significance within the given text or a whole group of texts, which is particularly important for the study of the folklore language.
Key words: Language of the folklore, Russian Traditional Heroic Epic, lexico-semantic group, semantics, syntagmatics, etymology, morphemics, derivation 85

PHILOSOPHY

Kabanova L. I.

ATTITUDE TOWARD NIHILISM IN RUSSIAN CULTURE OF LATE XIX AND EARLY XX CENTURY

Summary: The author of the article suggests a way of conceptualizing Russian nihilism by referring to European and Russian philosophical heritage

Key words: Culture, nihilism, humanism, Russian metaphysics, Russian literature 89

Kotkin K. Ya.

SOME ASPECTS OF PERSONAL AND SOCIAL INTERCONNECTION IN PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF MEMORY

Summary: Questions of interconnection between personal and social beginnings from the standpoint of recollection and oblivion are researched. Individual memory in cooperation with mental processes forms the social choice. Ethic norms, everyday speech, autobiographical memory, autobiography (biography) and historical accounts are transition levels of personal dimension into dimension of social character.

Key words: Memory, oblivion, speech, autobiography, biography, history, the great person 94

ECONOMICS

Kozyreva G. B.

FORMATION OF MODERN OWNERSHIP MODEL (CASE STUDY OF RUSSIAN BORDER RESOURCE REGION)

Summary: Development of the institution of ownership in conditions of market reforms applicable to the border forest regions of Russia is studied. The data of the economic and social surveys provide the basis for the analysis.

Key words: Ownership, effective owner, a model of corporate governance, cross-border resource region 98

Odalis D. B., Rudakov M. N.

RESTRUCTURING OF RUSSIAN ENTERPRISES: ESSENCE, STRATEGY CHOICES AND REGIONAL PRACTICE (MACHINE-BUILDING CASE STUDY)

Summary: Processes and results of the market adaptation are analyzed on the example of the machine-building factories. The main content of restructuring is defined. Its correlation with corporate strategy and choice factors are determined. Survival strategy, based on the experience of Karelian machine-building factories, is substantiated.

Key words: Machine-building, restructuring, strategy 104

Belousov A. S., Vinokurova S. A.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO FINANCIAL ANALYSIS OF COMMERCIAL BANKS' ACTIVITY

Summary: Theoretical aspects connected with the modern methodical approaches to the analysis of the financial and economic activity of commercial banks are examined and generalized, factors influencing the banks' activity are revealed, the concept of the financial analysis with reference to commercial banks is introduced.

Key words: Bank system, banks' activity, the financial analysis, the credit organizations, financial resources. 108

LEGAL STUDIES

Zhilina Yu. A.

VOCATIONAL TRAINING OF CRIMINAL POLICE IN RUSSIAN EMPIRE: PURPOSES, MEANS, AND RESULTS

Summary: The article describes problems related to vocational training of criminal police in pre-revolutionary Russia. Absence of specialized educational institutions and poor financing were compensated by the edition of different manuals and reference books, by creation of short-term training courses and high moral requirements. However, an integral system for police education has not been formed.

Key words: Criminal investigation police, vocational training, moral character, police training courses and schools 112

REVIEWS

Leontieva S. G., Maslinskiy K. A.

The book review: *Ilucha O. P. Everyday Life of Village Teachers and School Children in Karelia at the End of the XIX and the Beginning of the XX Century / Feature articles. Documents. Materials.* 116

DISCUSSIONS

Efimova V. V.

«Speak good words about a poor reviewer» 118

SCIENTIFIC INFORMATION 121